

На добрую память
память семье

Павла о подраж-
детиши где сражался
Ваш отец и дедушка
за свободу нашей родины
Он погиб как герой
на память будет вековой.

от однополчане по
Павла, парти развужив
Павла, Палетиня
Павла.

ВЕТЕРАН

346

Докторович
Леонид

Заболотный
Григорий

Позвала
ОТЧИЗНА
в дощ

Л. Е. ДОКТОРОВИЧ,

Г. П. ЗАБОЛОТНЫЙ

П О З В А Л А
О Т Ч И З Н А
В Б О Й

ОЧЕРК БОЕВОГО ПУТИ 346-Й СТРЕЛКОВОЙ
ДЕБАЛЬЦЕВСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ДИВИЗИИ

г. Дебальцево, Донецкой области

1 9 9 3 год

THE
LIBRARY

THE
LIBRARY
OF THE
BOSTON
PUBLIC LIBRARY

100 NORTH BOSTON STREET
BOSTON, MASSACHUSETTS

1900

Очерк рассказывает о славном боевом пути и фронтовых подвигах воинов 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии, части и подразделения которой сражались на подступах к Москве, принимали участие в контрнаступлении советских войск северо-западнее Сталинграда, в освобождении Донецкого бассейна, Днепропетровской и Запорожской областей, Крымского полуострова, Прибалтики.

* * *

Очерк издается по решению Дебальцевского городского Совета народных депутатов и Совета ветеранов 346-й СДКД.

Вопрос о сохранении в составе страны
и развитии хозяйства южной части
Украины. В настоящее время в стране
и особенно в южной части Украины
имеется острая нехватка хлеба и
других продовольственных товаров.
В связи с этим необходимо
принять срочные меры по
развитию сельского хозяйства
в южной части Украины.

Вопрос о развитии сельского хозяйства
в южной части Украины.
Вопрос о развитии сельского хозяйства
в южной части Украины.

I. ЧЕРЕЗ СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

«Двадцать второго июня, ровно в 4 часа...» Нет, и, наверное, не будет в нашей стране человека, для которого оставалась бы неизвестной эта горькая дата. Ведь с того летнего раннего утра — 22 июня 1941 года — время пошло по особому счету: грянул первый из 1.418 дней Великой Отечественной войны. Очень скоро под сводами Белорусского вокзала в Москве прозвучали набатные, словно из бронзы отлитые слова: «Вставай, страна огромная!...»

В тот грозный час в соответствии с решением Ставки Верховного Главнокомандования у берегов великой русской реки Волги формировались боевые части и соединения Красной Армии, в числе их — и 346-я стрелковая дивизия.

Днем и ночью к Вольску, где находился штаб дивизии, стекались колонны и группы призывников не только с Саратовской области, но и Куйбышевской, Ульяновской. Были среди них люди различных возрастов: и те, кто участвовал в гражданской войне, в боях на советско-финляндском фронте, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, и зеленая молодежь. Держали путь к этому районному городку и многие выпускники военных училищ, командиры среднего звена, призванные из запаса.

Требовалось принять и определить это большое количество людей — свыше десяти тысяч, — обеспечить обмундированием, снаряжением, вооружением, продовольствием; наконец, подготовить их к боям, закалить волю. А время и тяжелая обстановка, сложившаяся для нас на фронтах, торопили; всего несколько месяцев — август, сентябрь, октябрь и половина ноября — были отпущены на формирование дивизии, скалачивание ее частей и подразделений, подготовку к боевым действиям.

В поте лица, не считаясь со временем, подчас не зная сна и отдыха, трудились те, кто стоял у истоков рождения 346-й: и ее командир комдив Иван Елизарович Давыдовский, и комиссар — полковой комиссар Тихон Григорьевич Попов, и начальник штаба полковник Семен Максимович Зиновьев, и начальник политотдела полковой комиссар Иван Андреевич Анчишкин. Горячо брались за дело и сотни средних командиров, возглавлявших взвода, роты, батареи, батальоны и дивизионы, полки и штабы; вносили свою лепту и тысячи младших командиров — сержантов, старшин, назначенных командирами отделений, расчетов, помкомвзводами.

Трудно было переоценить ту повседневную помощь местных партийных и советских органов, которую ощущали воины-волжане в период своего становления.

Формирование дивизии завершилось в предельные сроки. В ее составе теперь находились 1164, 1166 и 1168-й стрелковые полки, 915-й артиллерийский полк, а также 266-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, 303-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея, 803-й отдельный батальон связи, 473-й отдельный саперный батальон, 437-й отдельный медико-санитарный батальон, 513-й отдельный

минометный дивизион (с ноября 1941 г.), 467-я автомобильная рота, химической защиты, тыловые подразделения.¹⁾

Командованием, штабом, политотделом был разработан и четко осуществлялся план боевой и политической подготовки личного состава частей и подразделений. Для занятий, которые, как правило, проводились в поле, отводилось по 12-14 часов в сутки. Если среди бойцов стрелковых подразделений — пехотинцев — развернулось состязание за подготовку отличных пулеметчиков, автоматчиков, гранатометчиков, истребителей танков, то в батареях и дивизионах — умелых и опытных артиллерийских разведчиков, вычислителей, топографов, орудийных номеров, конводоров, ездовых.

Оперативно и чаще всего непосредственно на местах, в частях и подразделениях, решались командованием и политотделом вопросы расстановки командиров, политработников, создания партийных и комсомольских организаций, развертывания партийно-политической работы.

В первой половине октября 915-й артполк в полном составе выехал на Шиханский артиллерийский полигон, где провел стрельбу боевыми снарядами. Это был серьезный экзамен для всех, начиная от командира полка майора Станислава Норбертовича Скаковского, комиссара полка старшего политрука Якова Петровича Евтушенко и кончая орудийными номерами, ездовыми. Действовать всем потребовалось в обстановке, приближенной к боевой. За батарейные стрельбы пушкари получили удовлетворительную оценку. Зато, метко ведя огонь прямой наводкой по неподвижным и движущимся целям, все орудийные расчеты заслужили хорошие оценки.

Забегая вперед, заметим, что события той поры на артиллерийском полигоне найдут отражение в романе «Возвращение», написанном командиром орудия 3-й батареи сержантом А. Марченко; в послевоенное время он станет писателем, лауреатом премии имени А. А. Фадеева, дипломатом министерства обороны СССР.²⁾

В октябре же проводились и ротные, батальонные, полковые тактические занятия. Завершились они дивизионным двухсторонним тактическим учением. Ему суждено было стать своеобразным смотром боевой готовности личного состава и одновременно заключительным этапом ускоренного формирования 346-й. Времени на устранение выявленных упущений и недоработок, к сожалению, уже не оставалось, а кое-что пришлось доделывать и на ходу. Ведь в третьей декаде ноября части и подразделения дивизии, выполняя полученный приказ, приступили к погрузке на станции Привольская Приволжской железной дороги в эшелоны. Спешным порядком отправлялись они в северном направлении.

¹⁾ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее ЦАМО), ф. 346-й с. д., оп. 1, д. 1, л. 10.

²⁾ А. Т. Марченко. Избранное, в двух томах. М. Воениздат, 1985.

А местом их разгрузки стала станция Рязск, Московской железной дороги, где уже так явственно ощущалось дыхание ожесточенных боев с немецко-фашистскими войсками, бешено рвавшимися к Москве.

Систематически наносила авиация противника бомбовые удары и по Рязскому железнодорожному узлу. Несколько вражеских самолетов атаковали эшелон, начальником которого был командир 2-го дивизиона 915-го артполка старший лейтенант Н. Синегубов. Появились первые раненые. В связи с этим были приняты дополнительные меры маскировки эшелонов, а разгрузка их, как правило, проводилась только в ночное время.

Не мешкая, один за другим батальоны и дивизионы после разгрузки направлялись в указанные им районы северо-западнее Рязска, занимали оборону. 346-я стрелковая дивизия вошла в состав 61-й резервной армии генерал-лейтенанта М. М. Попова, находившейся на рубеже Рязск—Ряненбург—Мичуринск. Ее задача состояла в том, чтобы преградить дорогу танковым и моторизованным войскам немецкого генерала Гудериана, прорвавшимся в обход Тулы сюда, на территорию Рязанской области и ни в коем случае не допустить их прорыва отсюда на Москву. К решению этой боевой задачи теперь были причастны и воины-волжане.

За оборудование позиций они взялись, что называется, засучив рукава. Основным районом обороны стали Шемитишевские хутора, населенный пункт Зезюлино. Многого в дивизии было сделано для того, чтобы надежно укрепить стыки на флангах и установить прочные связи с соседями. С этой целью, как отмечает в своих рукописных воспоминаниях М. М. Беловодов, в то время капитан, начальник разведки дивизии, «потребовалось в кое-каких местах «потревожить» не в меру обнаглевших, спесивых захватчиков. А героями дня, — продолжает он, — стал со своими бойцами командир батальона из 1164-го стрелкового полка старший лейтенант Василий Серский. Атаковав внезапно заснеженную станцию Павелец, они вышлибли с нее гитлеровцев, погнали их дальше. Командир полка майор Н. В. Савичев поддержал действия храбрецов, направил в наступление остальные два батальона. В результате нового стремительного удара было захвачено и соседнее Горлово. Из него гитлеровцы побежали, что говорится, в одних кальсонах, бросив исправными и невредимыми 208 автомашин, 140 ящиков с боеприпасами, другое имущество... Самым важным, разумеется, было то, что с занятием Павелеца, Горлово, а также Ново-Александровки дивизия установила деловые связи с соседями, стыки оказались «на замке». Именно здесь, на стыках, фашисты начали прощупывать нашу оборону, пытались просочиться, но каждый раз получали поворот «от ворот».

Отсчитывал свои первые дни грозовой декабрь 1941 года. Наступление немецко-фашистских войск, рвавшихся к Москве, захлебнулось; рухнул гитлеровский «Тайфун». На фронте наступил решительный перелом

И теперь наши, советские войска, входившие в состав Калининского, Западного, Юго-Западного фронтов, без промедления перешли в контрнаступление, погнали прочь врага. 61-я армия была передана из резерва Верховного Главнокомандования в состав Юго-Западного фронта. Приказ: «Вперед! Громи-бей фашиста-захватчика!» услышали и воины 346-й.

Путь их наступления пролегал по Черновскому району к Дону. Форсировав его, находившиеся в первом эшелоне, 1166-й стрелковый полк майора А. Н. Бочкина и 1168-й стрелковый полк майора Е. В. Семехина 15 декабря вошли в соприкосновение с противником на рубеже реки Непрядвы — у сел Богдановка, Непрядово, Хворостянка. Вспыхнули бои. Особенно упорно сопротивлялись гитлеровцы в Хворостянке; наступающих они встретили ливнем огня из стрелкового оружия, минометов. В этой сложной обстановке инициативу и находчивость проявил командир 1-го батальона 1166-го стрелкового полка старший лейтенант А. Дядин. Поставив в известность командира полка, он со своими бойцами обошел по балке село, организовал разведку и ударил по фашистам с фланга, там, где они не ожидали этого. Потому-то и отступали весьма поспешно, в панике.

Вскоре за спинами воинов-волжан осталось и освобожденное село Ивановка, что в Куркинском районе — уже Тульской области. Угрюмо, молча шагали они по заснеженным дорогам. Своими глазами увидели все, что принесли гитлеровские захватчики советским людям. Сожженные жилища, виселицы, взорванные заводские цеха, зверские расправы с жителями, угон их на каторгу в Неметчину — все это вызывало у каждого ненависть к фашизму, стремление как можно скорее очистить от него родную землю.

Здесь, на Тульщине, частям дивизии предстояло первым делом овладеть районным центром и железнодорожной станцией Волово. Дорога к ним пролегла через Куликово поле — священную землю, овеянную ратной славой наших далеких предков. Тут, на берегах реки Непрядвы, в 1380 году войска Дмитрия Донского наголову разбили орды Мамаю. И ют, спустя пять с половиной столетий в этих местах снова раздался гром боев.

А первым к Куликову полю вырвался головной отряд, в состав которого входил артиллерийский дивизион под командованием старшего лейтенанта Н. Синегубова. Накануне боевую задачу перед ним поставил командир 915-го артиллерийского полка майор С. Скаковский. «Не подкачайте, боевые друзья, — напутствовал он пушкарей, — вон какая миссия выпала на нашу долю».

Короткий декабрьский день уже сменился легкими сумерками, когда Синегубов и коновод Петр Мироненко остановили лошадей у небольшого холма. На обочине дороги в сугробах снега догорали брошенные врагом повозки, мешки с различным имуществом. Неподалеку увидели столб, а

под ним — доску-указатель, сорванную вражеской рукой. «Поле Куликово» — гласила надпись. Мироненко поднял указатель, закрепил его на столбе.

Между тем подъехали орудийные расчеты. Бойцы и младшие командиры молча подходили к указателю, останавливались вокруг. Появились и разведчики; они доложили, что позиции гитлеровцев совсем близко. Артиллеристы тут же устремились к орудиям, начали готовиться к бою. Недалеко от дороги заняла позицию батарея под командованием старшего лейтенанта Т. Иващенко. Для стрельбы прямой наводкой были выделены орудийные расчеты из батареи капитана И. Шишулина. То тут, то там мелькала фигура начальника штаба дивизиона лейтенанта П. Домбровского, человека деловитого, озабоченного; он помогал пушкарям и советами, и делом.

Глубокий снег лежал на Куликовом поле. Проваливаясь по пояс, артиллеристы растянулись цепочками: передавали из рук в руки ящики со снарядами. Так прошла ночь. А на рассвете — было уже 16 декабря 1941 года — гулко заговорили наши орудия. Фонтаны разрывов взметнулись по всему рубежу вражеской обороны. Поднялись в атаку бойцы стрелковых полков. Всходило солнце и его лучи высветлили многометровый чугунный монумент «Поле Куликово», воздвигнутый потомками в честь великой битвы. Он поднимался прямо над местом боя и, казалось, благословлял советских воинов на подвиги во имя Отчизны.

Фашисты не устояли перед упорным натиском. Выбитые из своих позиций, снова бросились наутек: только успевая за ними!

...Пройдут десятилетия. 11 августа 1970 года газета «Красная звезда» расскажет своим читателям о тех, кому выпало громить фашистов на Поле Куликовом. Газета опубликует фотоснимки Николая Николаевича Синегубова и Петра Леонидовича Домбровского. Первый из них закончит войну полковником, командиром артиллерийского полка. Второму, поляку по национальности, суждено будет в дальнейшем служить в 1-й польской дивизии имени Т. Костюшко, командовать там сначала дивизионом, затем гаубичным полком; он тоже станет полковником.

В сентябре 1980 года, когда страна будет отмечать 600-летие победы в Куликовской битве, зная 346-й стрелковой дивизии по праву займет почетное место в Московском историческом музее, а в день официального проведения торжеств его доставят на Куликово поле.

Вернемся однако к событиям 1941 года.

Приобретенный боевой опыт уже позволял командирам и бойцам дивизии действовать более уверенно, смело, расторопно. И все же темп наступления ряда наших подразделений был слаб, недостаточен, и командир дивизии комдив Иван Елизарович Давыдовский, которого видели то в одном полку, то в другом, торопил, требовал большего; нельзя было мириться с тем, что основные силы противника чаще всего успевали ускользнуть и бои велись лишь с арьергардными отрядами, прикрывавшими их отход.

С учётом требований, замечаний комдива осуществлялась операция по захвату укрепленного врагом железнодорожного узла Волово. Один из батальонов 1166-го стрелкового полка обошел его справа через деревню Саратовку, а батальоны 1168-го полка устремились в атаку с противоположной — восточной — стороны. Мешала разыгравшаяся метель, продвижение везде замедлилось. Случилось и вовсе горькое, непредвиденное. Как рассказывает в своих рукописных воспоминаниях военфельдшер одного из дивизионов 915-го арtpолка лейтенант медицинской службы в отставке А. А. Маслов, никто и не предполагал, что на подступах к Волово фашисты выставят хорошо замаскированную в кучах необмолоченного жита засаду. «За свою неосмотрительность, если хотите, беспечность, — продолжает он, — нам пришлось расплачиваться кровью, смертями. Разумеется, гитлеровцы без единого звука пропустили нашу разведку, шестую по дороге в десятке метров от них, но когда здесь появилась колонна пехоты с артиллерией, то ударили по нас пулеметными и автоматными очередями... Было много убитых и раненых. Спасли нас от полного разгрома артиллеристы батареи старшего лейтенанта Т. В. Иващенко, которые развернулись буквально за считанные минуты и прямой наводкой повели огонь по осинному гнезду».

Между тем во всю разгорелись бои на окраинах Волово. Первым на железнодорожную станцию пробился 2-й стрелковый батальон во главе со своим командиром старшим лейтенантом Амурханом Койбаевым — из 1168-го стрелкового полка. Зажатые со всех сторон фашисты метались, словно в мышеловке. Им не удалось вывести ни одного вагона с награбленным имуществом, продовольствием. К исходу 18 декабря Волово было полностью очищено от оккупантов. Около 50 из них были сражены в боях, а среди трофеев насчитывалось 212 автомашин, 77 мотоциклов, 6 танков, 20 ручных пулеметов, свыше 12.000 мин, другое военное имущество.

Решающую роль в освобождении Волово сыграл 1168-й стрелковый полк майора Е. В. Семехина. Военный совет 61-й армии обратился к его личному составу с телеграммой, в которой говорилось: «Поздравляю с успешным выполнением приказа по занятию Волово. Надеюсь, что вы с честью выполните свой долг перед Родиной по окончательному разгрому врага. Попов, Колобенов.»¹⁾

В сводке Совинформбюро тех дней отмечалось, что занятие станции Волово является серьезным успехом Красной Армии. Сообщалось и о том, что войска Юго-Западного фронта, вышедшие на рубеж Волово—Хомутово—Ливны, разгромили 34-й армейский корпус противника.

Наша 346-я продолжала гнать врага. Хотя он и отступал, но, как и прежде, был силен, опытен, коварен, оказывал все более возрастающее сопротивление. С боями приходилось брать каждый населенный пункт. Вот и за станцию Теплое гитлеровцы держались до последнего. А их потери — около 300 оставленных трупов — свидетельствовали и о накале

¹⁾ ЦАМО, фонд 1665, оп. 1, д. 17, л. 5.

разыгравшихся тут кровопролитных боев, и о фанатическом упорстве оболваненных геббельсовской пропагандой гитлеровских вояк. Слов нет, неблагодарное это было дело: считать трупы погибших. Но вольно-невольно это вынуждены были делать бойцы нашей похоронной команды; им пришлось стаскивать трупы в общую кучу, предавать их земле.

В боях за освобождение станции и населенного пункта Теплое опять таки отличились своей напористостью, бесстрашием (ведь дошло здесь и до рукопашных, штыковых схваток) бойцы стрелкового батальона старшего лейтенанта Амурхана Койбаева. Именно с этих пор они стали именовать себя в разговорах «койбаевцами», а кто-то из полковых поэтов сложил о них бесхитростную песню, в припеве которой были строки:

«...За нашу Родину, за наш народ
идут койбаевцы всегда вперед».

Наступая по-прежнему вдоль железной дороги, дивизия с боями приближалась к крупной узловой станции Горбачево. Были освобождены десятки населенных пунктов Воловского, Плавского районов Тульской области.

В политическом донесении, направленном тогда полковым комиссаром Т. Г. Поповым в политотдел армии, отмечалось, что бойцы и командиры всех частей и подразделений дивизии, преисполненные священной ненавистью к гитлеровским захватчикам-поработителям, проявляют в схватках с ними массовый героизм. В донесении назывались имена многих отличившихся воинов-пехотинцев, артиллеристов, минометчиков, связистов. Так, командир отделения 3-й стрелковой роты 1166-го стрелкового полка сержант Андрей Батяев вырвался вперед наступающих однополчан и огнем ручного пулемета сразил пять гитлеровцев. В дальнейшем, преследуя на броне танка убежавших врагов, убил еще шесть из них, а одного пленил. Приказом командующего 61-й армией отважный сержант награжден орденом Красного знамени. Среди артиллеристов прославился командир взвода управления 4-й батареи 915-го артполка лейтенант А. Г. Татарinov. Находясь на передовом наблюдательном пункте, он обеспечил меткие удары огневых расчетов по позициям противника. А когда пехотинцы поднялись в атаку, вместе с ними зашагал и он, корректируя на ходу огонь своих пушек. В результате были уничтожены одна за другой несколько вражеских огневых точек, вставших на пути наступавших. Расторопным, бесстрашным наводчиком в 1-ой батарее артполка проявил себя красноармеец Г. П. Кнамов. Продвигаясь со своим 76-миллиметровым орудием в цепи пехотинцев и ведя огонь прямой наводкой, он разнес в пух-прах три немецких пулеметных гнезда вместе с находившимися там гитлеровцами.¹⁾

¹⁾ ЦАМО, фонд 33, оп. 1982524, д. 318, л. 157, 165, 189.

К боям за станцию Горбачево в дивизии готовились заблаговременно. Следовало ожидать, что противник будет держаться тут из последних сил, ведь с потерей этой станции для него окажется перерезанной железная дорога Тула—Орел. Да и данные разведки — армейской, дивизионной — свидетельствовали о том, что Горбачево превращено фашистами в мощный опорный пункт; его удерживали части 56-й и 112-й немецких пехотных дивизий.

С учетом всего этого 346-я стрелковая дивизия, завязавшая уже бои на подступах к Горбачево, была усилена 142-м отдельным танковым батальоном и отдельным истребительно-противотанковым артиллерийским дивизионом 61-й армии. А в состав ударной группы, которой предстояло вместе с танкистами таранным ударом прокладывать путь наступающим, вошли уже прославившиеся в прежних боях стрелковые батальоны старших лейтенантов Койбаева и Серского.

Следует также отметить, что в боях за освобождение Горбачево артиллеристами дивизии был впервые применен сосредоточенный огонь всех дивизионов и батарей по укреплениям и опорным пунктам противника. Руководил этим командир артполка майор С. Н. Скаковский. Особенно меткие, результативные удары одновременно из многих орудий были нанесены по позициям фашистов на железнодорожном узле. Они понесли там большие потери в живой силе, боевой технике, в чем позже могли убедиться пришедшие туда наши воины.

И все же сломить сопротивление врага в Горбачево оказалось делом очень трудным. Ожесточенные бои на его окраинах, улицах, железнодорожных путях продолжались почти в течение всего дня — 22 декабря. На одном из участков наступающие подразделения были встречены огнем немецкого миномета. Неся потери, наши бойцы залегли. И тогда командир минометного взвода из 1168-го стрелкового полка лейтенант А. А. Бондаренко вместе с одним из своих расчетов вступил в огневой поединок с немецкими минометчиками. Они были уничтожены все до одного и наши пехотинцы снова поднялись в атаку. В этом смертельном поединке был ранен и Бондаренко, однако он не оставил поле боя, продолжал вместе со своими бойцами разить врагов.

И только уже к исходу дня удалось нашим полкам занять железнодорожную станцию, устланную сотнями трупов фашистских захватчиков.

С горечью необходимо сказать и о том, что в ожесточенных боях за освобождение Горбачево сложили головы немало наших воинов-волжан.

Фронтной декабрь сорок первого года отсчитывал свои последние дни. В дивизию прилетела весть: вновь сформирован Брянский фронт во главе с командующим генерал-полковником Я. Т. Черевиченко, в его состав вошла и 61-я армия. Впрочем, перед 346-й оставалась прежняя боевая задача: наступать к Оке, в направлении города Болхова.

На восточный берег Оки наши передовые части вырвались утром 27 декабря 1941 года.

Враг, укрепившийся на высоком западном берегу, встретил наступающих ураганным огнем. Презирая опасность, воины-волжане перебежками и по-пластунски преодолевали скованную льдом реку и вступали то тут, то там в схватки с фашистами. Упорный, кровопролитный бой разгорелся за село Толкачево; оно расположено на господствующей тут высоте и, несомненно, играло для противника роль опорного пункта. Сражаться за Толкачево выпало батальонам 1166-го стрелкового полка. На подступах к селу был сражен командир 2-й стрелковой роты младший лейтенант Б. Морин, ведший своих пехотинцев в атаку. Но уже через минуту-две послышался голос красноармейца Владимира Задовского, принявшего командование ротой на себя: «За мной, товарищи! Бей гада-фашиста!»

С боем потребовалось нашим воинам брать в этом селе каждую улицу, каждый дом. Засевших в подвалах гитлеровцев «выкуривали» гранатами; впрочем, для многих эти подвалы становились могилой. Пулеметные очереди неслись вдогонку и тем гитлеровским войскам, которые поспешно удирали.

Враг бежал из Толкачево. Но, как свидетельствовали дальнейшие события, не отказался от намерения вернуться сюда. Контратаку немцы предприняли со стороны Хмелевой. Им удалось захватить значительную часть Толкачево. Наши бойцы смогли закрепиться лишь в нескольких окраинных домах. Теперь надо было вернуть отданное врагу. И вновь батальоны 1166-го стрелкового полка, так поредевшие в этот день, поднялись в атаку. Пехотинцев поддерживали оружейные расчеты 915-го артполка. Бесстаршно действовали наводчики 76-мм орудий красноармейцы И. Давыдов, Г. Климов, Г. Митрофанов, посылавшие снаряд за снарядом по врагам. Тут же можно было увидеть и отважного санинструктора 2-й батареи сержанта Ивана Бодрова. Он вынес с поля боя одного за другим 14 раненых, оказал им первую помощь, помог эвакуировать на медицинский пункт.

Враг был снова изгнан из Толкачево, оставив в нем в общей сложности около 350 трупов своих солдат и офицеров. Вместе с тем воины дивизии овладели населенными пунктами Болвановка, Пальчиково, Малые и Большие Голубочки, Крутогоры, Теремцы и подошли к окраинам города Болхова. Но гитлеровское командование, судя по всему, не могло примириться со случившимся, предпринимало отчаянные попытки к тому, чтобы вернуть потерянное.

В первый день января — начался уже новый, 1942 год, — ожесточенный бой разгорелся в районе села Пальчиково, на участке 1168-го стрелкового полка майора Е. В. Семехина. Противник бросил там в контратаку несколько пехотных подразделений, поддержанных 6 танками и 2 бронемашинами.

В схватку с фашистской броней перво-наперво вступили орудийные расчеты 4-й батареи 915-го артполка, находившиеся в боевых порядках наших пехотинцев. Сражались артиллеристы героически. Выстрелами в упор они уже в первые минуты боя подбили два танка. Но под градом вражеского огня редели и их ряды. Был сражен командир 1-го огневого взвода младший лейтенант Д. Гаврилов. Вскоре оказались выведенными из строя полностью расчеты двух орудий. И тогда сам командир батареи капитан Иван Алексеевич Шишулин бросился к одному из этих орудий. Действуя один за наводчика и всех других номеров расчета, он взял в прицел очередную машину, первыми же выстрелами остановил ее. В эти минуты Шишулин был ранен осколками немецкого снаряда, но не оставил свое место у орудия, продолжал вести огонь по врагам и в то же время отдавал короткие команды подчиненным. Воодушевленные его примером, стойко держались все батарейцы, и среди них — командир взвода лейтенант В. Клан, наводчики Ф. Паницкий, П. Амекичев, А. Цыбизов, орудийный номер И. Фролов, разведчик М. Толмачев. Лишь уже тогда, когда Шишулин был снова ранен, лишился глаза, потерял сознание, его срочным порядком увезли на повозке в медсанбат.

Командование батареей принял на себя ее комиссар политрук Д. И. Потапов. В его мужественном поведении артиллеристы тоже видели достойный образец для подражания. Никто из них не дрогнул, все сражались не на жизнь, а на смерть... И погибших предали земле тут же, на огневой позиции.

Наконец, оставив перед окопами наших воинов три горевших танка, бронемашину, развороченную прямым попаданием снаряда, и множество трупов, гитлеровцы отступили.

Подвиг артиллеристов 4-й батареи был достойно отмечен. Капитан Шишулин стал кавалером ордена Красного Знамени, политрук Потапов — Красной Звезды. Орденами и медалями были награждены и все другие батарейцы, среди них и те, кто пал смертью храбрых в бою.¹⁾

Январю 1942 года было суждено войти в историю 346-й стрелковой дивизии целым рядом новых фронтовых событий. В ее частях и подразделениях подводились итоги первых месяцев боев, участия воинов-волжан в контрнаступлении советских войск под Москвой. Каждый из них теперь мог с гордостью говорить о своем причастии к этой исторической битве, в которой Красная Армия, опиравшаяся на помощь всего советского народа, нанесла немецко-фашистским захватчикам крупное поражение, сорвала гитлеровский план «молниеносной войны», показав всему миру, что есть сила, способная не только остановить, но и уничтожить нацистских претендентов на мировое господство. Сражаясь в составе соединений и частей 61-й армии, воины 346-й с боями прошли свыше 300 километров, освободив свыше 500 населенных пунктов Рязанской, Тульской, Орловской областей.

¹⁾ ЦАМО, фонд 33, оп. 682524, д. 303, л. 440, 448.

«Продвижение войск 61-й и 3-й армий в период с 18 декабря по начало января, — отмечается в кратком научно-популярном очерке «Великая Отечественная война», — способствовало успеху наступления Западного фронта под Тулой и на калужском направлении. Наибольший успех сопутствовал войскам 61-й армии, которая вышла к Оке южнее Белева.»¹⁾

4 января 1942 года 61-я армия получила приказ на проведение перегруппировки. Новая боевая задача была поставлена и 346-й стрелковой дивизии: сосредоточиться в районе Сороколетова—Михайловское—Андреевское—Рылово; 7 января перейти в наступление, в результате которого выйти на рубеж Близновский—Бошноно.

Нельзя не сказать о том, что наши стрелковые и артиллерийские подразделения, понесшие потери в предыдущих боях, были ослаблены; сказывалась также недостача вооружения, боеприпасов. Темп нашего наступления в этих местах был явно слабым. Противник, подтягивая из глубины свои резервы, неистово сопротивлялся, предпринимал контратаки. Некоторые населенные пункты переходили по несколько раз из рук в руки.

Много часов не умолкал гул боя в районе села Грынь. Наступавшие там батальоны 1168-го стрелкового полка, которым теперь командовал уже майор А. П. Макарьевский, смогли «зацепиться» лишь за одну из окраин села — западную. А на его северной и восточной окраинах укрепились гитлеровцы. Наступающих они встретили плотным, губительным огнем. К тому же вскоре ввели в бой несколько танков. Подойдя на близкое расстояние к нашим позициям, те открыли интенсивную стрельбу. После огневого налета фашисты, прикрываясь броней танков, ринули в атаку. Бойцы 1168-го стрелкового полка и подоспевшие им на помощь стрелковые роты 1166-го встретили врага огнем в упор. Гитлеровцы отступили, однако через некоторое время предприняли новую, более сильную атаку. Но и на этот раз крепко получили, как говорится, по зубам. Они вынуждены были ретироваться, оставив на улицах и в дворах десятки трупов. Стойко, мужественно сражались и сам майор Макарьевский, и командиры батальонов капитаны Диган, Верченко, и многие пехотинцы.

Не подкачали и артиллеристы. Командир взвода управления 5-й батареи младший лейтенант А. Брыткин вместе с разведчиком красноармейцем Ю. Александровым забрались на чердак одного из сельских домов и оттуда корректировали стрельбу своих расчетов по врагу. Снаряды разили гитлеровцев без промаха. Группе немецких солдат удалось прорваться к этому дому. Они перерезали телефонный кабель, который тянулся отсюда к огневой позиции, и намеревались подняться на чердак. Брыткин и Александров вступили в схватку с ними: оба отстреливались короткими автоматными очередями, экономя патроны, и продержались до подхода пехотинцев.²⁾

¹⁾ Москва, Политиздат, 1970 г., стр. 120.

²⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 1982524, д. 318, л. 151.

Трудно, очень трудно приходилось воинам-волжанам в те студенные зимние дни: целую неделю — с 7 по 12 января — вели они бои за овладение населенными пунктами Дубно, Вейно, Грынь, Кирейково...

На окраине и улицах Кирейково воистину бесстрашными показали себя бойцы артиллерийской батареи лейтенанта К. Т. Шамаева из 915-го артполка. Прокладывая путь пехотинцам, они огнем прямой наводки, в упор расстреливали немецких автоматчиков, засевших в домах, сараях.

А на соседнем участке, у деревни Песочинка, в самом пекле боя оказалась батарея старшего лейтенанта Т. В. Иващенко. Ей суждено было принять на себя основной удар контратакующих там фашистов. Батарейцы сражались насмерть. Они подбили три танка, уничтожили множество наседавших врагов. А когда кончились боеприпасы, мужественные пушкари во главе со своим командиром вступили в рукопашные схватки с гитлеровцами, отбросили тех прочь.

В середине января 1942 года 61-я армия была передана из Брянского в состав войск Западного фронта, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков, и в те же дни в штабе 346-й стрелковой дивизии был получен боевой приказ: занять позиции на рубеже населенных пунктов Уколица, Ивановка, Ленинский, Железница, Озерно, сменив части 350-й стрелковой дивизии.

Там, на землях Орловской и Калужской областей воинам-волжанам предстояло в течение многих месяцев вести так называемые бои местного значения. Разгорались они чаще всего тогда, когда та или другая сторона вознамеривалась занять более выгодные для себя рубежи, овладеть тем или иным близко расположенным населенным пунктом. Доходило и до того, что в схватки вступали не только отдельные подразделения, но и целые части.

В самом начале февраля 1-й стрелковый батальон старшего лейтенанта А. Дядина из 1166-го стрелкового полка внезапной атакой вышиб гитлеровцев из Нижней и Верхней Радомки. Командир полка, а теперь им был капитан Г. И. Ленев (обновление командного и политического состава, особенно в стрелковых частях происходило непрерывно) поспешил с несколькими ротами к месту боя, чтобы закрепить успех. Но и противник, собравшись с силами, пытался во что бы то ни стало вернуться на прежние позиции. Бои приняли самый ожесточенный характер. На одном из участков, где в то время находился капитан Ленев, гитлеровцы предприняли «психическую» атаку. Несколькоими густыми рядами, в полный рост, с покрасневшими от шнапса лицами, они приближались к нашим позициям. Уже рукой было до них подать — оставались каких-то 200 метров, — когда пехотинцы услышали голос командира полка: «Огонь!» Свинцовые очереди наших «максимов», автоматов, меткие ружейные выстрелы мгновенно отрезвили немецких захватчиков, затеявших эту авантюру. Впрочем, тут же очень многие из них нашли свою бесславную гибель. Ни одному из врагов не удалось прорваться на сельские улицы.

Однако в дальнейшем под давлением во много раз превосходящих сил противника наши воины вынуждены были отойти из Нижней и Верхней Радомки. Бессмертный коллективный подвиг там совершили 20 бойцов во главе с лейтенантом А. Гиньковым, находившимся в боевом охранении. Они с презрением отнеслись к требованию окруживших их фашистов «Русс, сдавайся!», дрались до последней капли крови и все до единого сложили головы в неравном бою.

В тех ожесточенных схватках был ранен и командир полка капитан Ленев. Из дивизии он выбыл. О его судьбе однополчанам станет известно уже в послевоенные годы. Ранение оказалось серьезным, лечиться потребовалось долго. Только летом 1944 года уже в звании майора Георгий Матвеевич Ленев примет на днестровском рубеже в районе города Григориополь 902-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии, с которым пройдет боевой путь до здания рейхсканцелярии в Берлине. За мужество и отвагу, проявленные в боях за удержание плацдарма на Одере, удостоится звания Героя Советского Союза. В составе сводного полка 1-го Белорусского фронта будет участвовать в параде Победы. В те знаменательные дни Георгий Матвеевич побывает в родных местах — в городе Ромны Сумской области, встретится с земляками. В дальнейшем ему, генералу, выпадет трудиться на ответственных постах начальника Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР, заместителя командующего войсками Северо-Кавказского, позже Ленинградского военного округа. До последних дней жизни коммунист Георгий Матвеевич Ленев сохранит глубокую верность раз и навсегда избранной профессии военного человека — защитника Родины.¹⁾

К концу февраля — началу марта 1942 года 346-я стрелковая дивизия заняла оборону на протяжении почти 40 километров в полосе населенных пунктов Ульяновского района Калужской области: Ивановка, Уколица, Маровка, Песочинка, Угольные печи, Ульяново, Сорокино, Грынь, Дурнево.

Борьба с противником приняла позиционный характер. Обе стороны, находясь в непосредственном соприкосновении, вели огневые бои. Вскоре однако из-за нехватки боеприпасов нашим артиллеристам был установлен строгий лимит расхода снарядов. Огонь на уничтожение целей в расположении противника открывался лишь после тщательной разведки и с разрешения старшего начальника.

По приказу командира дивизии комдива И. Е. Давыдовского часть личного состава 915-го артполка была направлена на пополнение стрелковых рот, понесших большие потери в боях. Упреждая события, отметим, что через некоторое время все артиллеристы по распоряжению из штаба армии возвратятся в свои батареи и дивизионы. Разумеется, прибегать к такой мере было нецелесообразно. Ведь для подготовки, скажем, наводчика орудия требовалось во много раз больше времени, сил, чем стрелка-пехотинца. Нельзя было не считаться с этим.

¹⁾ Герой Советского Союза. М., Воениздат, 1987. с. 862.

Необычное задание в один из тех дней получил командир батареи лейтенант П. И. Федоров. Предстояло прямой наводкой нанести удар по кирпичному сараю с подвалом, находившемуся за передним краем фашистов на окраине хутора Лесного. Как установили наши разведчики, в нем ночевали по несколько десятков немцев; они стекались туда поочередно из огневых позиций, траншей.

К выполнению задания лейтенант Федоров привлек бойцов двух оружейных расчетов. Вместе с ними погрузил на сани 122 мм гаубицу, снаряды. Ночью волоком потащили их через лесок к заранее намеченной огневой позиции на нейтральной полосе. А рано-утром, едва в прицеле гаубицы вырисовались контуры сарая, прогремели частые выстрелы. Снаряды лягли без промаха: рухнули стены сарая, подвал. Под их тяжестью были погребены находившиеся там гитлеровцы.

Наши артиллеристы собрались в обратный путь. И тут произошло непредвиденное: во время разворота саней взорвалась одна из установленных там немецких мин. Ее осколками был смертельно ранен лейтенант Федоров. Скончался он в пути, на станинах гаубицы, когда бойцы торопливо тянули поклажу к расположению артполка. Боевой подвиг мужественного командира и его пушкарей был отмечен наградами Родины.

Над позициями частей дивизии то и дело появлялись двухфюзеляжные немецкие разведывательные самолеты «фокке-вульф». За свой внешний признак они получили у наших бойцов прозвища «рама», «костыль». Случалось, пехотинцы посылали по их адресу самые что ни есть нелестные словечки, безрезультатно стреляли по ним из ручных пулеметов, винтовок.

Нельзя было ожидать невозможного и от воинов нашей отдельной зенитной артиллерийской батареи, которой командовал старший лейтенант Н. И. Орловский. Ведь на вооружении у них были лишь шесть 25-мм зенитных пушек. Средств этих явно нехватало ни для эффективной борьбы с воздушным противником, ни для прикрытия основных объектов обороны наших частей. Правда, в 915-м артполку выделили для этого 76-мм орудие, подготовили для него турель (площадку), обеспечили специальными шрапнельными снарядами. Увы, несмотря на все старания воинов этого расчета результат всегда оказывался нулевым: снаряды рвались вблизи «рам», но ни разу не было попадания в них.

Весенняя распутица прибавила новых невзгод. Затруднилась доставка боеприпасов, продовольствия, снаряжения. И теперь в полках ежедневно выделялись дежурные подразделения, бойцы которых доставляли по бездорожью все это на себе. Плечо такой ручной подачи достигало от тылов дивизии до боевых порядков 20-25 километров. Что ж, бывало тогда и такое: суточная пайка питания бойцов и командиров состояла лишь из нескольких сухарей, сдобренных ложкой подсолнечного масла и щепоткой соли. И прямо таки в бедственном положении очутилась тягловая сила, без которой невозможным было передвижение орудий, нагруженных снарядами, патронами, снаряжением повозок, то есть сотни ло-

шадей. От бескормицы они совсем отошали, начался даже падежь. Что было поделывать? И, как говорилось, не от хорошей жизни ездовые, коневоды разбирали соломенные крыши в опустевших прифронтовых селах, готовили скудный корм для лошадок.

«Не ведая страха и усталости» — под таким заглавием опубликовала в те дни дивизионная газета¹⁾ корреспонденцию о суровых фронтовых буднях пехотинцев, артиллеристов, саперов, связистов, ездовых. Действительно, среди личного состава частей, подразделений невозможно было встретить ни одного человека, который бы перед лицом всех тех невзгод, опасностей спасовал, поддавался унынию, панике. Об этом свидетельствовали и многочисленные документы — боевые, политические донесения, ставшие со временем достоянием архивов. Стойкость воинов дивизии, их высокий боевой дух были обеспечены непрерывной партийно-политической работой. Ярким проявлением ее действенности являлся, несомненно, также постоянный поток заявлений о вступлении в ряды ВКП(б). Около ста бойцов и командиров дивизии в то трудное для нас время соединили свою судьбу с партией Ленина.

Было 7 марта 1942 года. На одном из участков нашей обороны — у Кирейково гитлеровцы перешли в наступление. Овладев этим населенным пунктом, они направились к соседнему — поселку Ленинскому. Но здесь встретили решительный отпор. Завязались упорные, кровопролитные бои; то стихая, то возобновляясь с новой силой, они продолжались до 14 марта. И с каждым днем в них вступало все больше и больше наших воинов. Находился там и командир дивизии комдив И. Е. Давыдовский, решивший сам возглавить отражение вражеских атак.

Железную стойкость там, у Ленинского, проявила группа разведчиков под командованием капитана М. М. Беловодова. Изю всех сил сдерживали они бесценный натиск гитлеровцев, разили их огнем из автоматов; никто ни шагу не сделал назад.

Отважно, мужественно сражались на позициях под Ленинским и сотни пехотинцев, артиллеристов, минометчиков. Выстояв в тех невиданных по накалу семидневных боях, воины дивизии истребили более 340 фашистов, сорвали планы их наступления. Но тогда же в наших частях разнеслась и горькая весть: в бою был ранен командир дивизии комдив Давыдовский.

Мартовские фронтовые дни вскоре сменились апрельскими, затем и майскими, — время бежало неумолимо. Оставаясь на прежних позициях, дивизия вела активную оборону. Вместе с тем личный состав был занят на сооружении долговременных земляных огневых точек — ДЗОТов. На танкоопасном направлении перед нашим передним краем южнее Уколицы и Озеринского был отрыт противотанковый ров. Второй, еще более протяженный, появился на рубеже между Сорокино и Богдановским. Горячая пора была у саперов: они продолжали минировать подступы к переднему краю; валили деревья на лесных дорогах и просеках, создавая

¹⁾ Газета 346-й стрелковой дивизии «Сталинец», 3 марта 1942 г.

там завалы. В дивизию прибывало пополнение; над ускоренным обучением новичков трудился, не покладая рук, командный и сержантский состав учебного батальона.

В частях и подразделениях знакомились с новым командиром дивизии полковником Михаилом Андреевичем Сущенко. Сам же он старался обстоятельнее разобраться с положением дел на местах, занять представление о том или ином командире, политработнике.

Ключом была жизнь в штабе, обосновавшемся в блиндажах на опушке леса между селами Уколица и Сорокино. Там оперативно осмысливалось, решалось великое множество вопросов, связанных с боевой деятельностью, существованием всего сложного войскового организма, обозначенного словом: дивизия.

С 5 по 12 июня 1942 года 346-я стрелковая дивизия вместе с другими соединениями 61-й армии Западного фронта вела наступательные бои почти на всей своей полосе по фронту; ее левый фланг находился в трех километрах восточнее Озеринского, а правый — в двух километрах западнее угольных печей Ленинского, то есть расстояние между ними было около 26 километров. Наступление положительных результатов не дало, ведь велось оно на широком фронте, без поддержки танков, отсутствовали достаточные артиллерийское и авиационное обеспечение. И все же врагу был нанесен чувствительный урон; он недосчитался десятков орудий, минометов, пулеметов, на поле боя остались сотни трупов немецких солдат и офицеров.

В боях отличились храбростью, отвагой многие воины-волжане. Шестерых из них, которые прославились и в предыдущих схватках, командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков от имени Президиума Верховного Совета СССР наградил орденами Красного Знамени. Вот их имена: командиры батарей старший лейтенант М. Б. Маркин, лейтенант В. Н. Лапин, командир орудия старшина П. М. Цыганков, наводчики орудия сержант А. В. Петров, младший сержант А. В. Рызлейцев, орудийный номер красноармеец А. И. Дорохин.¹⁾

У наших воинов снова потянулись чередой хлопотливые фронтовые дни и ночи, которые принято было называть в штабных документах активной обороной. Никто из них пока не предполагал, какое новое испытание — на этот раз невероятно тяжелое — ожидало их. Впрочем, где-то в конце июля — начале августа для всех наших пехотинцев на переднем крае стало очевидным, что противник что-то затевает. И прежде всего об этом можно было судить по сосредоточению в его тылах танковых колонн — их выдавал гул моторов.

¹⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 339, л. 423.

В ночь с 4 на 5 августа группа наших дивизионных разведчиков совершила вылазку во вражеский стан. Они установили, что там, в районе Кирейково—Ивановка, расположилось танковое подразделение, насчитывающее около 50 тяжелых и средних машин. А в следующие ночи выяснилось, что фашисты подтягивали к фронту перед нашими частями танки, мотопехоту из районов Болхова, Карачева.

Поставив об этом в известность командующего 61-й армией, командир дивизии полковник М. А. Суценко и комиссар полковой комиссар Т. Г. Попов отдали приказ частям и подразделениям на дальнейшее укрепление и совершенствование оборонительных позиций, повышение боевой бдительности. Между прочим, по распоряжению комдива был направлен на выполнение «особого задания» имеющийся у нас единственный трактор. А суть задания для красноармейца-тракториста состояла в том, чтобы водить машину взад и вперед вдоль переднего края нашей обороны, во всю «газовать», дабы дать почувствовать противнику: и у нас есть танки. Вряд ли такой скудной имитацией гитлеровцы были введены в заблуждение.

Положение было трудным, серьезным не только на нашем участке фронта. Собравшись с силами после зимних поражений 1941/42 годов, германские стратеги весной и летом 1942 года развернули новое наступление. Под ударами врага советские войска вынуждены были отойти к Воронежу, оставить Донбасс и богатые сельскохозяйственные районы побережья Дона; немецко-фашистские захватчики остревенело рвались к Волге в районе Сталинграда, стремясь овладеть важным стратегическим пунктом и крупнейшим промышленным районом страны.

Разразились неумолчными кононами и сражения на Западном фронте. Здесь уместно обратиться к мемуарному свидетельству Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, в то время командовавшего 16-й армией, которая являлась соседом 61-й армии. «11 августа, — пишет он, — гитлеровское командование предприняло мощный удар крупной группировкой по армиям левого крыла Западного фронта. Замысел врага при этом сводился к глубокому прорыву обороны наших 16-й и 61-й армий и развитию в дальнейшем успеха в направлении Сухиничев, чтобы выйти затем в район Юхнова и поставить этим под угрозу все левое крыло Западного фронта. Для проведения этой операции, как это выяснилось впоследствии, привлекалось около пятнадцати дивизий, в том числе пять танковых, имевших до 500 боевых машин. Широко использовалась и авиация. Внезапно враг прорвал оборону соседней с нами 61-й армии...»¹⁾

Таранный удар противника пришелся и на полосу обороны 346-й стрелковой дивизии, прежде всего двух ее полков: 1168-го, которым теперь командовал майор М. И. Беловодов (до этого — начальник разведки дивизии) и 1166-го; его возглавил после ранения прежнего командира

¹⁾ И. Х. Баграмян. Так шли мы к победе. Киев, Политиздат Украины, 1988, ст. 131.

Или: И. Баграмян, М., Воениздат, 1977, ст. 150.

майор А. Ф. Некрасов. Фашисты не жалели снарядов, артиллерийскую подготовку атаки они проводили долго — свыше двух часов. А в небе в это же время шныряли черные стаи немецких пикирующих бомбардировщиков. Свой смертоносный груз они беспрерывно обрушивали и на оборонительные рубежи пехотинцев, и на огневые позиции артиллеристов, минометчиков, зенитчиков. Противнику удалось значительно разрушить систему нашей обороны. Пыль и дым от разрывов великого множества снарядов, бомб заволакивали все вокруг.

Как видно, гитлеровцы располагали весьма достоверными сведениями своей разведки, ведь самая большая группа вражеских танков с десантами автоматчиков ринула в атаку на участке между селами Маровка и Госьково — как раз на стыке между нашей 346-й дивизией и ее соседом — 149-й стрелковой дивизией. Первыми вступили в бой находившиеся там, на фланге, 1-й и 2-й батальоны 1168-го стрелкового полка, а также выдвинувшиеся туда накануне разведчики дивизионной роты — им предстояло провести очередные ночные поиски.

Очень скоро ожесточенные, кровопролитные схватки завязались и в других местах нашего оборонительного рубежа. Следует признать: в сложнейшей ситуации оказались воины, находившиеся на переднем крае, и важно было не дрогнуть перед напором множества вражеских танков, а те из них, которые не удалось подбить огнем орудий, противотанковых ружей, наконец, связками гранат и бутылками с горючей смесью, — даже пропустить через свои траншеи, окопы — ими и дальше займется артиллеристы, а самим отсекать, расстреливать пехоту, валившую под прикрытием этих бронированных чудовищ.

Так именно и поступали воины-волжане; можно было убедиться, что если не всем им, то большинству уже удалось преодолеть в себе танкобоязнь.

Стойко, мужественно, презирая опасность и саму смерть дрались и наши артиллеристы.

В архивных документах, датированных теми августовскими днями 1942 года, можно встретить имена, пожалуй, нескольких сотен командиров, бойцов — героев тех схваток.

Утром 11 августа — во время вражеской артподготовки — помощник командира взвода связи сержант Ф. А. Анохин устранил несколько порывов телефонного кабеля, связывавшего наблюдательный пункт командира 915-го артиллерийского полка майора С. К. Карпенко с огневыми позициями дивизионов. Этим самым мужественный сержант обеспечил своевременное открытие огня по атакующему противнику. Во время очередного ремонта линии связи Анохин столкнулся с группой просочив-

шихся гитлеровцев. Двух из них сразил автоматной очередью, остальные поспешили назад. Устранив повреждения, Анохин вернулся в расположение взвода.¹⁾

Орудийные расчеты повсеместно вели поединки — не на жизнь, а на смерть — с фашистской броней, и многое здесь зависело от меткого глаза, мужества, выдержки наводчиков. Такими проявили себя, в частности, красноармейцы И. Козьяков, Ф. Пресняков, не знавшие промахов в стрельбе по немецким танкам.²⁾

Всю дивизию облетела 11 августа весть о боевом успехе воинов отдельной зенитно-артиллерийской батареи старшего лейтенанта Н. Орловского, прикрывавшей в районе села Уколица командный пункт командира дивизии; один из ее расчетов, где наводчиком был сержант В. Байгушев, сбил немецкий самолет «Ю-87», а второй расчет во главе с наводчиком сержантом В. Назаровым, сразил два бомбардировщика «Хе-III».³⁾

В жестоком и скоротечном круговороте тех неистовых боев, смертельных схваток по-разному определялись судьбы воинов дивизии, — и чаще всего безапелляционно. Вот и девятнадцатилетнему лейтенанту Павлу Загребельному, выпускнику Харьковского артиллерийского училища, предназначено было держать там, левее Уколицы, свой самый важный в жизни боевой экзамен. Должность у него, прямо скажем, была «огневая»: командир взвода в батарее 45-мм пушек 1168-го стрелкового полка. Его батарея, которой командовал лейтенант А. С. Карцев, предписывалось как обычно находиться в боевых порядках пехотинцев и даже выдвигаться вперед — в случае танковой опасности со стороны противника.

Так было и теперь. Батарея вступила со своими пушечниками в единоборство с лавиной надвигавшихся и изрыгавшими огонь танков. С каждой минутой ряды бойцов-противотанкистов таяли. Немуслимо таял и запас снарядов. Сорокапятки умолкли одна за другой. И тогда лейтенант Загребельный схватил оставшуюся у него — на самый крайний случай — гранату. Чтобы лучше размахнуться, он вылез из блиндажа, крепко уперся ногами в землю и метнул ее под днище стального чудовища, ползшего на умолкнувшую огневую позицию. Он уже не увидел, как граната взорвалась под гусеницей танка, и тот закрутился на одном месте. Пулеметной очередью из другого немецкого танка в этот же миг Загребельный был ранен; теряя сознание, он упал на блиндаж.

¹⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 974, л. 466

²⁾ Там же, л. 490

³⁾ Там же, оп. 682524, д. 974, л. 467.

В дальнейшем ему, оказавшемуся во вражеском плену, суждено было пройти через фашистские лагеря смерти, познать всю горечь унижений. А о пережитом в бою под Уколицей Украинский писатель Павел Архипович Загребельный расскажет в своей повести «Дума о бессмертном». ¹⁾

Поистине они, воины-волжане, обессмертили себя своими ратными делами в тех августовских кровопролитных боях. Было подбито или подожжено 80 немецких танков, не считая тех двадцати, которые подорвались на наших минных полях и заграждениях; сбито 6 вражеских самолетов, уничтожено 15 орудий, до 80 автомашин с пехотой и имуществом, а около 6.000 гитлеровских захватчиков, неистово рвавшихся заполучить на наших землях «жизненное пространство», нашли там свою смерть. ²⁾

Не было предела мужеству, стойкости наших бойцов, командиров. Верные Родине, воинской присяге они дрались до последней капли крови, до последнего вдоха. В боях сложили головы все до одного свыше 60 разведчиков из дивизионной разведывательной роты. Полностью — до единого человека — полег и личный состав 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, в котором насчитывалось свыше 200 бойцов и командиров. Орудийные расчеты дивизиона уничтожили десятки вражеских танков, и никто здесь — ни один человек — перед лицом смертельной опасности не отступил ни на шаг с боевой позиции. Их коллективный подвиг, самопожертвование во имя нашей грядущей победы над врагом были сродни подвигу и самопожертвованию 28-ми героев-панфиловцев, о которых уже знала вся страна. И приходится сожалеть, что в бешеном вихре событий, происходивших в дивизии, не была дана должная оценка всему случившемуся; впрочем, сделать это, как узнает читатель на следующих страницах нашего повествования, было некому.

Уже с 12 августа, когда противник ценой больших потерь прорвал нашу оборону и устремился вглубь, части дивизии, понесшие столь чувствительный урон в личном составе и боевой технике, продолжали сражаться в окружении. Ночью, 13 августа, командир дивизии полковник М. А. Сущенко и комиссар Т. Г. Попов срочно собрали командиров полков, отдельных подразделений и ознакомили их с полученным из штаба армии приказом на выход из окружения. Продвигаться следовало к реке Жиздре в район Дурнево—Колосово, то есть ко второй нашей оборонительной полосе. Необходимо было, используя лошадей, вывезти раненых, тяжелое вооружение.

¹⁾ Москва, Советский писатель, 1959, стр. 138-142.

²⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 17, л. 16-17.

На этом ночном непродолжительном совещании собравшиеся определили свои предстоящие действия. И командир дивизии, и комиссар обратили внимание на то, что в создавшейся обстановке от каждого — будь то командир или рядовой боец — потребуются высочайшие дисциплинированность, бдительность, отвага. И пусть никого не страшит опасность — не нам пасовать перед нею!

В каждом слове командира дивизии и ее комиссара чувствовалась, как и раньше, уверенность: суровое испытание и на этот раз будет выдержано. И кто бы мог подумать из почти двух десятков наших командиров, плотным кольцом обступивших в ночных сумерках полковника Сущенко и полкового комиссара Попова, что слышат их голоса в последний раз...

С каждым часом и каждым днем обстановка для наших воинов становилась все более трудной, опасной. Гитлеровское командование предпринимало настойчивые попытки смять оборону сражающихся в окружении подразделений дивизии, уничтожить или пленить их личный состав.

14 августа в районе сел Красный Октябрь и Никитское фашисты набросились на только-что достигший тех мест наш 513-й отдельный минометный дивизион. Серьезные потери он уже понес в предыдущих боях. Лишился он и своего командира; теперь его обязанности исполнял комиссар — политрук Я. А. Литвинов. Повидимому, фашисты рассчитывали быстро и легко расправиться с нашими минометчиками. В атаку пошли нагло, с улюлюканием, с криками: «Русс, тебе — капут, сдавайся!» Минометчики встретили врагов, что говорится, во-всеоружии, отбросили их назад, заставили залечь. А сами, увлекаемые политруком Литвиновым, по балке устремились к сельским садам, где заняли более выгодный рубеж. В дальнейшем политрук Литвинов вывел из окружения и бойцов, и материальную часть двух минометных батарей дивизиона.¹⁾

В 1166-м стрелковом полку, оставшемся без командира, личный состав тоже возглавил комиссар — батальонный комиссар Георгий Лубягов — в прошлом слесарь одного из заводов в Краматорске, выпускник Харьковского института коммунистического воспитания. Не имея уже связи ни со штабом дивизии, ни с другими частями, Лубягов сумел организовать людей и поднять их в атаку на позиции врага, преградившего путь к берегам Жиздры. Противник был смят, отброшен. 1166-й полк закрепился теперь на тактически выгодном рубеже у Жиздры. Этот рубеж бойцы называли «лубяговским», так как Георгий Федорович в течение нескольких дней был одновременно и командиром и комиссаром полка.

Серьезное испытание держали также бойцы, командиры 915-го артиллерийского полка. Обратимся к строкам рукописных воспоминаний Константина Ивановича Рыбакова, который встретил 11 августа 1942 года — начало вражеского наступления — в звании старшего лейтенанта и должности помощника начальника штаба этого полка (ПНШ-1).

¹⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 682524, д. 974, л. 479.

«Когда разыгралась «трагедия», — пишет он, — я находился у командира полка майора Карпенко — на его командно-наблюдательном пункте. Вскоре поступил приказ командующего артиллерией дивизии подполковника Скаковского: срочно переместить наши тылы на вторую (запасную) позицию полосы обороны дивизии. Приказ я передал по телефону тем, кому следовало его осуществить. И все же майор Карпенко, беспокоясь за тылы полка, велел мне галопом скакать туда, уточнить приказ на месте, проконтролировать его выполнение. И вместе с разведчиком красноармейцем Степаном Лозиным мы на лошадях поскакали к нашим тылам; а находились они в лесу — в трех километрах западнее села Сорокино. Когда подъехали к нему, то увидели: около трех десятков «юнкеров» кружились над горевшими хатами, а по задымленной центральной сельской улице, словно в густом тумане, лязгала гусеницами колонна немецких танков. Обогнув окраину села, мы поскакали в лес, к месту расположения наших тылов и вскоре, к своей радости, убедились, что они успели своевременно сняться и уйти... Теперь и нам с Лозиным надо было спешить туда, куда они направились. Выехали на лесную дорогу — и там, на повороте, неожиданно столкнулись с немецкой колонной. Раздалась пулеметная очередь, и мой «Орлик» упал, как подкошенный, а я вылетел из седла. Лозин же юркнул в лес невредимым. «Скорее ко мне, — звал он, — садитесь на мою лошадку и гоните по лесу. Я доберусь пешком». Раздумывать было некогда. На ходу сказал Лозину куда держать путь, а сам вскочил на его лошадь. Через каких-то 40 минут я уже был в районе, куда переместились штаб, тылы полка. Туда же прибыли подполковник Скаковский, майор Карпенко. Поскольку начальника штаба полка капитана Л. Фадеева не оказалось на своем месте, исполнять его обязанности подполковник Скаковский приказал мне. Он вместе с тем распорядился: в самом оперативном порядке сформировать из личного состава штаба, всех тыловых подразделений, штабной батареи заградительный отряд.

...Это явилось для меня первым и необычным экзаменом на посту начальника штаба артполка. Наш заградотряд занял первую траншею в полосе обороны на фронте более двух километров. Его задача состояла не только в том, чтобы сдерживать наступление передовых подразделений противника, но и собирать всех наших бойцов, которые по тем или иным причинам оказались в одиночестве и пытались теперь выйти из окружения. Только за первые сутки таких набралось несколько сот человек. Это пополнение было направлено на укрепление позиций нашего заградотряда, которые скоро растянулись уже до 4 километров. Надо сказать и о том, что при штабе нашего полка была создана группа обеспечения оружием тех из «окруженцев», кто шел без него».

Добавим к воспоминаниям К. И. Рыбакова: благодаря действиям заградотряда был обеспечен выход из окружения ряда подразделений дивизии, сведено к минимуму количество тех одиночек и даже групп наших бойцов, которые металась в поисках выхода из трудного положения,

К исходу 19 августа положение в дивизии, наконец, определилось. Все, кому посчастливилось выстоять в схватках с врагом, вырваться из окружения, переправиться через Жиздру. — находились теперь в районе населенных пунктов Дурнево и Колосово. Увы, потери дивизии были огромны: на поле боя осталось до 80 процентов ее личного состава и больше половины боевой техники — особенно орудий, минометов. Дивизия недосчитывалась многих и многих своих командиров. Из тех, кто составлял ее управление, штаб, политотдел, вышел из окружения лишь командующий артиллерией подполковник С. Н. Скаковский; он принял на себя временное исполнение обязанностей командира дивизии. А из командиров трех стрелковых полков и начальников их штабов остался лишь один майор М. И. Беловодов, командир 1168-го.

Все в дивизии, да и в высших инстанциях были встревожены судьбой полковника М. А. Сущенко и полкового комиссара Т. Г. Попова. Что с ними? Где они? Почему не вышли? Чего греха таить, нашлись тогда люди со злыми языками (в семье не без урода!), распространявшие слух, что де-мол командир 346-й и ее комиссар переметнули к врагу и находятся у него на услужении. Но если бы это было так, то, думается, гитлеровская пропаганда не упустила бы случая широко раструбить об этом — и по радиостанциям, и в листовках, которые тогда сыпались из немецких самолетов на головы наших воинов.

Но ведь многим в дивизии было известно, что в один из тех свинцовых августовских дней, когда наши подразделения сражались в окружении, именно полковник Сущенко и полковой комиссар Попов возглавили сводный полк, срочно сформированный из пехотинцев, связистов, минометчиков, саперов. Было известно и о том, что именно этот полк постигла печальная судьба. Он был атакован неожиданно вырвавшимися немецкими танками, когда продвигался по полевой дороге. Никто однако не мог сказать — сколько полегло там наших людей, скошенных очередями танковых пулеметов, настигнутых и раздавленных гусеницами вражеских машин. Повидимому, там встретили свой последний час и оба они, никогда не различавшиеся, командир и комиссар дивизии, до сих пор считающиеся пропавшими без вести. Не исключено, что их прах тоже покоится в братской могиле в селе Уколице Ульяновского района Калужской области, где вечным сном спят свыше 3.500 советских воинов.

Если мы снова обратимся к книге Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, то прочтем в ней, что к 18 августа ударная группировка немецко-фашистских войск, прорвавшаяся к Жиздре, была сильно обескровлена. Потеряв до 10 тысяч человек только убитыми и свыше 200 танков, вражеское командование окончательно отказалось от дальнейшего продолжения наступления. А с подходом из фронтового резерва 3-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта П. Л. Романенко 16-я и 61-я армии вместе с танкистами перешли 22 августа в наступление

против вклинившихся в нашу оборону гитлеровцев, нанесли им ответный удар, после которого в значительной степени было восстановлено первоначальное положение наших войск.¹⁾

346-я стрелковая дивизия, переданная в то время приказом командующего Западным фронтом в состав 16-й армии генерала Баграмяна, в этом ответном ударе, понятно, не могла принять участия. Да и вообще шла речь о том быть ей или не быть?! Но разве стоило даже в мыслях ставить такой вопрос, если ее воины, пройдя сквозь само пекло войны и понеся такие потери, сумели сохранить полковые и дивизионные Знамена, воинские печати?! Целыми и невредимыми оставались тылы дивизии. По приказу комдива они заблаговременно переместились в район Козельска, избежали окружения.

Неспроста, наверное, в нашем народе говорится: за одного битого двух небитых дают. В 346-й дивизии получили приказ: всем ее частям и подразделениям сосредоточиться в Теснинских лагерях, что в 25 километрах юго-восточнее Тулы, для пополнения личным составом, вооружением, боевой техникой.

Никто не мог определенно сказать сколько времени — недель, месяцев — отпущено на активное доукомплектование соединения, подготовку его к боям. Но люди, расположившись в лагерных землянках и палатках, трудились в поте лица. Каждому было понятно, что их со дня на день могли позвать туда, где в ту грозную осень неумолчно гремели сражения — к Сталинграду, на Кубань, Северный Кавказ... И больше всего забот (как принято было говорить, на все 24 часа суток) ложилось на плечи нового руководства дивизии: ее командира полковника Архипа Ивановича Толстова и комиссара полкового комиссара Андрея Спиридоновича Пантюхова.

В те дни в частях и подразделениях дивизии, как и во всей Красной Армии, обстоятельно знакомили личный состав с приказом Народного комиссара обороны Союза ССР И. В. Сталина № 227 от 28 июля 1942 года. В приказе с суровой откровенностью раскрывалась вся глубина опасности, нависшей над Родиной, и выдвигалось жесткое требование прекратить дальнейший отход, остановить обнаглевшего врага. Необходимо было «упорно, до последней капли крови защищать каждую

¹⁾ И. Х. Баграмян. Так шли мы к победе. Киев, Политиздат Украины, 1988, с. 133
или: И. Баграмян. Так шли мы к победе. М., Воениздат, 1977, ст. 152.

позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности... ни шагу назад!»¹⁾)

Перед пехотинцами, артиллеристами, разведчиками, связистами выступали те, кто отличился в предыдущих боях на полях Подмосковья, кто стойко и мужественно вел себя в трудную, опасную годину. И речь шла о том, что пламенный призыв Коммунистической партии и Советского правительства «Ни шагу назад!», выраженный в приказе, должен стать — и станет! — девизом для каждого воина дивизии.

На совещании командного состава полковник Толстов и полковой комиссар Пантюхов потребовали от командиров всех рангов, от комиссаров-политработников находиться ближе к людям, расставить коммунистов и комсомольцев, а также фронтовиков рядом с необстрелянными бойцами.

Между тем прибавились новые заботы. Полевая почта доставила в дивизию центральные газеты, в которых был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1942 года об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии. В соответствии с ним взамен должностей комиссаров частей, соединений, штабов, а также политруков подразделений вводились должности заместителей соответствующих командиров (начальников) по политической части. Политработникам присваивались единые с командирами воинские звания. Вместе с тем предлагалось более решительно выдвигать подготовленных в военном отношении политработников на командные должности, особенно в звене командир роты — командир батальона.

А. С. Пантюхов стал заместителем командира дивизии по политчасти и одновременно начальником политотдела, вскоре ему было присвоено воинское звание — полковник.

Всего лишь два месяца — сентябрь и октябрь, — как оказалось, были отпущены 346-й стрелковой дивизии на доукомплектование и подготовку ее личного состава к новым боям. Собственно, в третьей декаде октября, выполняя поступивший приказ, ее части начали грузиться в эшелоны; их потребовалось несколько десятков. А следовали они один за другим от станции Плавск через Тулу, Рязск, Мичуринск, Поворино, Филоново — к местам разгрузки: станциям Филоново, Михайловка.

Дивизия вошла в резерв командующего 5-й танковой армией генерал-лейтенанта П. А. Романенко, сражавшейся у Сталинграда.

¹⁾ Цит. по: История второй мировой войны 1939-1945. М., Воениздат, 1975, т. 5, с. 166.

2. ОТ ВОЛГИ И ДОНА ДО РЕКИ МИУС

К началу ноября 1942 года, когда комдив 346-й, полковник А. И. Толстов встретился для доклада с командармом 5-й танковой генерал-лейтенантом П. А. Романенко, наступление немецко-фашистских войск под Сталинградом в результате активнейших оборонительных действий Красной Армии в основном было остановлено.

Враг, пытавшийся во что бы то ни стало овладеть городом на Волге, сосредоточил там свои огромные силы. Их фланги на большом протяжении оказались растянутыми и прикрывались менее боеспособными румынскими и итальянскими войсками. Веско и без промедления, оценим сложившуюся обстановку, советское Верховное Главнокомандование приступило к подготовке сокрушительного удара по противнику. Замысел контрнаступления состоял в том, чтобы ударами трех наших фронтов с плацдармов на Дону в районах Серафимовича и Клетской и из района Сарпинских озер южнее Сталинграда разгромить войска, прикрывающие фланги ударной группировки противника, и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Калач, Советский, окружить и уничтожить его главные силы, действовавшие непосредственно под Сталинградом.¹⁾

Следует сказать, что к тому времени за плечами генерал-лейтенанта Прокофия Логвиновича Романенко, начавшему военную службу еще в 1914 году, участвовавшему прапорщиком в 1-й мировой войне и окончившему в 1933 году военную академию им. М. В. Фрунзе, остались почти тридцать командирских лет. В мае 1942 года он возглавил 3-ю танковую армию, сформированную на московской земле. А в дальнейшем принял 5-ю танковую армию, которая в октябре этого же года была передана из Брянского фронта в Юго-Западный и прибыла к Сталинграду — в район Серафимович—Избушенский—Усть-Хоперский. В своем составе армия имела 2 танковых и 1 кавалерийский корпус, отдельную танковую бригаду и 6 стрелковых дивизий.²⁾

Но почему же полковник Архип Иванович Толстов после этой встречи с генералом Романенко вернулся в свою дивизию, сосредоточившуюся северо-восточнее Избушенского в районе хуторов Долговский, Решетовка, Захаревский, — таким огорченным, расстроенным? На то были причины. Из 346-й стрелковой дивизии, остававшейся в резерве командарма-5, по его приказу изымались 1166-й стрелковый полк майора А. П. Чистякова, 266-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион капитана К. Т. Шамаева, 303-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея старшего лейтенанта Н. И. Орловского. Все они передавались на усиление 124-й стрелковой дивизии, входившей в состав 5-й

¹⁾ См.: Советская Военная Энциклопедия, М., Воениздат, т. 7, с. 518.

²⁾ См., Советская Военная Энциклопедия, М., Воениздат, 1979, т. 7, сс. 141, 660, 667.

танковой армии. Больше того, забирали у комдива 346-й и 915-й артиллерийский полк подполковника С. К. Карпенко; он направлялся в 119-ю стрелковую дивизию и обязан был участвовать в артиллерийском наступлении в интересах частей этой дивизии.

Сделаем в нашем повествовании небольшое отступление. Нам, его авторам, вовсе не хочется уподобиться тем, о ком с горькой усмешкой принято говорить: мнит себя и стратегом, и героем, видя бой издалека. Вместе с тем, считаем для себя непреложным правилом: во всем строго придерживаться документальных данных. Но полагаем, что как ветераны дивизии, непосредственные свидетели и участники происходивших в ней событий, мы вправе иметь свое мнение о том или ином из этих событий, тем более, что в годы войны, а затем в послевоенное время, встречаясь и беседуя с однополчанами, могли убедиться, что и они разделяли подобные взгляды.

Вот почему не можем удержаться от следующего замечания: раздача частей и подразделений нашей дивизии, а попросту говоря, раскулачивание, отрицательно сказалось на ее боеспособности. Как скоро увидим, она потерпит неудачу в бою за населенный пункт Большая Донцинка. Думаем, что все это привело также к преждевременной, неоправданной смене командира дивизии.

Однако вернемся к последовательному изложению событий.

Не теряя ни минуты фронтового времени, части и подразделения 346-й стрелковой дивизии обживались на указанных им рубежах.

Пехотинцы майора Чистякова в течение нескольких ночей отрыли окопы и траншеи в районе хутора Сенютина — на стыке между 124-й стрелковой дивизией 5-й танковой армии и 96-й стрелковой дивизией 21-й армии.

Дружно, напористо, брались за лопаты, кирки, ломы артиллеристы 915-го. Им предстояло в районе хутора Калмыковского выполнить большой объем работ: подготовить огневые позиции, наблюдательные пункты и все другие элементы боевого порядка. Следует сказать, что из-за очень большого сосредоточения войск и боевой техники на этом ожидавшемся направлении нашего прорыва, артполку был выделен весьма ограниченный участок. В обычных условиях на нем следовало бы расположить не больше 2-3 батарей. Выход из положения артиллеристы нашли: решили разместить дивизионы уплотненно, к тому же в два ряда (их разделил овраг): в первом ряду — пушечные батареи, во втором — гаубичные.

С целью наиболее эффективного использования артиллерийских средств в 5-й танковой армии создавались артиллерийские группы поддержки пехоты стрелковых полков (ПАГ) и дивизионные артиллерийские

группы (ДАГ). В одну из артиллерийских групп 119-й стрелковой дивизии и вошел 915-й артполк, а его командир подполковник Карпенко и начальник штаба капитан Рыбаков возглавили эту группу — ПАГ-44. Артиллерийское обеспечение наступления пехоты и танков при бое в глубине должно было осуществляться методом огневого вала и последовательного сосредоточения огня.

В ночь с 17 на 18 ноября 1942 года артиллеристы заняли оборудованные ими заранее позиции. И очень скоро, когда рассвело, приняли на себя удар большой группы немецких бомбардировщиков. Не обошлось без жертв. Однако добротные оборудованные в инженерном отношении позиции позволили сохранить в основном и личный состав, и боевую технику. К сожалению, трудным оказалось уберечь лошадей, осколки вражеских бомб сразили многих из них.

Был канун величайшей, невиданной еще в истории битвы, и все наши воины уже жили предчувствием этого необычного, небывалого. Везде — во всех частях и подразделениях проходили партийные, комсомольские собрания, митинги. Выступавшие на них то и дело обращались к словам доклада председателя Государственного комитета обороны, Народного комиссара обороны И. В. Сталина по случаю 25-й годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции и его праздничному приказу: недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии; будет и на нашей улице праздник!

Поздно вечером 18 ноября весь личный состав был ознакомлен с обращением Военного совета Юго-Западного фронта, призывавшем нанести сокрушительный удар по немецко-фашистским захватчикам.

Вот и настал этот день: 19 ноября 1942 года. Уже к шести утра люди в нашем 915-м артполку были накормлены, и каждый успел уложить в вещмешок сухой паек.

На огневых позициях воцарилась приподнятая, вызвавшая у всех волнение, обстановка. Орудия наведены на цели первого огневого налета. Подготовлен и выложен на грунт полный боекомплект снарядов. Тщательно проверена телефонная связь, а радиостанции установлены «На приеме». Расчехлены и настроены приборы наблюдения, установленные на наблюдательных пунктах.

В 7 часов 20 минут поступила команда «Зарядить! Натянуть шнуры!», а спустя десять минут — 7.30 — послышалось долгожданное: «Огонь!»

И тут же частые выстрелы гаубиц и пушек нашего 915-го вплелись в тысячеголосый говор советской артиллерии и залпов «катыш», разорвавший морозную тишину. Больше часа бушевал этот не утихавший ни на минуту огненный гром, от которого глохли наши пушки, а стволы орудий начинали светиться — на них горела заводская окраска. В дальнейшем нашим воинам станет известно, что в этой мощной артиллерийской подготовке, проводившейся в интересах изготовившихся к наступлению войск Юго-Западного и Донского фронтов, участвовало свыше

3500 орудий и минометов. А день этот — 19 ноября — войдет красным числом в историю нашей артиллерии — «бога войны».

В 8 часов 50 минут артиллерийский огонь был перенесен на второй рубеж — в глубине обороны противника, и по грохоту танков, по едва уловимым крикам людей можно было определить: войска нашего первого эшелона без промедления ринули в атаки.

К этому времени перед 346-й стрелковой дивизией, оставшейся без 1166-го стрелкового полка, артиллерии и все еще находившейся в резерве, была поставлена командармом задача: продвигаться за эшелонам развития успеха армии — в направлении Избушенский, Колмыковский, Большая и Малая Донщинка и быть готовой к вводу в бой — в зависимости от конкретных условий создающейся обстановки.

Между тем батальоны 1166-го стрелкового полка майора Чистякова, включенные в армейскую сковывающую группу, вступили в бой в первые же часы наступления. Сдерживая на своем участке натиск врага, громя его, они тем самым способствовали тому, что частями 5-й танковой и 21-й армий в районе Раскопинской, Белосони были окружены — взяты в «клещи» — пехотные дивизии 4-го и 5-го румынских корпусов. А 21 ноября пехотинцы Чистякова овладели населенным пунктом Средне-Царичинским, 22-го — Верхне-Фоминским.

С этим успехом не преминул их поздравить — через связного — командир дивизии полковник Толстов. Но самого командива ждало очередное огорчение, ставшее причиной его глубокого бесплояства. В ночь на 23 ноября он, выполняя приказ командарма, вынужден был направить в распоряжение штаба 5-й танковой армии 1163-й стрелковый полк.¹⁾

Отныне в 346-й оставался лишь один полк: 1164-й стрелковый. Именно в таком составе она утром 23 ноября была введена в бой под Большой Донщиной. В атаке на укрепившегося там противника приняли участие также подразделения 8-й гвардейской бригады.

Фашисты оказали упорное сопротивление. Наша атака закончилась безрезультатно.

Причины неудачи были очевидными. Сказалось многое — и недостаток сил, и слабая подготовка к наступлению; по существу, в бой подразделения вступали с ходу. Дали знать о себе и упущения разведки, не предоставившей достаточных данных о противнике. Как выяснилось в дальнейшем, на рубежах у Большой Донщинки находились около двух полков вражеской пехоты, 10 танков, два эскадрона кавалерии.

Неудачу серьезно переживали все — и командир дивизии, и его подчиненные. Их общая горечь была скрашена радостной вестью, облетевшей с быстротой молнии все подразделения, позиции: в тот самый день, 23 ноября, ровно в 16 часов, в районе Советского соединились войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, развивавшие наступление по сходящимся направлениям. Тем самым было завершено полное окружение вражеской группировки под Сталинградом. И не только

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 91, л. 31.

нашим воинам, но и всей стране и миру предстояло вскоре узнать, что в этом котле оказались главные силы фашистов в составе 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек с многочисленной боевой техникой.

Очередной фронтовой день — 24 ноября — остался в биографии нашей 346-й стрелковой дивизии примечательным тем, что ей были спешно возвращены все ее части, подразделения и она развернула боевые действия в полном своем составе. Ей предстояло в ближайшие дни выйти на реку Чир, где создавался внешний фронт окружения. Однако необходимо было, прежде всего, выбить врага из рубежей у Большой Донщинки и ряда других населенных пунктов.

На этот раз противник на подступах к Большой Донщинке был атакован решительными бросками целого ряда наших подразделений. Высокий наступательный порыв проявили воины 1164-го и 1168-го стрелковых полков, заградотряда во главе со старшим лейтенантом С. Рызлейцевым. Их активно поддерживали орудийные расчеты двух дивизионов 915-го артполка, а также преданная танковая рота из 216-й танковой бригады.

Действиями наших артиллеристов руководил командир полка подполковник С. Карпенко. По его приказу расчеты без малейшего промедления выкатили орудия на стрельбу прямой наводкой и подбили три немецких танка из тех, что вырвались на окраину Большой Донщинки и встретили атакующих ураганным огнем; остальные несколько машин с черными крестами на бортах развернулись и поспешили ретироваться.

В ходе боя артиллеристы кроме того уничтожили несколько минометных батарей врага, разрушили ряд блиндажей, подавили множество огневых точек. Геройски сражались все — и бойцы, и командиры. Командир взвода лейтенант А. Бекичев вместе со своими людьми выкатил орудия на стрельбу прямой наводкой и, выполняя сам обязанности наводчика, разгромил сарай с засевшими в нем автоматчиками. В уничтожении и подавлении минометных батарей противника активно участвовал личный состав 8-й батареи лейтенанта А. П. Плесовских (заместитель командира батареи по политчасти лейтенант С. Я. Брикман).

Шаг за шагом артиллеристы прокладывали вместе с преданной танковой ротой дорогу стрелковым подразделениям. А они-то и довершили разгром противника в Большой Донщинке. Всего было истреблено около 600 вражеских солдат и офицеров, 718 взято в плен.¹⁾

Едва умолкла стрельба в этом населенном пункте, как 1168-й стрелковый полк подполковника М. И. Беловодова устремился к Малой Донщинке. Очень скоро была взломлена маневренная оборона находившихся там подразделений 7-й румынской кавалерийской дивизии, и батальоны полка вырвались на северо-восточную окраину хутора. Этим самым они поставили под угрозу окружения гарнизон в Малой Донщинке.

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 17, л. 20.

Бой разгорелся небывалый. На 2-й и 3-й батальоны стрелкового полка подполковника Беловодоца навалились около десятка немецких танков, густые цепи пехотинцев. В трудном положении очутились наши люди. Никто из них не дрогнул. Все они — бойцы, командиры, политработники, как один, противопоставили бешеным натискам врага — а всего он предпринял там одну за другой семь контратак — свою стойкость, выдержку, мужество. Они не отступили ни на пядь. На окраине хутора, усеянной вражескими трупами, долго продолжали гореть четыре подбитых немецких танка.

В ночь на 25 ноября Малая Донцинка была полностью очищена от оккупантов. Около сотни румынских солдат сдались в плен. В качестве трофея нам досталось от 7-й румынской кавалерийской дивизии много тяжеловесных лошадей. Ими обзавелись пушкари 915-го артполка ездочные из подразделений тыла. Были посажены на коней и разведчики дивизионной разведывательной роты лейтенанта Алексея Ильбитенко. Однако в дальнейшем произошло непонятное: среди этих животных начался массовый падеж; причину его никто не мог объяснить.

В двадцатых числах ноября того фронтového 1942 года резко похолодало; морозы ударили крепчайшие — до 35-40 градусов. Сплошного фронта уже не было. Отступая в направлении к реке Чир, враг оставлял на промежуточных рубежах заслоны, в составе которых нередко находились мобильные группы танков, бронемашин. Вспыхивали ожесточенные перестрелки, завязывались скоростные бои. Случалось, что наши разведчики или передовые отряды, преследовавшие по пятам противника, достигали его отходившие колонны, врезались в них из флангов — чаще всего такое происходило в ночное время. Заканчивались эти «аномалии» по-разному: или обе стороны торопливо расходились, или же темень озарялась вспышками автоматных очередей, взрывами гранат.

В морозном, завьюженном небе то и дело слышался натужный гул немецких транспортных самолетов, они везли из далека продовольствие для оказавшихся в западне гитлеровских войск. Между прочим, кто-то из немецких летунов в тот ноябрьский день неосторожно промахнулся: несколько контейнеров, сброшенных на парашютах, достались бойцам 5-й и 8-й батарей 915-го артполка. И хотя чужеземный арзац-сахар, сухие, тощие галеты особым вкусом не отличались, — наши русские, весьма выносливейшие лошадки все же полакомились ими.

Оставив позади приволжские земли, части и подразделения 346-й стрелковой дивизии вступили на территорию Ростовской области.

Поспешно отступая, гитлеровские ироды не успевали заметить следы своих кровавых деяний. Страшная картина предстала перед пехотинцами передовых рот 1166-го стрелкового полка, когда они с боем ворвались на улицы хутора Озеры и покончили с метавшимися там гитлеровцами. В одном из сараев на колхозном дворе наши бойцы увидели горы трупов. Оставшиеся в живых люди были истощены до предела, многие лежали с обмороженными руками, ногами, лицами. Особенно поразил бойцов из-

можденный подросток, голова которого была седой, словно посыпана пеплом. Он смотрел на бойцов широко открытыми, провалившимися глазами. Те спросили: кто он, как очутился здесь? Парнишка долго молчал, а потом с трудом произнес одно лишь слово: «Морозкин». В разговоре с другими узниками этого фашистского лагеря смерти наши воины узнали, что Саше Морозкину едва исполнилось в то время 16 лет. Гитлеровцы схватили его на улице родного села и вместе с десятками задержанных в облаве советских людей пригнали в Озеры. Как и всех других, подростка морили голодом, заставляли босиком ходить по снегу; ноги паренька были сильно обморожены.

Наши бойцы без промедления доставили Сашу в дивизионный медсанбат. Врачи сделали все возможное, чтобы вернуть его к жизни. Но после перенесенных страданий он так и не смог выздороветь.

В нашей дивизионной газете Саше Морозкину была посвящена корреспонденция «Седой мальчик». Читая ее, войцы во всех подразделениях клялись отомстить гитлеровским извергам за муки Саши, за горе и слезы всех советских людей.

Группой командиров и политработников нашей дивизии был составлен акт о зверствах немецко-фашистских захватчиков в хуторе Озеры Обливского района Ростовской области. Всего немцы замучили 260 советских военнопленных и местных жителей. Несколько позже, 3 января 1943 года, строки этого документа появились в сообщении Совинформбюро и были опубликованы в «Правде» и других газетах.

Преследуя противника, не отрываясь от него, пехотинцы, артиллеристы и все воины 346-й в течение 26 и 27 ноября, наконец, достигли скланной льдом речи Чир в районах деревень Синянкино, Варламовский, совхоз № 18, Наумовка, Краснояровка, Чернышевская.

Батальоны 1168-го стрелкового полка, вступившие в бой прямо с марша, потеснили гитлеровцев и сумели захватить высоты на правом берегу реки. Не подкачали и пехотинцы 1166-го стрелкового полка: дружной и решительной атакой они вышибли врага из территории совхоза № 18 («Чирского»).

Если учесть, что река Чир являлась участком внешнего фронта во-круг оказавшихся в котле фашистских войск, на левом берегу которой надлежало находиться нам, а на правом — противнику, то вторжение батальонов нашей дивизии туда — на правый берег, несомненно, вызвало у гитлеровского командования весьма бурную реакцию. Об этом, впрочем, можно было судить по тем упорным, настойчивым контратакам, которые оно предприняло уже с утра 28 ноября.

При поддержке танков, авиации толпы гитлеровской пехоты, не считаясь с потерями, остервенело стремились отбросить советских воинов на левый берег реки. Сказать только: свыше пяти часов продолжался бой.

В полдень по всем ротам и батальонам 1168-го стрелкового полка разнеслась весть о подвиге шести бронебойщиков, которые вступили в смертельную схватку с хлынувшими в очередную атаку немецкими тан-

ками, подбили три из них. Фашисты там не прошли. Свято выполнил воинский долг, все шестеро пали смертью героев. Вот их имена: Иван Кислицын, Петр Лахотный, Виктор Гордеев, Григорий Наумов, Юрий Глыбин, Василий Захаров. Трое русских, два украинца, один белорус.

В соседнем стрелковом полку, 1166-м, бесстрашно сражались с наседавшими гитлеровцами коммунист старший сержант Александр Баев и комсомолец рядовой Павел Седых. Со связками гранат они бросились наперерез вражеским танкам, преградили им путь ценою жизней.

И все же двум немецким колоннам танков и пехоты, наступавшим на обеих флангах, в обход, удалось продвинуться. Скоро они сомкнулись, и два батальона 1168-го стрелкового полка — 1-й и 2-й — оказались в окружении. Наши пехотинцы вынуждены были занять там круговую оборону. И кто знает какая бы участь их постигла, если бы командир дивизии полковник Толстов не направил туда — на выручку — находившиеся в его резерве подразделения? Кольцо окружения было прорвано. Однако под напором превосходящих сил противника стрелковым батальонам нашей дивизии потребовалось отойти на левый берег Чира.

Вечером, когда бои стихли, полковник Толстов, находившийся весь день на передовой, направился в Озеры — на командный пункт дивизии. Архип Иванович уже знал о том, что ему предстоит сдать 346-ю стрелковую дивизию; об этом его поставил в известность генерал Романенко, командующий 5-й танковой армией, только вчера побывавший в Озерах. «И скоро ли будет поставлена отметка о моем убытии?» — такой была реакция комдива на это сообщение. С ответом командарм не задержался: «Не исключено, что уже сегодня или же завтра».

Действительно, в пунктуальности генерала Романенко не следовало сомневаться. Едва Архип Иванович приехал в Озеры и зашел в полуразрушенную хату, где размещался дивизионный командный пункт, как дежурный доложил: его дожидается полковник, назначенный комдивом 346-й.

В течение той ночи полковнику Толстову так и не удалось сомкнуть глаз: сдать дела ему предписывалось экстренно, да и сама фронтовая обстановка требовала этого. Утром 29 ноября 1942 года Архип Иванович убыл из дивизии.

Упреждая время и события, заметим, что в дальнейшем ему выпало командовать 267-й стрелковой дивизией. Он станет генералом, не раз будет отмечен в приказах Верховного Главнокомандующего.¹⁾

Со дня рождения 346-й стрелковой дивизии уж так происходило, что никто долго не оставался на посту ее командира. И комдив И. Е. Давыдовский, и полковники М. А. Сущенко, А. И. Толстов пребывали в этой должности всего лишь в течение нескольких месяцев каждый.

¹⁾ Освобождение городов. М., Воениздат, 1935, стр. 184, 213, 257.

Зато полковнику Дмитрию Ивановичу Станкевскому, принявшему под свое начало 346-ю в Озерах той ноябрьской ночью, предстояло находиться на этом ответственнейшем посту на протяжении более двух долгих фронтовых лет — до 1 января 1945 года.

В Озеры его привела нелегкая, во многом суровая дорога жизни. Уроженец воронежской деревушки под Богучаром, он в 1922 году девятнадцатилетним парнем добровольно вступил в ряды Красной Армии, и защита Родины стала целью и смыслом всей его жизни. В военном училище в Нижнем Новгороде (ныне г. Горький) был поинят в комсомол, а в декабре 1924-го — в партию большевиков. В предвоенные годы прошел путь от командира стрелкового взвода и политрука роты до начальника штаба стрелкового полка. Война застала его слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. Учебу потребовалось закончить по урезанной и весьма напряженной программе. С сентября 1941 года майор Станкевский командовал стрелковым полком на Карельском фронте, а с декабря — там же 314-й стрелковой дивизией. В мае 1942 года был отозван из нее по приказу наркома обороны СССР и снова направлен на учебу — на этот раз в Высшую военную академию Генерального штаба, эвакуированную в г. Уфу. В положении ее слушателя — время-то было военное! — пребывал всего пять месяцев. А после экстренного выпуска он и получил направление к Сталинграду — в штаб Юго-Западного фронта для дальнейшего назначения на должность. Оттуда с напутствием командующего фронтом генерал-полковника Н. Ф. Ватутина убыл на попутных машинах в штаб 5-й танковой армии, а затем уже и в конечный пункт — 346-ю.

Знакомясь в те дни с офицерами управления дивизии, штаба, политотдела, полковник Станкевский не упускал возможности и себя на коротке представить им; ведь он стремился к тому, чтобы знакомство являлось взаимным, происходило на паритетных началах — это было в его правилах.

И кто, кто, а полковник Андрей Спиридонович Пантюхов с готовностью разделил такой его подход к делу. Оказалось, что оба они — командир дивизии и его заместитель по политчасти, являвшийся одновременно и начальником политотдела, были не только почти ровестниками по возрасту, но и кадровыми военными людьми. Оба приятно удивились, когда узнали, что тому и другому привелось в свое время находиться на хлопотливой должности политрука роты.

Уроженец села Бутурлино Юхновского района Смоленской области, Андрей Пантюхов с юных лет пошел по стопам отца: работал на фарфоровой фабрике, позже — на Загрудненском стекольном заводе, что в Московской области. В 1929 году его призвали в Красную Армию. Здесь он стал коммунистом, с большим желанием проходил свои военные и политические «университеты». После окончания военно-политического училища им. Энгельса в Ленинграде из года в год поднимался по ступеням служебной лестницы: секретарь бюро ВЛКСМ сначала ба-

тальона, затем полка; в дальнейшем — политрук роты, военком полка. А служить больше всего привелось в гарнизонах Сибири, Дальнего Востока. Слушателем Военно-политической академии имени В. И. Ленина он, батальонный комиссар Пантюхов стал в сентябре 1940 года. Оканчивать учебу потребовалось экстренно осенью 1942 года — в неимоверно трудный для нас период Великой Отечественной войны. Тогда и был назначен военным комиссаром в 346-ю.

Да, много похожего виделось в биографиях полковников Станкевского и Пантюхова. При всем при том это были люди различные, и по внешнему виду, и по характеру. Высокий, сухощавый, в начищенных до блеска хромовых сапогах, подтянут, по-военному красив, полковник Станкевский всегда, во всем отличался своей интеллигентностью, корректностью. Спокойный и уравновешенный, он редко повышал голос, даже тогда, когда был чем-то рассержен. Твердо держал в своих руках управление и с такой же твердостью насаждал строгую воинскую дисциплину. Полковника Пантюхова природа наделила средним ростом, коренастой фигурой. Энергичный, волевой, он обладал обширными знаниями и опытом ведения партийно-политической работы, умением разбираться в людях. Он был до щепетильности требователен к себе и другим, несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, проявлял прямо-таки отеческое участие и заинтересованность, когда речь шла о судьбе того или иного командира, политработника.

Обоим — командиру дивизии и его замполиту — полномочному представителю партии, — предстояло плечом к плечу идти сквозь свинцовые дни, месяцы, годы войны, находясь во главе многотысячного воинского коллектива. И в какую сложную, опасную обстановку они не попадут, — обоим не потребуется занимать мужества, хладнокровия, выдержки.

Однако вернемся к событиям декабря месяца 1942 года.

Части нашей дивизии успели за несколько суток основательно укрепиться на позициях по левому берегу Чира. В этом, впрочем, мог воочию убедиться и сам противник, который 4 декабря в 13.00 внезапно предпринял атаку на одном из участков силою до двух пехотных батальонов, сопровождаемых 18-ю танками. Встреченные организованным огнем, гитлеровцы понесли чувствительные потери и откатились назад. Атака врага захлебнулась уже в самом начале.¹⁾

Словно часовые на боевом посту, сменялись один за другим вьюжные декабрьские дни. Скоро наступило и 16 декабря, которое, несомненно, заранее было определено на оперативных картах нашего высшего командования. В этот день развернулось наступление советских войск на Среднем Дону — началась Среднедонская операция, которой суждено было войти в летопись Великой Отечественной войны под кодовым

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 91, л. 96.

названием «Малый Сатурн». Ее замысел состоял в том, чтобы окончательно сорвать намерения гитлеровского командования, отчаянно стремившегося деблокировать окруженную под Сталинградом группировку.

Частям и подразделениям 346-й стрелковой дивизии предстояло действовать на правом фланге 5-й танковой армии. Ее командующий генерал П. А. Романенко потребовал от комдива полковника Станкевского надежно обеспечить стык с соседом — левофланговыми частями 3-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко, наступавшими севернее станции Чернышевская в направлении хутора Манохин. А в полосе своего наступления дивизии надлежало очистить от фашистских захватчиков Чернышевскую, совхоз «Чирский», хутор Варламовский. И в то же время ударом в юго-западном и южном направлениях она должна была содействовать главным силам 5-й танковой армии в разгроме вражеской группировки войск у Обливской.

Полковнику Станкевскому пришлось впервые в полном объеме готовить и осуществлять наступательный бой стрелковой дивизии. Как никогда, он был сосредоточен, внимателен, но не обошлось без мучительных раздумий, без неотвязных вопросов, обращенных к самому себе: все ли сделано, все ли предусмотрено? И не могло его не порадовать то, что горячее участие в делах, поддержку, помощь он встретил со стороны своего заместителя полковника Пантюхова, офицеров управления, штаба, политотдела. Прямо таки по душе комдиву пришлось доподлинная деловитость начальника штаба полковника Анатолия Федоровича Некрасова — человека пунктуального, глубоко эрудированного. Дмитрию Ивановичу уже было известно, что в боях под Москвой он командовал 1168-м стрелковым полком, проявил себя хорошим тактиком, после чего и был назначен на нынешнюю должность.

В наступление части 346-й стрелковой дивизии и ее соседи справа и слева, как и намечалось, перешли утром 24 декабря 1942 года. Погода была скверной; не прекращался снегопад, начавшийся еще ночью, крепчал мороз. После короткой артподготовки стрелковые полки поднялись в атаки, и вскоре пехотинцы ворвались во вражеские траншеи. Автоматные очереди, гранаты, штыки — все было пущено в ход для уничтожения находившихся там фашистов.

Наиболее успешной оказалась атака 1168-го стрелкового полка подполковника Максима Ивановича Беловодова. До начала наступления его батальоны занимали позиции, которые подковой охватывали станицу Чернышевская с юга и юго-востока. Теперь же они вырвались на ее западную окраину, отрезали находившимся в станице гитлеровцам пути отхода.

В боевых порядках пехотинцев отважно действовали орудийные расчеты огневого взвода лейтенанта В. В. Ларионова из 1-й батареи 915-го артполка. Расчищая путь наступающим, они подавили целый ряд огневых точек противника, уничтожили несколько грузовых автомашин, вырвавшихся на окраину станицы. Бесстрашно громили артиллеристы врага и на ее улицах.

К полудню сопротивление противника в Чернышевской было сломлено. Примчавшийся туда на открытом «виллисе» комдив полковник Станкевский поздравил подполковника Беловодова с успехом, и тут же потребовал, чтобы его люди не мешкали, не задерживались в станице, а продолжали энергично развивать наступление.

Наступавшие по фронту подразделения других наших частей натолкнулись на ожесточенное сопротивление противника. Следовало предпринять решительные меры, которые бы позволили найти выход из невыгодного для нас положения. Надо сказать, что такие меры были предусмотрены заранее, теперь они уже оперативно осуществлялись. Оставив позади станицу Чернышевскую, батальоны подполковника Беловодова стремительно зашли во фланг и тыл подразделениям врага, укрепившимся в совхозе «Чирский» и хуторе Варламовском. Во второй половине дня 24 декабря бои разгорелись с новой силой. Гитлеровцы не устояли перед одновременным натиском с фронта, флангов и тыла: к исходу дня совхоз «Чирский», а затем и хутор Варламовский были освобождены.

В результате, на всю глубину был прорван фронт обороны противостоящих нашей дивизии частей противника, входивших в состав 22-й немецкой и 1-й румынской танковых дивизий. Враг начал успешный отвод своих сил в южном и юго-западном направлениях: на рубеж железной дороги Морозовск — Обливская. На западе к тому времени все пути его отхода уже были перекрыты нашими механизированными войсками.

— Время торопит! Не задерживайся, вперед! — слетевшее из уст комдива полковника Станкевского это повеление владело многими, если не всеми, его подчиненными. Поддерживаемые огнем артиллерии, действиями саперов, стрелковые батальоны и роты устремились по указанным им направлениям: по большаку, по проселочным дорогам, а то и по заснеженным полям, не давая гитлеровцам возможности закрепляться на выходных рубежах.

Так уж случилось, что в те дни — в ходе наступления — 915-й артиллерийский полк возглавил майор Алексей Васильевич Веревкин, прибывший из штаба 5-й танковой армии и назначенный на эту должность в высших инстанциях. Кадрового военного в нем можно было узнать уже по его безупречному внешнему виду, молодцеватой походке. Уроженец курской деревушки Ивановка, что в Липовецком районе, он стал курсантом военного артиллерийского училища в свои 22 года и теперь, когда достиг уже 36-ти, его военная биография вобрала в себя многолетнюю службу на должностях командира взвода, батареи, дивизиона. 915-й он принял от майора А. Н. Пахомова, временно исполнявшего обязанности командира полка.

Поздравить майора Веревкина с вступлением на новую должность не преминул комдив полковник Станкевский, побывавший в полку.

— Своими боевыми делами наши артиллеристы снискали себе авторитет, уважение у всех пехотинцев, — заметил он, — Пусть же они всегда остаются «богом войны», а точнее говоря, грозой для врага!

Преследуя отступающего противника, громя его, 346-я стрелковая дивизия в течение пяти суток — с 24 по 29 декабря 1942 года — освободила более 20 населенных пунктов Чернышевского¹⁾ и Обливского районов Ростовской области, в том числе станицы и хутора Усть-Грязновская, Верхне-Грязновская, Александровская, Секретов, Клиновой, Леонов, Артемов, птицевосхоз «Ясиновка». На дорогах отступления враг оставил свыше 500 убитых, а около 700 немецких солдат и офицеров, подняв руки над головами, сдались в плен. Среди доставшихся нам трофеев были 23 танка, 80 автомашин, 9 орудий, большое количество различного вооружения, а также снарядов, мин²⁾.

Однако утром 29 декабря все три стрелковые полки — 1164, 1166 и 1168-й — встретили организованное сопротивление противника на подступах к линии железной дороги в районе хуторов Сиволоб, Пришиб, Песчанка, Кирсановка, Гурин. По данным наших разведчиков и показаниям захваченных ими «языков» — двух немецких ефрейторов — было установлено, что на помощь противостоящим нам частям из 22-й немецкой и 1-й румынской танковых дивизий сюда подошли 354-й немецкий пехотный полк, 993-й отдельный пехотный батальон, сборный батальон из отпускников с 15-ю танками. Следовало ожидать, что фашисты, получив такое подкрепление, будут упорно держаться на этих рубежах, а возможно даже предпримут контратаки.

А между тем в последних боях наши стрелковые роты и батальоны поредели. Недоставало и боеприпасов, так как из-за непогоды затруднился их подвоз. Исходя из сложившейся обстановки, командир дивизии полковник Станкевский приказал выдвинуть непосредственно в боевые порядки стрелковых подразделений все орудия истребительно-противотанкового дивизиона, а также часть орудий 915-го артиллерийского полка. Теперь огонь предстояло вести с коротких дистанций, разить врага с первого выстрела.

Что ж, эти меры оказались не напрасными. Гитлеровцы, не заставив себя ждать, в контратаку перешли у хутора Сиволоб. Как и обычно, прикрылись они танками; целая их дюжина, раскачиваясь на бугристом заснеженном поле и устрашающе лязгая гусеницами, приближалась к нашим позициям. Первым по ним ударил орудийный расчет старшего сержанта Андрея Киреева. В следующие секунды заговорило и орудие сержанта Виталия Винокурова. Закипел бой. Были подбиты четыре машины. Еще две подожгли из противотанковых ружей бронебойщики старший сержант Борис Сарычев и рядовой Жолбай Токмаков. Встретив такой решительный отпор, остальные немецкие танки, а с ними и пехотинцы повернули назад.

¹⁾ В послевоенные годы Чернышевский район Ростовской области вошел в состав Обливского.

²⁾ ЦАМО, ф. 346-й с. д., оп. 42, д. 8, л. 4.

То был последний день военного сорок второго года. Уже с вечера бойцы и командиры во всех частях и подразделениях дивизии начали по фронтовому отмечать встречу нового, 1943-го. Никому, понятно, не было дано услышать и сосчитать сколько раз произносились в окопах, на огневых позициях, в землянках тосты «За нашу грядущую победу» перед опорожнением жестяных кружек со скромными «наркомовскими» сто граммами». Пожалуй, прозвучали они десятки тысяч раз, если к тому же учесть, что через полевую почту дивизии уже были отправлены кипы новогодних писем-треугольников, содержавших именно такое неизменное пожелание и непроходящую уверенность.

А вот капитану Константину Тихоновичу Шамаеву в ту новогоднюю ночь не привелось и глаз сомкнуть. Осталась нетронутой и его пайка водки, доставленная старшиной хозяйственного взвода. Всю ночь Шамаев провел на позициях своих бойцов-противотанкистов: вместе с ними нес боевое дежурство, бодрствовал, вел разговоры о сокровенном. Ему тоже, как и собеседникам, предоставилась возможность словно бы оглянуться на прожитые годы, мысленно подытожить пройденное. Техник-строитель из Ростова-на-Дону, он, Константин Шамаев, избрал для себя вторую — военную профессию уже после того, как отслужил в Красной Армии действительную службу. Окончив военное училище, в звании лейтенанта был направлен на фронт. Судьба привела его в 915-й артполк 346-й стрелковой дивизии, сражавшейся на полях Подмосковья. Он был назначен командиром 5-й батареи, и очень скоро с ним заговорили как о человеке дельном, мужественном. В бою под орловской деревней Пальчиково 30 декабря 1941 года он со своими артиллеристами отразил атаку бронемашин и пехоты противника, уничтожив при этом две бронемашины с автоматчиками. Отважно, не кланяясь вражескому обстрелу, управлял он огнем своей батареи и в бою под другой орловской деревней — Ожерино: там были уничтожены десять немецких подвод с грузами, автомашина, разнесен склад боеприпасов. Приказом командующего 61-й армией Шамаев был тогда награжден орденом Красной Звезды и почти одновременно ему присвоили звание старшего лейтенанта. А затем он был назначен командиром входившего в состав дивизии 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Нет, как такового этого дивизиона тогда уже не существовало: весь его личный состав до единого человека poleg в кровопролитных боях с полчищами немецких танков и пехоты. На долю Шамаева выпало в самом срочном порядке формировать-создавать это воинское подразделение, готовить его к боям. Человек с железной выдержкой, он и своим подчиненным — истребителям танков — прививал это качество. Учил их стойкости в боях, умению крушить фашистскую броню с первого выстрела. Его сержанты и солдаты хорошо владели и «харманной артиллерией» — гранатами. «Если кончились снаряды или вышло из строя орудие — бей гранатами по уязвимым местам вражеского танка!» — таково было неопределяемое правило Шамаева, ставшего в боях под Сталинградом капитаном. Будучи членом партии, он ста-

рался сочетать воедино обязанности командира — повелителя людей — с их воспитанием. Обращаясь к умам, сердцам своих подчиненных, призывал их свято беречь память о боевых сверстниках, павших в боях, мстить за них врагу.

Возрожденный 266-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион вновь стал грозой для противника. Только в течение одного месяца — декабря 1942 года — им было уничтожено 11 немецких танков и бронемашин, 14 пушек, 27 минометов, более 30 станковых и ручных пулеметов, 12 автомашин, истреблено несколько сотен гитлеровских солдат и офицеров¹⁾. И многие из них, отважных советских противотанкистов, удостоились за это наград. Сам капитан Константин Шамаев стал отныне кавалером другого боевого ордена — Красного Знамени.

Наступление части нашей дивизии, как и ее соседи, возобновили в первых числах января 1943 года; к этому времени уже были подвезены из тылов боеприпасы.

В ночь на 3 января, сбив арьергардные подразделения противника, 1168-й стрелковый полк с боями взял хутора Пришиб, Вербочка, а уже в течение наступившего дня — Песчанку, Кирсанов, Сиволоб. Успешно продвигались и другие полки: 1164-й овладел хутором Быстрый, а 1166-й — усадьбой совхоза «Россия». К исходу 3 января были выбиты гитлеровские оккупанты также из Чернышковского.

Там, в Чернышковском, и разместился теперь командный пункт дивизии. Вечером туда приехали и комдив полковник Станкевский, и его заместитель — начальник политотдела полковник Пантюхов, находившиеся в частях. Связисты уже протянули «нитку» к штабу 5-й танковой армии, и разговор комдива с командармом генералом Романенко состоялся в условленное время — 23.30. Командарм от имени Военного совета армии поздравил всех воинов 346-й с успешными наступательными действиями. Он отметил, что этим самым они способствовали успеху главной армейской группировки войск, нанесшей разящий удар по противнику в районе станции Обливская.

А очередной фронтовой день — морозный, искрившийся нежно-синеватыми отблесками снега — не заставил себя ждать. Но кто бы мог предположить — какие непредвиденные события ждали наших пехотинцев, артиллеристов в тот день: 4 января 1943 года?!

Еще ночью в совхозе «Россия» расположились 1-й батальон 1164-го и 1-й батальон 1166-го стрелковых полков, а также 3-й дивизион 915-го артиллерийского полка. В соседней Покровке сосредоточились 1168-й стрелковый полк, некоторые спецподразделения дивизии. Люди везде приводили в порядок себя, вооружение, готовились с утра возобновить наступление.

Едва рассвело, как бойцы наших передовых постов и боевого охранения установили: восточнее совхоза «Россия», примерно в полутора километрах появилась длинная колонна немецких войск. Скоро выяснится,

¹⁾ ЦАМО, ф. 33, од. 1982524, д. 318, л. 223.

что то были несколько неприятельских подразделений из тех, которые оказались зажатыми у Обливской и теперь ринулись кружным путем — по нашим тылам — на прорыв.

Командир 1166-го стрелкового полка майор Чистяков, находившийся в совхозе, снял 1-й стрелковый батальон с западной окраины и переместил его на восточную, где находились и другие наши воины. Логически рассуждая, именно там и следовало ожидать вражескую колонну. Но такое предположение — увы! — оправдались лишь частично. Гитлеровцы предприняли атаки сразу двумя группами: на восточной окраине совхоза и на западной. И если на восточной они были сразу же отброшены и почти наполовину расстреляны, то на противоположной окраине создавалось весьма серьезное положение. Там они сомкнутыми рядами, в маскировочных белых накидках, под прикрытием тумана, без единого выстрела подошли к постам нашего боевого охранения. Пехотинцы открыли в упор по ним ружейно-пулеметный огонь. Но тут же послышались крики на чистом русском языке: «Что вы делаете? Не стреляйте, мы — свои!».

Крики эти привели в замешательство не только бойцов боевого охранения, но и прибывших туда майора Чистякова и командира 3-го артиллерийского дивизиона старшего лейтенанта Э. В. Головню. Последний, увидев, что хвост наступающей колонны обстреливают «шрапнелью» (у нас не было тогда тогда снарядов «шрапнель»), начал уверять: «Это движутся наши войска». Чистяков посчитался с его мнением, приказал прекратить огонь, выяснить принадлежность атакующих войск. Это позволило гитлеровцам оттеснить наше боевое охранение, подойти почти к совхозным постройкам. И только уже там, когда их иезуитская хитрость была разоблачена, по ним ударили из всех видов оружия и наши пехотинцы, и артиллеристы.

И все же фашисты прорвались через территорию совхоза.

Позже по показаниям пленных было установлено, что эта колонна состояла из нескольких сот головорезов из 7-й и 8-й немецких десантных дивизий, потрепанных накануне в боях под Обливской и Чернышковском. В их распоряжении находились 2 танка, 38 бронемашин, самоходные пушки, крупнокалиберные пулеметы, Гитлеровским командованием перед ними была поставлена задача во что бы то ни стало пробиться к Морозовску и соединиться с находившимися там немецкими войсками¹⁾.

Это уже было вовсе не войско, а скорее всего орда обезумевших, гонимых страхом нелюдей. С нещадной жестокостью они крушили все, что преграждало им путь, предавали смерти всех и вся, не щадили даже тяжело раненых.

Очень скоро на пути этой орды оказалась позиция 2-й батареи 915-го артполка. Надо сказать, что ее расчеты к тому времени уже израсходовали почти все из имевшихся у них 390 снарядов, оставалось их в запасе всего с десятков. Развернув орудия на 180 градусов, батарейцы открыли огонь прямой наводкой.

¹⁾. ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 94, л. 24.

— Не подкачайте, ребята! Разите наповал эту свору! — слышался на огневой позиции голос заместителя командира батареи по политчасти старшего лейтенанта Василия Безменова; в этот день он исполнял обязанности командира батареи. Невысокий, плотно сбитый черноглазый украинец Безменов был на восемь-десять лет старше других батарейцев. Верил он в своих ребят всей душой, и бойцы платили ему взаимностью, величали по имени и отчеству — Василий Иванович, называли своим комиссаром.

Громя наседающих врагов, батарея держалась из последних сил. Но вот кончились снаряды. Орудия умолкли. Безменов приказал отбиваться от фашистов личным оружием — огнем из автоматов, карабинов, гранатами. Он и сам, выхватив из кобуры пистолет, пустил его в ход. Но тут же упал, раненый в обе ноги. Превозмогая боль, Безменов продолжал руководить схваткой батарейцев. По его приказу они сняли оптические приборы, вынули бойки затворов — нельзя было оставить врагу испразные орудия. Когда фашисты ворвались на огневую позицию батареи, завязались рукопашные схватки. Истекая кровью сражался до последней возможности и старший лейтенант Безменов. И лишь когда враги окружили его, а в обойме пистолета остался один-единственный патрон, он резко вскинул руку к виску.

Дорого обошлась влагам жизнь старшего лейтенанта Василия Безменова, других героев-артиллеристов. В жестоком бою 2-я батарея уничтожила 208 гитлеровцев, подбила несколько бронемашин.

Пройдет время и о январских боях 1943 года напишут рукописные воспоминания их участники — бывалые, видавшие виды артиллеристы Георгий Никитович Степанюк, Сергей Егорович Морозов, Николай Алексеевич Шмаков. Хранятся эти свидетельства в комнате боевой славы дивизии. Нельзя читать их без глубокого волнения и сопереживания.

Случилось так, что в ночь на 4 января командир 1-го орудия 5-й батареи сержант Степанюк серьезно заболел и его поместили в одной из хуторских изб. О том, что немцы нагрянули в хутор с тыла, откуда их никто не ждал, Степанюк узнал от хозяйки избы. Она же, обливаясь слезами, рассказала о том, что в соседний дом приполз раненый красноармеец — весь в крови, без одной ноги. Немцы, должно быть, его заприметили, так как ввалились сразу же за ним. Он просил оставить его живым, но эти изверги окропили его какой-то вонючей жидкостью и подожгли прямо в доме. «Услышав такое, — продолжает Степанюк, — я, забыв обо всем на свете, помчался в родную батарею. И лишь одна мысль, одно стремление владели мною: стрелять, стрелять, стрелять в этих гитлеровских гадов!».

А вот строки, принадлежащие Сергею Морозову, в то время орудийному номеру 2-й батареи:

«... Что ж, встретили мы гитлеровцев, неожиданно появившихся из-за наших спин, как и полагалось на фронте: «огоньком». Прямой наводкой были подбиты две бронемшины. Остальные дали задний ход и укрылись в балке. Потом снова пошли на нас. По команде Василия Ивановича мы подпустили их поближе и ударили по ним в упор. Несколько раз враги откатывались и лезли снова. Можно не сомневаться, что наши батарейцы в конце-концов перебили бы их всех до одного. Но вот незадача: кончились снаряды. Да и ребят немало полегко. У нас в расчете был тяжело ранен в живот наводчик Шмелев, истекали кровью также командир орудия сержант Иван Кондраков, подносчик снарядов Скубиев. И только мы с Чернадьевым держались еще на ногах и пустили в ход гранаты-лимонки...».

Наводчик орудия 2-й батареи сержант Николай Шмаков был одним из тех немногих, кому посчастливилось остаться в живых. «...Прежде чем покинуть нашу умолкшую огневую позицию, — пишет он, — я подполз к лежавшему на снегу лицом вниз старшему лейтенанту Безменову. Кровь сочилась у него с виска, пистолет был зажат в правой руке. Я перевернул его, вынул из гимнастерки партийный билет, удостоверение личности... Вскоре мы, несколько батарейцев, побывали в совхозе «Россия», разгрузили двух лошадей, подводу. Вернулись на огневую позицию, погрузили на подводу Василия Ивановича, погибших батарейцев. Похоронили их в садике, возле совхозной школы. А партийный билет и удостоверение личности Безменова я передал лично начальнику политотдела полковнику Пантюхову, его я встретил в тот день в совхозе вместе с командиром дивизии».

Короткой, но славной была жизнь Василия Безменова, погибшего в неполные 28 лет. Родился он в селе Бочково Волчанского района на Харьковщине. Недалеко от родных мест, в поселке Шевченково, закончил среднюю школу, стал комсомольцем. Там же, в Шевченково, работая в редакции районной газеты «Большевицька правда», проявил себя способным журналистом, был принят в партию. Война застала Василия на курсах переподготовки командиров-артиллеристов, откуда он и ушел на фронт. В боях под Смоленском был ранен. После излечения коммуниста Безменова направили в военно-политическое училище, по окончании которого он получил назначение в нашу дивизию, стал политруком артиллерийской батареи.

Великое мужество старшего лейтенанта Василия Безменова, его самопожертвование были отмечены присвоением ему посмертно звания Героя Советского Союза¹⁾.

На протяжении всего дня 4 января 1943 года не прекращались схватки с гитлеровцами, заседавшими то в одном, то в другом месте. Остатки недобитой орды, прорвавшиеся через позиции 2-й батареи, появились в тылах 1164-го стрелкового полка майора С. З. Закирова. Но там, в районе

¹⁾ Герои Советского Союза. М., Воениздат, т. I, с. 136.

хутора Быстрый, они скоро натолкнулись на огневые позиции 2-го дивизиона капитана П. Ф. Коваленко. Надрывно и грозно заговорили орудия: первыми приняли бой пушкири 5-й батареи старшего лейтенанта А. И. Иванченко. Одним из орудийных расчетов в ней командовал сержант Георгий Степанюк, о котором сказано на предыдущих страницах.

Следует добавить, что за расчетом сержанта Степанюка был закреплен кроме полагавшегося ему по штату 76-мм орудия также пулемет Дегтярева, находившийся на вооружении пехоты. Уже не раз верно служил он и им, пушкарям. Вот и теперь, находясь в крепких руках командира огневого взвода лейтенанта А. Н. Кольцова, он в упор косил обезумевших гитлеровских вояк.

Вступила в бой и 4-я батарея лейтенанта В. И. Сидорец. Именно один из ее расчетов, возглавляемый сержантом А. Мощенко, подбил немецкий танк, под прикрытием которого фашисты шли на прорыв. В то самое время на огневой позиции 4-й батареи появилась группа воинов-пехотинцев, присланная на подмогу командиром 1164-го стрелкового полка майором Закировым. Гитлеровцам был поставлен прочный заслон. Многие из них, скошенные свинцовыми очередями автоматов и пулеметов, нашли свою смерть, остальные сдались в плен.

Отважно дрались на позициях вокруг усадьбы совхоза «Россия» и у хутора Быстрый все артиллерийские расчеты, все бойцы и командиры. Невиданную духовную стойкость, железную выдержку проявил заместитель командира дивизиона по политчасти капитан И. Ф. Лосев. В бою он был несколько раз ранен, но оставался на позициях, воодушевлял людей своим мужеством, словом. И лишь когда орудия умолкли и с фашистами было покончено, капитана Лосева, обессиленного от потери крови, в бессознательном состоянии доставили на повозке в дивизионный медсанбат, находившийся в хуторе Сиволоб. Очень скоро в медсанбат прибыла делегация женщин, жительниц хутора, которые потребовали «главного начальника». К ним вышел ведущий хирург майор Владимир Алексеевич Спекторов. Женщины передали ему свою просьбу: пусть доктор возьмет их кровь и перельет тяжелораненому командиру. «Капитан пролил свою кровь на нашей земле, — настаивали женщины, — он должен жить, спасите его!». Несмотря на все усилия врачей, спасти капитана Лосева не удалось: очень тяжелыми были его раны, слишком много крови потерял он в бою. Его боевой подвиг будет отмечен орденом Красного Знамени. Кровь жительниц хутора Сиволоб вернула к жизни других раненых бойцов и командиров.

5 января 1943 года полки нашей дивизии возобновили наступление вдоль железной дороги Цымла — Морозовск. К исходу дня они во взаимодействии с соседями справа и слева — гвардейцами 50-й стрелковой дивизии и конниками 8-го кавкорпуса — на плечах противника ворвались в город Морозовск Ростовской области¹⁾. Отступал враг, что называется,

¹⁾ Освобождение городов. М., Восниздат, 1985, с. 160.

без оглядки, бросая оружие, награбленное добро. Не успели гитлеровцы вывести или же в последние минуты взорвать свои склады. Среди захваченных трофеев были 8 немецких танков, 163 автомашины, свыше 4 тысяч винтовок, 70 паровозов и до 700 вагонов, около 300 тонн бензина в бочках²⁾. Что-то, а бензин пришлось нам очень кстати, были заправлены все машины дивизии, да и на запас погрузили в кузова немало бочек.

С великой радостью встречали воинов-освободителей жители Морозовска, находившиеся в оккупации около полугода. Об этом поведают в своих рукописных воспоминаниях десятки ветеранов дивизии. Вот свидетельство того же сержанта Георгия Степанюка: «...Чего скрывать, не в лучшем своем виде предстали мы перед хозяйшками квартир, в которых выпало нам ночевать после взятия Морозовска. Ведь, считай, с 19 ноября, когда загремели наши пушки под Серафимовичем, мы не мылись и не стриглись: некуда было подеться — завелись у нас и нательные паразиты. Так вот, морозовские пожилые тетушки, — нет, не то слово, морозовские матери, обмывали нас в своих корытах, как маленьких детей, подстригали ножницами. Верхнюю одежду и шапки прожарили в печках, а белье, гимнастерки, брюки выстирали и в течение ночи высушили, погладили... Без слов сердечной благодарности не могу писать эти строки. Снова и снова мысленно обращаюсь туда, в Морозовск: сердечное вам спасибо дорогие наши женщины-матери!».

От Морозовска фронтовые дороги частей 346-й стрелковой дивизии пролегли к железнодорожной станции Тацинская. Туда же держали путь и оба соседа: слева — 55-я, а справа — 21-я гвардейская кавалерийские дивизии 8-го кавалерийского корпуса. Как и прежде, гитлеровцы пытались закрепиться на выгодных для себя рубежах, предпринимали контратаки. Довольно сильное сопротивление врага части 346-й встретили в районе железнодорожного разъезда Ковылкин и хутора Алексеев, куда вырвались 13 января. Силою до батальона пехоты и тремя танками противник контратаковал 1166-й стрелковый полк. Гитлеровцы были отброшены.

Из многострадальной Тацинской, до которой было рукой подать, доносились частые взрывы, ночное небо над ней озарялось пляшущими отблесками пожаров — фашисты творили свое пакостное дело — уничтожали все, что не могли заграбастать, увезти с собою.

Напомним читателю о следующем. В результате смелого рейда 24-й танковый корпус генерала В. М. Баданова 24 декабря 1942 года (случайное совпадение чисел) овладел станицей и железнодорожной станцией Тацинская, а также аэродромом возле этого населенного пункта. У противника были захвачены большие склады с вооружением, продовольствием, горючим. Среди трофеев насчитывались сотни немецких самолетов, не успевших подняться с аэродрома или находившихся в разобранном виде на железнодорожных платформах. Сражаясь в полном окружении танковый корпус смог продержаться до 28 декабря. Положение в нем

²⁾ ЦАМО, ф. 346 с. д., оп. 41, д. 5, л. 3.

создалось крайне тяжелое: во всех подразделениях закончились снаряды, были понесены серьезные потери в танках, личном составе. Получив радиограмму на выход из окружения, танкисты внезапным ударом протаранили позиции противника, соединились с основными силами советских войск. Тацинская вновь оказалась в руках врага. Теперь ее предстояло брать вторично.

Гул взрывов, доносившихся из Тацинской, взывал всех наших воинов: спешите! И прежде всего требовались немедленные всесторонне взвешенные решения-действия командира дивизии.

Среди принятых полковником Станкевским решений было и такое: командиру дивизионной разведывательной роты, старшему лейтенанту Алексею Ильбитенко вместе с группой своих бойцов под покровом ночной темноты проникнуть к зданию железнодорожного вокзала Тацинская и ударить по противнику с тыла. Несомненно, такое решение исходило из оценки создавшейся обстановки. Наше наступление застопорилось, и нельзя было рассчитывать на то, что без серьезных потерь удастся выбить противника с укрепленных позиций перед Тацинской. Надо было воздействовать на него и с фронта, и с тыла, ошеломить, посеять в его стане панику. Разумеется, перед нашими разведчиками ставилось исключительно сложное, опасное боевое задание. Был здесь и немалый риск, — это понимали все: и они сами, и полковник Станкевский.

И не случайно той ночью, находясь в траншее одной из стрелковых рот, Станкевский сам провожал разведчиков на задание. Напутствуя потцовски их командира, долго не выпускал его руку из своей. Что ж, старший лейтенант Алексей Ильбитенко, высокий, красивый парень, по возрасту годился в сыновья комдиву: ему только что исполнилось тогда 25 лет. Украинец, он родился и вырос в шахтерской семье в городе Снежное Донецкой области. С комсомольской путевкой поехал обживать дальневосточные земли, строил первые дома в Комсомольске-на-Амуре. Боевое крещение принял в боях под Москвой. Но, конечно же, наиболее веско он смог проявить себя на посту командира дивизионной разведывательной роты, которую ему вместе со своим замполитом капитаном К. Д. Щегольковым пришлось создавать заново. Перед всеми Ильбитенко предстал человеком отважным, вездесущим, более того, дерзким. И при всем этом всегда предусмотрительным.

В ответ на напутствие командира дивизии и пожелание боевого успеха Ильбитенко негромко заверил:

— Ждите от нас, товарищ полковник, хороших вестей.

Им, двадцати шести мужественным, отважным советским парням в маскировочных плащнакидках удалось беспрепятственно просочиться между вражескими постами. Впрочем, на руку им была вакханалия, творившаяся в стане противника: горели элеватор, многие другие постройки, по улицам и дворам шныряли словно обезумевшие группы гитлеровцев. Вскоре по условному сигналу своего командира разведчики атаковали

фашистов, находившихся перед входом в железнодорожный вокзал; ошеломленных, растерявшихся врагов разили автоматными очередями, кинжалами, гранатами. Через несколько минут огневой и рукопашный бой разгорелся и в здании самого вокзала, где скопилось немало гитлеровских вояк. Однако основная часть разведгруппы во главе с Ильбитенко в это время заняла выгодную позицию на углу вокзала и тем самым блокировала подходы к нему.

Уже начало рассветать. Было 15 января 1943 года. Опомнившись, гитлеровцы со всех сторон обложили привокзальную площадь в Тацинской. Сдержать их натиск вряд ли было по силам горстке наших разведчиков. Но о них помнили, их не забыли те, кто отправил на это серьезнейшее боевое задание.

Этим ранним утром в атаки на противника у Тацинской уже поднялись все полки 346-й стрелковой дивизии и ее соседей — справа и слева. И вот на заснеженных улицах, между железнодорожными эшелонами — везде и всюду, послышалось приводившее врагов в трепет, русское «Ура!» Тут фашистам уже было не до наших разведчиков — впору бы самим спастись бегством.

Второй раз советские воины изгнали оккупантов из Тацинской, теперь — навсегда!]

«Нигде не задерживайся, не мешкай, не зевай — вперед, и только вперед!» — такое стремление всегда было присуще фронтовику-пехотинцу, а во время наступления — в особенности. Да и не только пехотинцу, владело оно воинами всех родов войск — в равной мере и бойцами, и командирами.

От Тацинской полки нашей дивизии, преследуя противника, наступало по дорогам и проселкам, приведших к Северскому Донцу — правому притоку Дона. Утром 18 января, действуя южнее города Белая Калитва Ростовской области, 1166-й стрелковый полк овладел хутором Ольховчик, а затем совместно с 1168-м стрелковым полком и хутором Богатов. К исходу дня вся дивизия вышла на восточный, левый, берег Северского Донца. Отныне ее соседом справа стала 112-я Башкирская кавалерийская дивизия 8-го кавкорпуса, а левофланговым, южнее Ольховчика — 333-я стрелковая дивизия, которая также входила в состав 5-й танковой армии.

Со взятием Тацинской и выходом советских войск на Северский Донец Сердннедонская операция — «Малый Сатурн» — оказалась завершенной. Все наши газеты в те дни рассказывали об успехах Донского фронта, приступившего к окончательной ликвидации окруженной группировки Паулюса под Сталинградом. И каждый из воинов 346-й чувствовал себя причастным к тому, что доживали свои последние дни многие из соединений и частей гитлеровской гرابармии.

1) Освобождение городов. М., Воениздат, 1985, с. 238.

Героизм, мужество, самоотверженность воинов нашей дивизии, проявленные в боях, будут достойно оценены. Летопись соединения пополнится следующими красными строками:

19 января 1943 года. Военным советом 5-й танковой армии объявлена благодарность личному составу частей полковника Д. И. Станкевского — за мужество и доблесть при выполнении заданий командования в ходе наступательной операции «Малый Сатурн».

25 января. За участие в разгроме гитлеровских войск в осенне-зимней кампании 1942—1943 годов, а также в овладении г. Морозовск и другими населенными пунктами приказом Верховного Главнокомандующего объявлена благодарность всему личному составу соединения полковника Д. И. Станкевского.

Около 800 солдат, сержантов и офицеров дивизии, отличившихся в боях, награждены орденами и медалями.

31 марта. Указом Президиума Верховного Совета СССР, орденами Красного Знамени награждены наиболее отличившиеся в наступательной операции «Малый Сатурн» 1168-й стрелковый полк подполковника М. И. Беловодова и 915-й артиллерийский полк подполковника А. В. Веревкина.

Воинам дивизии по заслугам будет воздано за уже совершенные ратные дела. Но теперь, на Северском Донце, их ждали новые суровые испытания, а с ними и горечь-боль потерь. И далеко не всем посчастливится остаться в живых, прикрепить к гимнастерке заслуженные ордены или медаль.

Гитлеровцы заранее подготовили на Северском Донце оборонительные позиции, опиравшиеся на естественные и возведенные препятствия. К тому же, находясь на высоком правом берегу реки, они просматривали почти весь боевой порядок нашей дивизии, включая артиллерийские позиции и места расположения тылов.

Оценив обстановку, полковник Станкевский приказал командирам стрелковых полков без промедления, уже 19 января начать формирование Северского Донца. Через скованную льдом реку первыми в атаку устремились штурмовые группы, состоявшие из саперов, стрелков, бронбойщиков с их длинными противотанковыми ружьями. А наши артиллеристы, прокладывая путь штурмовым группам, обрушили на врага град снарядов. Повсюду завязались жаркие бои. То затухая, то возобновляясь с новой силой, они продолжались до вечера. Повсюду наши воины наталкивались на упорное сопротивление врага. И лишь на следующий день — 20 января — им удалось решительной, напористой атакой выбить фашистов из раскинувшегося на правом берегу хутора Калинова и примыкавших к нему двух высот — 122,9 и 139,1. Однако третья, господствующая над местностью высота 148,5 оставалась у противника. Наступавшие там батальоны 1166-го стрелкового полка не смогли сломить его сопротивление.

В течение 21 января дивизия овладела десятью населенными пунктами Белокалитвинского района Ростовской области, в том числе: Хорошевским, Усть-Провальским, Привольным, Петровском. Но в этот же самый день противник предпринял сильную контратаку против нашего 1164-го стрелкового полка, батальоны которого занимали высоту 122,9 и подступы к ней у Калинова. Густые цепи гитлеровцев ринули там в бой под прикрытием нескольких десятков танков и бронемашин. В жаркие поединки с ними вступили без промедления находившиеся в боевых порядках пехотинцев орудийные расчеты 1-го дивизиона капитана И. И. Лесниченко.

Вместе с тем приказ на участие в отражении вражеской контратаки получил от комдива полковника Станкевского и командир дивизионной зенитно-артиллерийской батареи старший лейтенант Н. И. Орловский. Следует заметить, что огневая позиция этой батареи и наблюдательный пункт комдива находились там же, у Калинова.

Вражеская стальная лавина была встречена разительным огнем наших артиллеристов. Один за другим загорелись пять немецких танков. Остальные машины попятились назад, а с ними обратилась в бегство и пехота.

Уместно сказать, что уже по своему названию зенитные орудия предназначались не для поражения наземных целей, а воздушных. И только в редких — исключительных случаях — батареи старшего лейтенанта Орловского привлекались к отражению танковых атак противника. К чести наших зенитчиков сообщим, что не подкачали они и на своем основном — «воздушно-небесном» фронте: во второй половине этого же дня их выстрелами был сбит немецкий бомбардировщик, а на следующий день — 22 января — подбит неприятельский транспортный самолет. Тот произвел вынужденную посадку в нейтральной зоне; его экипаж попытался бежать, но был уничтожен выстрелами зенитчиков.

В разгар боев под Калиновым прибыл новый командующий артиллерией 346-й стрелковой дивизии полковник Николай Алексеевич Почиталов. Его предшественник на этом посту подполковник С. К. Карпенко был ранен накануне и отправлен в тыл на лечение.

Произошла также смена командира дивизионной разведывательной роты. Отныне ее возглавил лейтенант коммунист Хажпаго Гатажоков, кабардинец, в недалеком прошлом председатель колхоза в селе Сармаксо, что под Нальчиком. Прежний командир разведроты старший лейтенант Алексей Ильбитенко по решению комдива получил новое назначение: принял 2-й батальон 1164-го стрелкового полка.

Свыше двух недель предстояло частям и подразделениям дивизии сражаться на огненных рубежах Северского Донца у Белой Калитвы. О накале, ожесточенности тех январских боев можно было судить хотя бы по тому, что не одна и не две, а десятки боевых позиций по многу раз переходили из рук в руки.

Так, воинам 1166-го стрелкового полка в конце-концов удалось овладеть высотой 148,5, господствующей у Калинова над окружающей местностью. Но фашисты не примирились с ее потерей, остервенело и со всех сторон полезли в контратаки. В неравном бою смертью храбрых пали все тринадцать находившихся там наших бойцов. Но не долго гитлеровцам было позволено торжествовать свою победу. На них тот час же обрушился огонь наших артиллеристов, минометчиков. И снова на скатах алополучной высоты раздались голоса «Ура!».

У гитлеровцев обычно не было принято вести активные боевые действия ночью. Но, как видно, на этот раз у них произошло что-то невероятное. Именно ночью 23 января, в 2 часа, предприняли они очередную контратаку на участке обороны 1164-го стрелкового полка майона С. З. Закирова. На его малочисленные, сильно поредевшие в предыдущих боях подразделения, обрушились несколько танков и густые цепи фашистов. Серьезное испытание прежде всего пришлось держать орудийным расчетам полковой противотанковой батареи лейтенанта В. М. Гунера. Что ж, они не подкачали! Подпустив на самое близкое расстояние черные громадины, ударили по ним из своих «сорокапятков» в упор. Был подбит головной вражеский танк, затем еще один. Огромными кострищами пылали стальные коробки; в зловещих отсветах пожара металась гитлеровцы. Для многих из них это были предсмертные метания — наши пулеметчики, стрелки, автоматчики расстреливали их без промаха.

«Не выдержав нашего организованного, прицельного огня, оставив на поле боя до 150 трупов, противник поспешно отступил» — так напишет в боевом донесении командир полка майор Закиров¹⁾.

Несколько раз враг предпринимал контратаки и на участке обороны 1168-го стрелкового полка. Первыми в бой там вступили полковые разведчики, находившиеся в районе передового наблюдательного пункта. От появившихся немецких танков они отбивались гранатами, бутылками с горючей смесью. Возглавляемые сержантом, коммунистом Юрием Михайловичем Наговицыным, в прошлом шахтером из Ростовской области, герои-разведчики устояли в неравном поединке с фашистской броней. Из девятнадцати человек в живых осталось только пятеро.

Вскоре на тот рубеж подоспели бойцы стрелковых батальонов, а также артиллеристы противотанкового дивизиона капитана К. Т. Шамаева. Враг был отброшен. Безуспешно закончились и все другие его попытки смять, оттеснить подразделения полка.

В боях на Северском Донце мужественно, отважно действовали все дивизионной разведывательной роты. Свыше 40 из них были включены в состав головной штурмовой группы. Ворвавшись в окопы и блиндажи противника, эта группа в рукопашных схватках истребила более 30 гитлеровцев, а 10 взяла в плен. В дальнейшем разведчики участвовали

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 94, л. 44.

в отражении вражеских контратак и не упускали при этом ни малейшей возможности захватить «языка», от которого можно было бы заполучить сведения о намерениях врага.

Смертью храбрых пали в схватках с фашистами бесстрашные, бывалые разведчики красноармейцы Т. Воронцов и А. Яковлев. Оба властью командарма будут награждены орденами Красного Знамени. А командир дивизии полковник Станкевский своим приказом № 15/Н от 4 февраля 1943 года удостоит наград многих других отличившихся разведчиков, среди них: красноармейцев А. Петрова, И. Савинова, сержантов И. Секретарева, И. Колыханова, старших сержантов В. Дорофеева, И. Михайлова, А. Цепелева, заместителя командира роты по политчасти капитана К. Щеголькова, секретаря ротной парторганизации сержанта Николая Скачкова, тяжело раненого в бою и эвакуированного в госпиталь¹⁾.

В последние дни января 1943 года — 30 и особенно 31-го — бои по всему фронту дивизии достигли своего апогея. Рев пушек громовыми раскатами несли далеко по заснеженным берегам Северского Донца. Орудийным расчетам 8-й батареи старшего лейтенанта А. П. Плесовских удалось залповыми выстрелами «накрыть» в стане противника сразу три автомашины с боеприпасами и глухие, беспорядочные взрывы волнами докатились и до наших позиций. А 31 января, когда противник бросил против 1168-го стрелкового полка подполковника М. И. Беловодова и подерживавшего его пехотинцев 3-го артиллерийского дивизиона капитана Э. В. Головни до тридцати танков с пехотой на бронемашинах, — в «работу» по команде полковника Н. А. Почиталова включились все находившиеся вокруг пушкари. Бой был исключительно ожесточенным. Полк понес большие потери, да и орудийные расчеты тоже лишились многих бойцов. Враг же оставил на поле боя почти все, с чем начал контратаку, но все это выглядело теперь безжизненными, горевшими горами.

Долгожданное затишье на берегах Северского Донца наступило наконец в первый день февраля. Усталость наших людей достигла предела — свыше двух месяцев находились они в непрерывных боях. Сказались и потери; в стрелковых полках оставалось всего-навсего 30—40 человек, то есть активных штыков, которые могли вести боевые действия. И перейдя теперь к обороне, воины дивизии укрепляли и совершенствовали позиции, приводили в порядок оружие, обмундирование. Боевые подразделения доукомплектовывались за счет прибывавшего пополнения, а также возвращавшихся после излечения в госпиталях солдат и офицеров.

В один из тех февральских дней многие наши пехотинцы, минометчики, артиллеристы, саперы стали взволнованными свидетелями события, происшедшего в небе под хутором Богатово. Созетские зенитчики сбили там немецкий транспортный самолет. Он рухнул неподалеку от хутора, и падение его сопровождалось тысячеустным «Ура!». Десятки бойцов, находившихся поблизости, конечно же, побежали к обломкам самолета.

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 94, л. 46. >

Они насчитали там около тридцатиtrupов фашистских офицеров — нет, не удалось им, гитлеровским иродам, унести ноги из-под Сталинграда. А парашютное шелковое полотно, раздобытое нашими бойцами под обломками самолета, очень пригодилось в войсковом хозяйстве.

Между тем, в штабе 346-й стрелковой дивизии уже был получен приказ о ее передислокации. Она передавалась в 14-й стрелковый корпус генерала Ф. Е. Швердина, который входил в состав 3-й гвардейской армии генерала Д. Д. Лелюшенко. Его войска, форсировав Северский Донец, вели боевые действия уже на территории Украины, развивали наступление в направлении Ворошиловграда.

В течение 8 февраля 1943 года полки нашей дивизии передали свои участки обороны частям 47-й гвардейской стрелковой дивизии, а сами в тот же вечер двинулись в путь. Люди с оружием и солдатской поклажей шли плотными колоннами, вели негромкие разговоры.

Среди разведчиков дивизионной роты, шагавших, как всегда, в авангарде, можно было увидеть полковника Андрея Спиридоновича Пантюхова. Таким уж непреложным правилом считал для себя наш начальник политотдела: делить с людьми все фронтовые трудности и радости, постоянно толковать-советоваться с ними, доподлинно знать их настроения, нужды. По его глубокому убеждению, высокая действенность партийно-политической работы должна была достигаться ее непрерывностью и стало быть каждому из «комиссарского боевого отряда» надлежало находиться там, где решается успех дела верой, правдой, делом, воодушевлять людей на достижение поставленной цели. А под «комиссарским боевым отрядом» им подразумевались все политработники — начиная от заместителей по политчасти командиров рот, батарей, батальонов, дивизионов, полков и кончая им самим — заместителем командира дивизии. «Если командир по праву считается головой воинского коллектива, — не раз напоминал Пантюхов, — то политработнику надлежит быть душой этого коллектива. Так, и только так!». Думается, Андрей Спиридонович мог себе признать, что эти его взгляды разделяли не только на словах, а главное в делах многие политработники, и прежде всего заместители командиров по политчасти полков: 1164-го — майор Н. А. Рыбкин, 1166-го — майор Г. Ф. Лубягов, 1168-го — майор К. Г. Маслов, 915-го артиллерийского — майор Я. П. Евтушенко. Всех их знали как людей незаурядных способностей. Воспитанию подчиненных они отдавали все свои способности, отцовский и жизненный опыт.

В самой гуще бойцов находились все они, замполиты, и теперь, когда части дивизии, совершив 50-километровый марш, сосредотачивались в районе сел Огульчанск, Скубрия, Давыдово-Никольское Краснодонского района на Ворошиловградщине.

Уже на следующий день — 13 февраля — командиром 14-го стрелкового корпуса генералом Ф. Е. Швердиным (его штаб находился в Давыдово-Никольском) была поставлена боевая задача перед частями 346-й стрелковой дивизии: к утру 14 февраля выйти на рубеж населен-

ных пунктов Пятигоровка, имени Карла Либкнехта, Успенского (ныне Лутугинского) района и оттуда перейти в наступление в направлении Шелковый Проток, Чернов. Установить связи: с соседом справа — 61-й гвардейской стрелковой дивизией и соседом слева — 50-й стрелковой дивизией (обе входили в состав 14-го стрелкового корпуса).

Меньше суток оставалось у воинов нашей дивизии на выдвижение в указанные районы, подготовку к боям. Именно в то время произошло весьма необычное событие. Начальник тыла дивизии майор Б. Р. Посинковский, человек расторопный, вездесущий, побывал со своей полуторкой на корпусном складе и привез в качестве вещевого довольствия кипы погон, которые только начали вводить тогда в Красной Армии. И вот теперь все наши военные люди, что называется, переоблачались: старший и средний командный состав снимал с гимнастеров и шинелей петлицы со «шпалами» и «кубарями», старшины и сержанты — с «треугольниками». Понятно, что в новом «облачении» все чувствовали себя непривычно. Однако пройдет время и погоны станут для них таким же обычным понятием, как и слово «солдат», пришедшее на смену слову «красноармеец» или же слово «офицер» — вместо прежнего «командир».

Перед началом наступательных боев во всех частях и подразделениях дивизии прошли митинги, собрания личного состава. Солдаты и офицеры с гордостью говорили о своем участии в великой битве на берегах Волги и Дона, именovali себя сталинградцами, сознавая, что это ко многому их обязывает. «Будем беспощадно, по-сталинградски бить врага и на земле Украины!» — торжественно заявляли они.

Между тем начальник разведки дивизии капитан Алексей Жеребятьев уже трудился в поте лица своего. Вместе с группами дивизионных и полковых разведчиков он уточнял начертание переднего края, инструктировал-наставлял тех, кто должен был в ближайшее время отправиться на боевые задания. В нашу дивизию воспитанник Владивостокского военного училища комсомолец лейтенант Жеребятьев прибыл в первые дни ее формирования. В должности командира стрелковой роты и стрелкового батальона всевал под Москвой. В июле 1942 года стал начальником разведки, сменив на этом посту майора М. И. Беловодова, назначенного командиром 1168-го стрелкового полка. «В разведке слабым духом и телом не прописывают» — таким стало его кредо. Сам он, обладая твердым характером, неустрашимостью, да и природой будучи не обделенным, нашел в разведке свое призвание.

Вместе с соседними соединениями в наступление наши дивизия перешла 15 февраля 1943 года. День был морозный, заснеженный. Все три стрелковые полки — «четверка», «шестерка» и «восьмерка»¹⁾ —

¹⁾ В разговорах у нас в дивизии было принято называть стрелковые полки: 1164-й — «четверткой», 1166-й — «шестеркой», 1168-й — «восьмеркой».

встретили упорное сопротивление противника и продвигались медленно. Из всех сил цеплялись гитлеровцы за выгодные для них рубежи, за каждый населенный пункт, а то и бросались в контратаки. Особенно жаркий бой разгорелся на рубеже между селами Шелковый Проток, Чернск, Волнухино, где 1164-й стрелковый полк был контратакован пятнадцатью немецкими танками и бронемашинами с десантом автоматчиков. Весь удар врагов, навалившихся с фланга, принял на себя батальон старшего лейтенанта А. Кушнера и прежде всего пехотинцы стрелковой роты старшего лейтенанта В. Петрова. Держались они стойко. Вдохновляемые бесстрашием и мужеством своего командира, разили вражеские бронированные машины из противотанковых ружей, поджигали их связками гранат. В жестоким бою, продолжавшемся около часа, смертью храбрых пал командир роты старший лейтенант Виктор Григорьевич Петров. Ему не посчастливилось дойти до своего родного города Красный Луч — оставалось всего несколько десятков километров.

Нельзя не сказать и о другом советском человеке — вовсе не военном, — но тоже отдавшем за несколько часов до нашего наступления свою жизнь в борьбе с врагом. Произошло это на окраине Шелкового Протока, куда сквозь немецкие позиции просочились наши разведчики. Соблюдая все меры предосторожности, они постучали в окно крайней хаты, что у самой балки. Им открыл пожилой человек, как вскоре оказалось, инвалид отроду Дмитрий Лаврентьевич Баровиченко. Жил он вместе с шестнадцатилетним сыном Володей. Едва разведчики начали спрашивать о том, где и сколько немецких оккупантов находятся в селе, как послышался гул танков. «Если они идут со стороны Ореховки, — заявил Баровиченко, — то значит немец подтягивает резервы, а если из Волнухино — то, стало быть, отступает». Но оттуда, из балки, нельзя было ничего увидеть. Требовалось пробраться ближе к центру села. Для наших разведчиков это исключалось — ведь везде сновали немцы, везде слышался их говор. «Я сам пойду!» — решительно сказал Дмитрий Лаврентьевич. Тут же договорились об условных сигналах, которые ему надлежало подать еще издали. Ушел он, прихрамывая. А разведчики вели наблюдение из чердака дома. Через некоторое время увидели Дмитрия Лаврентьевича, который возвращался назад. Но путь неожиданно преградила выехавшая из-за домов на дорогу бронемашина. Ему ничего не оставалось, как повернуть обратно. Бронемашина шла за ним. Дмитрий Лаврентьевич начал поднимать шапку над головой, этот сигнал означал: танки движутся из Ореховки. Из бронемшины полоснула очередь, по видимому, предупредительная. Но Дмитрий Лаврентьевич, выбиваясь из сил, продолжал поднимать шапку, покамест не был скошен очередной вражеской очередью. Ценой жизни выполнил он гражданский долг перед Родиной.

В боях, которые привели к освобождению Шелкового Протока, были уничтожены свыше десяти немецких танков и бронемашин. Как бы хотелось верить, что среди горевших стальных коробок находилась и та, из которой фашистские подонки расстреляли Дмитрия Лаврентьевича Баровиченко.

По своей инициативе, больше того, по своему настоянию местные жители стали боевыми помощниками наших разведчиков и тогда, когда развернулась подготовка к освобождению Ореховки. Юные Зина Марченко и Петр Сирченко взялись провести их туда по неизвестному оккупантам пути. Шли, проваливаясь в глубоком снегу, по извилистой балке. В полукилометре от Ореховки группа остановилась, залегла. Дальше Зина пошла одна. Она уже поровнялась с оврагом, разрезавшим гористый кряж, как лаем залился немецкий пулемет. Упав на снег, она чудом осталась жива. Нет, не удалось этой группе наших разведчиков проникнуть в Ореховку, хотя и узнала она о расположении позиций противника в том месте.

Бои за Ореховку потребовалось вести в течение трех дней — 16, 17 и 18 февраля. Вражеский гарнизон в ней, как оказалось, насчитывал около 900 человек, 50 танков и бронемашин, множество орудий, автомашин. Едва батальоны двух наших стрелковых полков — 1166-го и 1168-го, поддерживаемые орудийными расчетами 915-го артполка и отдельного противотанкового дивизиона, достигли окраин Ореховки, как тут же были контратакованы противником.

Особенно жаркий бой разгорелся на северо-восточной окраине — на участке 1166-го стрелкового полка. Там стойко отбивалась от врагов рота лейтенанта Ивана Парубенко, в недалеком прошлом колхозного механизатора из под Чернигова. Рядом с командиром сражался и его заместитель по политчасти старший лейтенант Григорий Семенов, свердловчанин. Удивительную выдержку и мужество проявил расчет противотанкового ружья во главе с харьковчанином сержантом Игорем Зайцевым: меткими выстрелами он подбил танк, шедший впереди контратакующих. Гитлеровцы опешили, залегли. Потом надумали вывезти свой подбитый танк. Но когда подошел к нему тягач, послышался голос старшего лейтенанта Семенова: «А ну-ка, пехота, бей их!». И он первым метнул в тягач одну за другой гранаты — не промахнулся! В мгновение ока вражескую машину охватило пламя, Гитлеровцы, однако, не унимались, они снова хлынули на позиции роты. В рукопашной схватке с ними смертью храбрых пали офицеры коммунисты Иван Парубенко, Григорий Семенов.

Утром 17 февраля гитлеровцы навалились и на подразделения 1168-го стрелкового полка. Командир отдельного, истребительно-противотанкового дивизиона капитан Шамаев без промедления направил туда на помощь пехотинцам орудийный расчет сержанта Виталия Винокурова. Надо сказать, что незадолго перед этим Винокуров вместе со своими бойцами участвовал в освобождении небольшого шахтерского поселка

под Ореховкой. После ухода оккупантов в поселке остались лишь одни развалины. Шахта была взорвана, школа сожжена, вырублены все до единого деревья. У наполовину разрушенной крайней хаты лежала исклотаая штыками мертвая девочка лет восьми. Среди советских бойцов, молчаливо останавливавшихся возле несчастной, был и Винокуров. Сняв каску, он склонил голову в скорбном молчании. Он не смог сдержаться, глухим голосом поклялся: «Не будет пощады от меня фашистским убийцам, их настигнет священная кара».

В бой с немецкими танками на окраине Ореховки — на позициях 1168-го стрелкового полка — расчет сержанта Винокурова вступил с марша. Шесть неуклюжих, тяжелых машин, переваливаясь с боку на бок, лязгая гусеницами, приближались клином. «По головному! — произвел Виталий и, как обычно, слегка толкнул в плечо наводчика ефрейтора Степана Кульгускина, к которому прежде всего относилась эта команда. Прогрело несколько выстрелов. Головной танк закрутился на месте. А тот, что шел рядом с ним, резко отвернул вправо, пытаясь уйти из-под обстрела. Но не тут-то было. Кульгускин цепко держал его на прицеле, и очередной подкалиберный снаряд сделал свое дело: машина будто споткнулась, а затем загорелась. Между тем один из немецких танков, непрерывно стреляя и натужно гудя, шел прямо на огневую позицию артиллеристов. Винокуров сам занял место у прицела, так как наводчик к этому времени был ранен. Первый же посланный Виталием снаряд угодил в лобовую броню танка. Черная коробка машины содрогнулась, но не остановилась. Однако второй и третий снаряды остановили стальную машину, превратили ее в дымный костер. Остальные три танка, а также бежавшие за ними гитлеровцы повернули назад, поспешно скрылись на сельской улице за холмом.

Фронтовой подвиг сержанта коммуниста В. К. Винокурова был отмечен орденом Отечественной войны 2-й степени.

Только в первой половине 18 февраля частям нашей дивизии в боевом взаимодействии с соседом слева — 50-й стрелковой дивизией и справа — 61-й гвардейской дивизией удалось сломить сопротивление противника и овладеть Ореховкой.

Пройдут десятилетия. По приглашению руководителей местных советских и партийных органов в здешних селах и на шахтах побывают сотни убежденных сединой ветеранов 346-й стрелковой дивизии. Все они смогут убедиться в том, что донбассовцы свято берегут память с фронтовиков, отдавших жизни в боях за освобождение их края. Одна из улиц в Шелковом Протске названа именем отважного командира стрелковой роты старшего лейтенанта Виктора Григорьевича Петрова. В ознаменование его подвига учреждена также именная ежегодная премия в коллективе шахты «Ленинка» производственного объединения «Луганскуголь». Там же каждый год проводятся ударные трудовые вахты памяти в честь погибших офицеров Ивана Парубенко, Григория Семенова и других фрон-

товиков. Ветераны дивизии встретятся на этой шахте с заслуженным производственным Владимиром Дмитриевичем Баровиченко — сыном незабвенного Дмитрия Лаврентьевича, расстрелянным из бронемашины оккупантами. И если наши разведчики видели Володю когда-то шестнадцатилетним пареньком, то теперь он предстанет возмужалым, шестидесятилетним. Радужно будут принимать долгожданных гостей красные следопыты Ореховской средней школы; к тому времени они соберут многочисленные газетные материалы, письма, воспоминания, фотоснимки, повествующие о подвигах воинов-освободителей, их послевоенных судьбах.

Во второй половине дня, 18 февраля 1943 года, сразу же после освобождения Ореховки части нашей дивизии без малейшей передышки устремились дальше — к лежащему на пути их наступления большому украинскому селу Червоная Поляна. Оставив позади земли Успенского (ныне Лутугинского) района, они вскоре вступили на территорию Бокowo, Антрацитовского (ныне Антрацитовского) района.

Командир дивизии полковник Станкевский считал необходимым лично поставить задачу командиру 414-й отдельной разведывательной роты старшему лейтенанту Гагажкову и его заместителю по политчасти капитану Щеголькову. Необходимо было в ближайшее время захватить в Червоной Поляне контрольного пленного, то есть военнослужащего противника, который мог бы подтвердить уже имевшиеся данные. Беспокойство комдива можно было понять. На войне, как справедливо утверждалось, без разведки — ни шагу! А в сложившихся обстоятельствах это требовалось и поспешно. Враг располагал на тех рубежах значительными силами. Между тем все стрелковые полки дивизии полностью исчерпали возможности для наступательных боев. В одном из них — 1164-м, который к исходу 18 февраля подошел к северной окраине Червоной Поляны, было всего 19 активных штыков, 3 станковых пулемета, один 120-мм миномет и одно 76-мм орудие. Поистине, надо было действовать не числом, а умением.

За «языком» в тот же вечер отправилась группа разведчиков — шесть человек, — возглавляемая младшим сержантом Михаилом Федоровым. Разыгралась пурга, что, разумеется, явилось на руку разведчикам. Однако поиск, как и всегда, был трудным, опасным. Все шестеро смертельно устали, перемерзли и перенервничали. Зато привели даже не одного, а двух гитлеровцев, которых потребовалось поднять из постелей в крайних сельских домах. Оба на допросе представились солдатами штабной роты 570-го немецкого пехотного полка. Почти весь его личный состав, около 800 человек, по их заверениям, находился в спорных пунктах и постройках на восточной окраине села.

С учетом всех данных командир дивизии принял решение нанести основной удар с севера. Те же из наших подразделений, которые уже находились восточнее и юго-восточнее села должны были встать на пути отхода противника.

В течение ночи обескровленные подразделения 1164-го стрелкового полка удалось в какой-то мере пополнить за счет резерва. А на рассвете его солдаты, повинувшись приказу, и, расчищая себе путь на северной окраине села гранатами, огнем из всех видов стрелкового оружия, ворвались на позиции противника, завязали ближний бой. Гитлеровцы были отброшены к центру села. Но там оказали упорное сопротивление, к тому же они получили подкрепление из восточной окраины Червоной Поляны. Бой принял ожесточенный и затяжной характер. Сельские улицы, дома по несколько раз переходили из рук в руки. Противнику, предпринявшему сильную контратаку, даже удалось оттеснить воинов 1164-го стрелкового полка снова на северную окраину села. На этот раз командир дивизии срочно направил в полк последний свой резерв: группу автоматчиков в количестве 30 человек. Положение там было восстановлено. Свинцовые очереди наших автоматчиков скосили не один десяток врагов.

Героями ожесточенных схваток в Червоной Поляне стали многие бойцы и командиры. Свыше двадцати оккупантов расстрелял из своего пулемета комсомолец Геннадий Соколов, занявший выгодную позицию у перекрестка улиц. Стойко отбивал атаки противника вместе со своими минометчиками командир батареи коммунист старший лейтенант Алексей Ахматов. В критические минуты, когда из строя выбыл весь расчет одного из минометов, Ахматов сам заменил погибших товарищей и продолжал вести огонь по гитлеровцам. Для своих пехотинцев образцом стойкости, бесстрашия был командир 1-го батальона 1164-го стрелкового полка старший лейтенант А. Кушнир.

Помогали нашим воинам громить фашистов в Червоной Поляне и местные жители. Отважным юным мстителем проявил себя четырнадцатилетний парнишка Боря Ляхов. Ночью, когда квартировавшие в их хате немецкие вояки легли спать, Боря вынес во двор оружие — около десяти автоматов и винтовок — и спрятал его в снежных сугробах. Утром он передал добытые трофеи нашим воинам. В дальнейшем, когда разгорелись уличные бои, Боря помог бойцам наступающих подразделений уничтожить засевшего на чердаке сарая фашистского пулеметчика.

Вместе с другими, отличившимися в боях воинами дивизии, был награжден и пионер Боря Ляхов. Ему вручили орден Красной Звезды.

К четырем часам утра 20 февраля 1943 года воины нашей дивизии покосичили в Червоной Поляне с последними разрозненными группами противника. Пути отхода для них оказались перекрытыми со всех сторон села¹⁾.

О передышке наши пехотинцы, артиллеристы, саперы, связисты могли только мечтать, а тока суд да дело боевой приказ обязывал их продолжать наступление. 21 февраля 1166-й стрелковый полк майора Л. П. Чистякова овладел станцией Колпаково, а 1168-й во главе с заместителем командира полка майором З. М. Басыровым, сбив боевое

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 94, л. 73.

охранение приставника, приближался к усадьбе совхоза Краснолучский. На следующий день, 22 февраля, в канун 25-й годовщины Красной Армии, на ряде участков дивизии фашисты предприняли контратаки. При этом они впервые применили новый вид оружия — немецкий шестиствольный миномет. В дальнейшем ему суждено было получить у советских воинов весьма приличествующие прозвища: «скрипач», «глас ишака». Но артиллеристы нашего 915-го артполка уже в тот же день не упустили возможности высказать свое отношение к этой новинке. Воспользовавшись сведениями разведчиков, пехотинцев, а также данными своих передовых наблюдательных постов, они обрушили сосредоточенный огонь дивизиона на предполагаемые позиции немецких шестиствольных минометов.

Было 23 февраля 1943 года. В праздничных приказах, поздравлениях бойцам и командирам Красной Армии содержался один и тот же наказ: еще крепче бить немецко-фашистских оккупантов.

В то утро, пожалуй, лишь один человек в дивизии — водитель-радист штабной «радийной» автомашины сержант Петр Коломийцев имел возможность настроить приемник на Москву, послушать последние известия. Передавали постановление Совета Министров СССР о присвоении командному составу генеральских званий. Среди других была названа и фамилия комдива 346-й — Дмитрия Ивановича Станкевского. Что ж, Колосийцев не заставил себя ждать — поспешил поделиться радостной новостью с другими. А дальше уже сработал — и очень оперативно — «солдатский телефон»: новость передавали из подразделения в подразделение.

«...Сдать свой участок обороны 61-й гвардейской стрелковой дивизии и к исходу 1 марта 1943 года сосредоточиться в районах. Сменить там части 18-го стрелкового корпуса...» — этот боевой приказ в 346-й получили на исходе февраля. И тогда же ее части и подразделения (без 1166-го стрелкового полка), совершив 40—50 километровые марши, заняли позиции на рубеже: с. Белое, балка Камышевка западнее шахты им. Ворошилова (ныне пос. Врубовский), Иллирия, Штеровка. Находившийся в резерве командира 14-го стрелкового корпуса 1166-й стрелковый полк выдвинулся на рубеж с. Водяное¹⁾.

На всех тех участках, находившихся у реки Миус, воины дивизии перешли к позиционной обороне. За плечами у них остались почти три с половиной месяца непрерывных боевых действий, многотрудный фронтовой путь от Волги и Дона до реки Миус.

3. ДОНБАСС, ГОД 1943-й.

Это была первая продолжительная передышка, полученная воинами дивизии с ноября 1942 года.

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, о. 1, д. 94, л. 91.

Длинной чередой потянутся для них мартовские, апрельские, майские и июньские дни, недели фронтового затишья — полные забот, воинского труда; с происходившими каждодневно событиями, по своему характеру маловажными или же значительными, радовавшими людей или же наоборот — печалившими.

Одно из них, — вовсе необычное, даже одиозное, стоившееся в умах и сердцах воинов дивизии и горечью и болью, и гневом, — случилось уже в конце марта. Может быть, нам в своем повествовании следовало бы умолчать о нем? Полагаем, что ответ на этот вопрос содержится в опубликованной советской прессой послевоенной беседе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова с писателем Константином Симоновым. «На войне, — заметил Георгий Константинович, — были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости. Обо всем этом следует говорить и писать, я бы сказал, что в этом есть даже педагогическая сторона: современные читатели, в том числе молодежь, не должны думать, что все зависит только от начальства. Нет, победа зависит от всех, от каждого человека, от его личной стойкости в бою. Потому что мы знаем, как в одинаковых условиях одни люди вели себя стойко, а другие нет. И этого нельзя замалчивать»¹⁾.

Такое случилось и у нас — в 1166-м стрелковом полку. Человек, о котором пойдет речь, сам лишил себя права на то, чтобы назвать его по фамилии. Родом он был из только-что освобожденной Червоной Польши. Из нее же был ранее призван и служил в этом же полку минометчиком Анатолий Коробкин. То, что произошло, для каждого из них, двоих, являлось совершенно противоположным, но одинаково потрясло своим трагизмом.

Приведем выдержку из предоставленных нам рукописных воспоминаний А. Н. Коробкина.

«...Вызвал меня командир взвода — пишет он, — и говорит: возьми человека два, и выкопайте вон там, за бугром, окоп, мол, будем проводить тактическое занятие. Вместе с Дударевым И. И. и Таракановым П. В. мы выкопали окоп (земля была мерзлой, каменистой). Доложили лейтенанту: задание выполнено. Через некоторое время послышалась команда на построение полка. А когда построились побатальонно, то нас повели к окопу. Там все подразделения, а также представители от других полков дивизии разместились буквой «П». Стоим. Ждем. Видим: два солдата с винтовками наперевес ведут третьего — в белом полушубке, рука подвязана бинтом за шею. Подзели ближе — и я узнал его. Еле сдержался, чтобы не вскрикнуть, назвать его по имени, как это бывало когда-то. До войны он работал в нашем колхозе, возил на лошадаках из МТС горючее для тракторов, жил на нашей же улице. «Что же ты, земляк, натворил такое?» — с той минуты начал мучить меня вопрос. Здесь

¹⁾ «Ветеран», 1989 г., № 3, стр. 9.

я нарушу хронологию своей записи с тем, чтобы сообщить: когда побывал у себя в Червонной Поляне, то о его преступлении мне стало известно достоверно. Его тетя рассказала моей маме, что он пришел домой с передовой весь сияющий, хотя рука висела на бинте. Посмеиваясь, сказал: пусть, мол, воюют другие, а с него хватит. И ушел искать медсанбат. Но увы, там произвели экспертизу и установили: рачение получено вовсе не в бою, а — самострел. Его судил военный трибунал, он признался в своем преступлении.

Какая горькая участь выпала мне: копать для него могилу, видеть, как его привели к ней, поставили спиной к нам. Полагаю, у него не хватило бы наглости после всего случившегося посмотреть нам в глаза. В морозном воздухе далеко разнеслись слова приговора: «За измену Родине... к высшей мере...». Прозвучали несколько винтовочных выстрелов. Кто-то молвил: туда им дорога, трусам и шкурникам». ...До сих пор — вот уже много-много лет — слышатся мне те винтовочные выстрелы, а с ними и те суровые слова, сказанные вовсе не патетически, а скорее всего буднично, как само собой разумеющиеся».

Да, в круговерти войны случилось всякое, в том числе и такое, что потрясало свсим трагизмом, заставляло людей глубоко задумываться, требовательно обращаться самим к себе с вопросами: а как ты?

Между тем четко, властно — по-военному — сменялись один за другим дни так называемого фронтового затишья; и каждый из них был по своему трудным, напряженным, до отказа заполненным трудом, учебой. Надо было накапливать не только снаряды, патроны, но и душевные силы для предстоящих боев. А они, судя по всему, обещали быть в этих местах, как еще нигде, очень упорными, ожесточенными. Укрепленный рубеж обороны фашистов, хвастливо нареченный ими «Миус-фронт», представлял довольно серьезное препятствие. Он состоял из трех оборонительных полос, имел развитую сеть траншей, ходов сообщения, великое множество дзотов, бронеколпаков, блиндажей, минных полей, проволочных заграждений. Стремясь удержаться в Донбассе — своем «Восточном Руре», — немецко-фашистское командование длительное время готовило этот мощный оборонительный рубеж, перед которым теперь находились войска нашего Южного фронта.

Надо сказать, что 51-я армия генерала Г. Ф. Захарова, входившая в состав Южного фронта, по общему плану перегруппировки в ту пору перешла на правое крыло этого фронта и расположилась в полосе 65-ти километров: от Лопаскино до Верхнего Ногольчика. Отныне в состав 51-й армии вошла и наша 346-я стрелковая дивизия, и, забегая вперед, отметим: вошла надолго — до конца войны.

У командира дивизии генерал-майора Дмитрия Ивановича Станкевского, как всегда, время было расписано буквально по минутам. Множество забот взвалилось на его плечи, среди них и решение кадровых вопросов, штатное укомплектование частей, подразделений, обескровлен-

ных в предыдущих боях. Произошли значительные перемещения командного состава. Командир 1168-го Краснознаменного стрелкового полка подполковник М. И. Беловодов вступил в должность начальника штаба дивизии. Занимавший этот пост полковник А. Ф. Некрасов стал заместителем командира дивизии. Некоторое время 1168-й полк возглавлял заместитель командира майор З. М. Басыров, а затем его принял подполковник И. П. Павлюченков. И в тоже время произошла смена на посту начальника разведки дивизии: капитан А. П. Жеребятьев был назначен с повышением, убыл в разведотдел 51-й армии, на его место получил назначение майор Джабраил Кортюев.

В дивизию влилось свыше двух тысяч человек пополнения. Если не считать тех, кто возвращался в строй после излечения в госпиталях, то в своем большинстве это были гражданские люди — молодые и пожилые — из освобожденных районов Ворошиловградской.

Прибыла в дивизию на пополнение и группа 17—18-летних девушек, добровольно надевших солдатскую форму. И здесь, несомненно, требуется сказать о следующем.

На войне неизмеримо трудно, опасно приходилось и мужчинам, а что же могло ждать их — нежных, хрупких девчонок? Всем известно: не было, нет и не будет более полярных сил, чем женщина — как начало жизни, и война — как разрушение всего живого. И не случайно приходилось, да и сейчас приходится слышать: разве стоило разрешать этим девчонкам находиться там, где гремели орудия, и особенно в стрелковых дивизиях, в пехоте — в самом пекле войны? Если читатель хотя бы мысленно поставит себя на место матери, отца, брата каждой из этих девчонок, то, думается, он согласится: вопросы эти задавались и задаются резонно. Но есть на них и резонный ответ. С давних пор в России женщины добровольно вступали в ряды защитников Родины. Отличились они в войне 1812 года, при обороне Севастополя в 1854—1855 годах. Были женщины-комиссары, женщины-бойцы во времена гражданской войны, А Великая Отечественная призвала под ружье само начало жизни во имя спасения жизни как таковой, ибо шла не просто война, а война народная, священная.

Жестокое время, святая ненависть к фашистским оккупантам, страстное желание мстить иродам за их кровавые злодеяния — все это и привело в нашу дивизию многих юных девушек-комсомолок, и среди них: Веру Компаниец, Любу Переверзеву, Надю Власенко, Катю Павленко, Александру Зубаренко, Марию Бровкину, Катю Белецкую, Татьяну Белинскую, Нину Гончарову, Александру Матюшову, Веру Кузьмину, Галину Колчанову, Любу Одарченко, Ефросинию Чернышову, Зинаиду Рыбакову, Клавдию Яковлеву, Антонину Бублий... Каждый из них, получившей назначение в тот или другой полк, в то или другое подразделение, предстояло взвалить на девчоночьи плечи тяжелую солдатскую ношу, стать то ли телефонисткой, то ли радисткой или санитаркой, а возможно и хозяйшкой-поварихой на фронтовой походной кухне.

Перед командирами, политработниками, штабами дивизии встала задача: в самый короткий срок обучить прибывших людей азам военного дела, обращению с оружием, мобилизовать их силы и волю на ратные свершения. И особенно важно было помочь новичкам в обретении навыков борьбы с вражескими танками. С этой целью в тылу дивизии был срочно оборудован учебно-тренировочный батальонный район обороны. Занятия и тренировки там проводились круглосуточно — и днем, и ночью — по единой программе боевой подготовки, разработанной управлением и штабом дивизии с участием штабов полков, отдельных частей. Одно за другим выводились туда подразделения — в зависимости от обстановки на фронте.

Людей обучали воевать не на словах, а на деле, в том числе самым настоящим образом «обкатывали» их танками в окопах и траншеях.

Верится, многим новичкам запомнилось итоговое учение, которое провел там с орудийными расчетами командующий артиллерией полковник Н. А. Почиталов. Обстановка была максимально приближена к боевой. Стрельба из орудий и противотанковых ружей велась боевыми снарядами и патронами. Мишенями служили настоящие немецкие танки (разбитая трофейная техника), которые приводились в движение на канатах.

Наши саперы готовились под командованием майора И. В. Шаригина к действиям в составе штурмовых групп и к проделыванию проходов в заграждениях противника.

Командный состав изучал поступивший в дивизию Боевой устав пехоты, который по-новому определял важнейшие положения построения боевых порядков в наступлении, организацию управления и взаимодействия между родами войск. Вдумчиво обобщался опыт боевых действий полков, батальонов, дивизионов, накопленный в ходе зимнего наступления от Волги к Миус-реке.

Как и в ходе наступления, так и теперь, в период фронтового затишья, в дивизии изо дня в день непрерывно велась партийно-политическая работа. «Ты будешь снова свободным, родной донецкий край!» — как клятва звучали эти слова в устах командиров, политработников, коммунистов, наших неутомимых ротных и взводных агитаторов; они беседовали с людьми повсюду — на оборонительных рубежах и наблюдательных пунктах, в землянках, на огневых позициях, в подразделениях тыла. Шла речь о том, какая важная роль принадлежит Донбассу — «Всесоюзной кочегарке» с его промышленными предприятиями в снабжении страны углем, укреплении ее оборонного и экономического потенциала.

А как важно было повседневно знакомить личный состав с событиями на фронтах, в тылу, за рубежом! Проводились читки газет, писем, сообщений Советского Информбюро.

Один из тех дней стал примечательным и таким эпизодом. На огневую позицию 3-й батареи 915-го артиллерийского полка в сопровождении секретаря полковой комсомольской организации лейтенанта

И. Д. Мостового пришла группа кинооператоров. Они объяснили, что производятся съемки документального кинофильма «Освобождение Донбасса»; им предстоит теперь запечатлеть советских артиллеристов, ведущих огонь по врагу. По приказу командира батареи капитана К. Г. Малахова к стрельбе по одной из пристрелянных цепей в стане противника изготовились все четыре расчета 122-мм гаубиц. И вскоре послышалась команда старшего офицера на батарее лейтенанта И. А. Дяченко: «По немецко-фашистским захватчикам-оккупантам—огонь!». В дальнейшем войнам дивизии была предоставлена возможность увидеть этот фильм; артиллеристы не удержались от аплодисментов, когда узнали лица своих боевых товарищей.

Многое предстояло сделать политотделу дивизии и всем политработникам частей в связи с принятым 24 мая 1943 года постановлением ЦК ВКП(б) «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». Если до этого первичные партийные организации имелись только в полках, то стныне они создавались в батальонах, дивизионах и равных им подразделениях, а значит, еще больше укреплялась их связь с воинами. Вводился институт назначаемых парторгов полков, батальонов, дивизионов, рот, батарей. Аналогичные перемены осуществлялись также в комсомольских организациях.

Газеты на фронте стали близкими друзьями советских воинов. В окопах, блиндажах, на огневых позициях с глубоким интересом читали и «Правду», и «Красную звезду», и армейскую — «Сын Отечества», и дивизионную «Сталинец». У многих в нагрудных карманах хранились газетные вырезки о подвигах товарищей или собственных, нередко эти вырезки высылались родным. Прав был писатель П. Павленко, назвавший печать «обязательным пайком духовной пищи защитника Родины».

Командование, политотдел дивизии уделяли неослабное внимание редакции «дивизионки». Там трудился небольшой, дружный коллектив журналистов во главе с редактором майором М. И. Козобродовым. Во всех полках, отдельных частях была создана сеть нештатных военных корреспондентов, которые повседневно держали связь с редакцией. Все это позволяло освещать события, как говорится, по свежим следам, оперативно рассказывать об отличившихся в боях рядовых бойцах и офицерах, о всем, что оказывало положительное воздействие в деле партийно-политического воспитания воинов.

Среди штатных сотрудников редакции особенно выделились капитаны Алексей Петрович Роготченко и Умар Абдулсвич Ляпин, которые опубликовали немало ярких корреспонденций о героизме воинов дивизии в боях под Москвой, у Волги и на Дону в донецком крае. В дальнейшем в редакции «дивизионки» плодотворно работали офицеры Александр Павлович Дубинин, Андрей Дмитриевич Высотин, Михаил Товьевич Фридель, Григорий Павлович Заболотный, Натан Яковлевич Добрусин, ефрейтор Модест Александрович Подзолкин.

Надо сказать, что понятие «фронтовое затишье» вовсе не должно было относиться к дивизионным и полковым разведчикам. Командир дивизии генерал Станкевский потребовал от всех командиров ежечасно и ежесуточно заниматься разведкой, глубоко изучать противника, вести непрерывное наблюдение и организовывать захват контрольных пленных.

Увы, произошли серьезные срывы. Трижды разведгруппы, посланные из дивизионной разведывательной роты за «языком», возвращались с пустыми руками. Такого еще не бывало! Это встревожило в управлении дивизии многих. Архивные материалы свидетельствуют: высокому принципиальности в связи с этим проявил начальник политотдела полковник А. С. Пантюхов. Вот строки из политдонесения, направленного им в высшие инстанции: «...Хуже поставлена партийно-политическая работа в дивизионной разведке. В течение долгого времени разведрота не выполнила приказ командования о захвате «языка». Проверкой установлено, что некоторые младшие командиры, возглавлявшие разведгруппы, недобросовестно отнеслись к этому ответственному делу и больше того — прибегли к очковтирательству. Выразилось это в том, что разведгруппы не доходили до позиций противника и возвращались обратно, при этом докладывали, что не удалось захватить «языка» так как очень сильным был вражеский огонь. Потребовалось поэтому прибегнуть к крайним, но вынужденным мерам: из разведроты изъяты как трусы четыре младших командира и восемь бойцов. Обращаем особое внимание на воспитание у наших разведчиков смелости, решительности, правдивости¹⁾».

Успешно, без потерь провела поиск в расположении позиций противника группа разведчиков 1164-го стрелкового полка в составе сержанта Владимира Лобова, рядовых Демьяна Андреева, Василия Закотного, Николая Корнеевского. Им потребовалось вступить в рукопашную схватку с гитлеровцами, находившимися в окопе. Все были уничтожены, за исключением одного — того, которого с кляпом во рту привели в свой полк.

«На собственном опыте я мог убедиться, — напишет в дальнейшем в своих воспоминаниях В. В. Лобов, ставший офицером, — что захват «языка» для разведчиков — это своего рода искусство. Да, искусство, потому что в каждом очередном поиске предстояло действовать, исходя из конкретных условий сложившейся обстановки. Каких-то постоянных установок в этом деле не было, да и не могло быть. В конечном счете, успех каждого боевого задания обеспечивался отвагой, мужеством, железной выдержкой советских разведчиков и, если хотите, их смекалкой, находчивостью, беззаветной верностью воинскому долгу».

По решению командира дивизии была проведена также разведка боем. Этот способ получения данных о противнике, как известно, заключался в открытом, внезапном наступлении разведывательных отрядов или специально выделенных усиленных рот или батальонов. Объектом

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 94, л. 312.

атаки были избраны позиции гитлеровцев у безымянной высоты — там держали обстрону подразделения 1166-го стрелкового полка майора А. П. Чистякова. Ему по праву и выпало руководить разведкой боем.

Готовились серьезно, тщательно. Были созданы пять групп: захвата, обеспечения, отвлекающая, инженерно-химическая и огневой поддержки. И вот наступила июньская полночь, когда майор Чистяков скомандовал: «К бою!». Группа захвата сосредоточилась на исходном рубеже. Заняли свои позиции также обеспечивающая и отвлекающая группы. К проводочному заграждению противника — рубежу атаки — бойцы выдвинулись бесшумно. И только теперь, получив сигнал из группы огневой поддержки, орудийные расчеты открыли огонь по пристрелянным целям в расположении противника. Через несколько минут послышалась команда: «В атаку!». Артиллеристы перенесли огонь в глубину немецких позиций, и группа захвата, возглавляемая старшим сержантом коммунистом Георгием Свиридовым, устремилась к окопам, захватила в плен двух гитлеровцев и повернула назад. Опомнившись, фашисты бросились вдогонку за разведчиками. Но химики и саперы уже поставили дымовую завесу, под прикрытием которой начался отход групп. Последней вернулась «отвлекающая» семерка; она также успешно справилась со своей задачей — блокировав дот на склоне безымянной высоты, забросала гранатами находившихся там гитлеровцев.

Генерал Станковский поздравил всех участников разведки боем с успешным выполнением боевого задания и объявил им благодарность.

Показания захваченных в плен гитлеровцев свидетельствовали, что перед фронтом дивизии по-прежнему находились части 302-й пехотной дивизии вермахта. Один из этих двух фашистских вояк, как ничуть не бывало, принялся высокопарно рассуждать о «Миус-фронте» как о неприступном немецком вале; мол, фюрер располагает в этих местах очень большим количеством войск, и русские тут никогда не смогут пройти, а лишь найдут свою гибель.

Что же в штабе дивизии уже было известно: в Донбассе находятся 4-я танковая и заново созданная 6-я армии немецких генералов Э. Маккензена и К. Холлидта. Обе входили в состав группы армий «Юг», обе получили приказ любой ценой удерживать занимаемые рубежи. Отсюда, думается, и исходили спесивые заявления пленного фашиста.

В середине июня 1943 года в нашей дивизии побывали представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко и начальник штаба Южного Фронта генерал С. С. Бирюзов. Они особенно досконально интересовались ходом инженерных работ, беседовали на боевых позициях с офицерами, солдатами. «Люди потрудились на совесть. Молодцы!» — заметил Маршал Тимошенко.

На смену июню пришел июль месяц. Грянула Курская битва — одно из крупнейших сражений второй мировой войны. Следует сказать, что туда, к Курску, в середине июня убыл из нашей дивизии приданный ей с весны специальный батальон. В его составе находились огнеметные

отделения, а также подготовленные к подрыву вражеских танков собаки.

Страницы документов повествуют: чтобы облегчить положение наших войск на Курской дуге, не допустить переброски туда вражеских подкреплений из других фронтов Ставка Советского Верховного Главнокомандования приказала начать активные боевые действия в ряде мест. Исходя из этого, 16 июля 1943 года перешли в наступление Юго-Западный фронт на реке Северский Донец и Южный — на реке Миус.

Из штаба 51-й армии Южного фронта в нашу 346-ю стрелковую дивизию поступил приказ: сдать полосу обороны 50-й гвардейской стрелковой дивизии, а самой сосредоточиться южнее — в районе села Волнухино и тамошнего совхоза, что в Успенском¹⁾ районе Ворошиловградской области.

Все части, за исключением 915-го арtpолка, вскоре прибыли туда. Стало известно, что дивизия вошла в состав 54-го стрелкового корпуса, во главе которого находился генерал Т. К. Коломиец, участник героической обороны Одессы и Севастополя. Корпусу предстояло прорвать оборону противника в районе села Малониколаевка и развивать наступление в направлении на Юлино-Второе, Александровку. Тот час же командир корпуса поставил боевую задачу и перед 346-й стрелковой дивизией: продвигаться во втором эшелоне за наступающими и быть готовой развить успех первого эшелона, а именно 302-й стрелковой дивизии.

Дивизионы же 915-го артиллерийского полка, совершив ночной марш, уже заняли огневые позиции северо-восточнее Малониколаевки. Им предстояло вести артиллерийскую подготовку атаки в интересах подразделений 302-й стрелковой дивизии. В ее боевых порядках разместили теперь наши пушки и свои наблюдательные пункты.

Неподалеку, на склонах холмов, саперы сбороудовали наблюдательный пункт для комдива 346-й. Генерал Станкевский появился в нем вместе с некоторыми офицерами управления и штаба дивизии еще до рассвета, — ведь настало 18 июля 1943 года: день перехода в наступление.

Рассвело, и взорам открылась широкая балка, изрезанная траншеями, окопами. Хатенки Малониколаевки выстроились за речушкой, что рассекала балку на неровные половины. Не прибегая даже к помощи стереотрубы или бинокля, можно было разглядеть на позициях противника множество огневых позиций, укреплений. Что и говорить, крепко засели фашисты у Малониколаевки.

Заговорили наши орудия, минометы, «Катюши», и все, кто находился на наблюдательных пунктах, могли убедиться, взглянув на часы, артподготовка началась в точно назначенное время: 5 часов 30 минут. И продолжаться ей следовало, согласно оперативным документам, до 7.00. Над вражескими позициями поднялись облака дыма и пыли, все больше разраставшиеся от непрерывных разрывов сотен и тысяч снарядов. Но

¹⁾ ныне Лутугинский район

вот бушующий вал разрывов переместился вперед, и тотчас в атаке поднялись стрелковые батальоны 302-й дивизии. В стереотрубах, биноклях было отчетливо видно, как пехотинцы врываются в немецкие траншеи или же перепрыгивали через них, устремлялись в глубь вражеской обороны.

Передний край противника удалось прорвать. Но на восточной окраине Малониколаевки и севернее ее завязались упорные бои. Там были выведены из строя многие из наших танков, приданных 302-й стрелковой дивизии для непосредственной поддержки пехоты; они натолкнулись на уцелевшие минные поля и засады немецких танков. Лишь через несколько часов боя смогли части первого эшелона овладеть Малониколаевкой, превращенной врагом в мощный опорный пункт. Стало очевидным, что наступательные возможности 302-й стрелковой дивизии исчерпались.

Во второй половине дня для развития успеха первого эшелона были введены в бой 1166-й и 1168-й стрелковые полки нашей дивизии. 1164-й стрелковый полк остался пока в резерве командира корпуса. К тому времени противник, опомнившись от первого удара и стремясь задержать наше наступление, уже подтянул к участку прорыва резервы, усилил находившиеся там части своей 304-й пехотной дивизии.

Едва батальоны 1168-го стрелкового полка подполковника И. П. Павлюченкова заняли исходные позиции для атаки, как были вынуждены сами отбиваться от неожиданно хлынувших на них немецких танков и цепей гитлеровцев. По приказу командующего артиллерией дивизии полковника Н. А. Печиталова, словно предвидившего заранее такую ситуацию, сюда уже прибыли орудийные расчеты истребительно-противотанкового дивизиона. Первой по контратакующим танкам ударила батарея старшего лейтенанта М. В. Долгополова. В один миг заговорили все ее срудия: заговорили яростно и часто, с той максимальной скоростью стрельбы — 20—25 выстрелов в минуту, — на которую только были способны безотказные 76-миллиметровые противотанковые пушки ЗИС-3. Очень скоро вспыхнул шедший впереди танк, затем застыл на месте еще один — с перебитой гусеницей, за ним, объятый пламенем, завертелся третий. Дорога фашистам на этом участке, как говорится, была заказана.

Враг однако не унимался. К исходу 18 июля воины обеих полков — 1166-го и 1168-го — отразили еще две контратаки противника, стремившегося, как видно, вернуть потерянные позиции. Активное участие в этих боях приняли огневые расчеты 915-го арtpолка подполковника А. В. Веревкина. Место ожесточенных схваток устлалось сотнями вражеских трупов. Кроме танков было уничтожено много немецких орудий, пулеметов, другого вооружения.

Тем не менее, на следующий день, 19 июля, фашисты возобновили контратаки. Впрочем, во всех подразделениях нашей дивизии ждали этого, серьезно готовились к новым схваткам. На протяжении всей ночи подвозили боеприпасы, укрепляли позиции, вели разведку.

Уже с утра бои вспыхнули на ряде участков. И снова противник поплотился сотнями убитых своих солдат офицеров.

В полдень в бой вступил также 1164-й стрелковый полк майора С. З. Закирова, возвращенный в дивизию из резерва командира корпуса. Воины 346-й не только удержали свои позиции, но и в некоторых местах на плечах врага продвинулись вперед. Они овладели высотой 223,2 и северными скатами высоты 278,5, что западнее Малониколаевки.

Ночь с 19 на 20 июля снова была для всех почти бессонной. Подразделения закреплялись на новых рубежах, готовились продолжить наступление в направлении на Юлино-Второе. Противник однако внес свои коррективы во все эти намерения. Надо полагать, гитлеровское командование мобилизовало на этот раз все свои силы. Утром, 20 июля, оно бросило в контратаку около двадцати танков и смеходных орудий, несколько пехотных батальонов. Удар был направлен против батальонов 1164-го и 1166-го стрелковых полков, которые находились на подступах к захваченным накануне высотам.

Вспыхнувшие бои вполне заслуживали того, чтобы быть названными лютыми. Некоторые позиции и даже отдельные траншеи, окопы переходили из рук в руки по нескольку раз.

В той страшной свинцовой кутерьме стойко держались истребители танков: орудийные расчеты стрелковых и артиллерийского полков, отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, наконец, бронбойщики со своими длинными противотанковыми ружьями. Их общими силами были уничтожены 15 немецких танков.

Геройски, бесстрашно дрались и пехотинцы. В 1168-м стрелковом полку, который тоже был контратакован врагом, на протяжении нескольких часов сдерживала его натиск группа стрелков и автоматчиков, возглавляемая лейтенантом Иваном Чаловым. Все они, двадцать человек, стояли насмерть и не пропустили гитлеровцев.

Отличился в этом полку также командир стрелкового отделения младший сержант Анатолий Колыхалов, парторг роты. Раненный осколком немецкой мины, он не оставил поле боя, продолжал сражаться. «Держись, пехота!» — разносился его голос. Вместе со своими бойцами Колыхалов удержал занимаемый рубеж до подхода подкрепления.

А на склонах высоты 223,2 в жестоком поединке с фашистами сошлись воины 2-го батальона 1164-го стрелкового полка. И кто бы мог подумать, что эта схватка станет последней для командира батальона, старшего лейтенанта Алексея Ивановича Ильбитенко, ранее возглавлявшего наших дивизионных разведчиков. Сын шахтера, комсомолец, человек безгранично мужественный, отважный, он отдал свою жизнь в бою за освобождение родного шахтерского края. Его именем жители Малониколаевки назовут улицу в своем селе.

В ночь на 21 июля 1943 года в дивизию поступил приказ: временно прекратить наступление, закрепиться на рубежах у Малониколаевки. Той же ночью состоялся телефонный разговор между генералом Станкевским

и командующим 51-й армией генералом Г. Ф. Захаровым. Командарм с похвалой говорил о стойкости и мужестве бойцов и командиров дивизии, пожелал всем новых боевых успехов.

В дальнейшем станет известно, что в ходе июльского наступления советских войск на реках Северский Донец и Миус по врагу был нанесен мощный отвлекающий удар. Стремясь удержать в Донбассе свои позиции, гитлеровское командование не посмело снять оттуда и перебросить под Курск ни одного солдата.

В народе говорится: жизнь прожить — не поле перейти. Это ведь смотря какое поле. То, которое с боями прошли воины нашей дивизии у Малониколаевки, унесло немало жизней. Там ложились в атаках, прав поэт, «мертвыми семеро из десяти».

Нарушим хронологию своего рассказа, перенесемся на несколько десятков лет вперед. 19 мая 1981 года газета «Правда» опубликует корреспонденцию «Как звали вас, герои?». Речь в ней пойдет о тех, кто сложил головы в ожесточенных боях на ворошиловградской земле, в том числе на рубежах у Малониклаевки. Именно там местные школьники-красные следопыты наткнулись на первые распаханные после войны участки земли на страшную находку — человеческие останки. Выяснится, что погибло в том месте двадцать человек — целый взвод. Траншея, в которой они сражались, стала для всех братской могилой. Читая эту корреспонденцию, ветераны дивизии невольно обратятся мыслями к проникновенным строкам Александра Твардовского: «Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны. В том, что они — кто старше, кто моложе — остались там, и не о том речь, что я их мог, но не сумел сберечь. Речь не о том, но все же, все же, все же...».

Дивизия снова находилась в обороне. Пехотинцы поглубже врывались в каменистую землю, наращивали накаты на блиндажах. Артиллеристы наносили на карты разведанные цели за своим передним краем, вели по ним пристрелки. Днем и ночью отправлялись на поиски разведчики.

Наши бойцы и командиры уже знали, что на Курской дуге противник впервые применил в широком масштабе новые тяжелые танки типа «тигр» и самсходные артиллерийские установки — «фердинанд». Фашисты возлагали большие надежды на эти безусловно мощные машины, точнее, на их крепчайшую броню. Но оказалось, что и эти хваленые стальные чудовища вспыхивают кострами, когда путь им преграждают отважные советские воины. В частях и подразделениях дивизии широко развернулось изучение способов борьбы с новой боевой техникой противника. Эту работу возглавил штаб соединения, и прежде всего его начальник полковник М. И. Беловодов. А политотдел дивизии при участии опытных и знающих штабистов разработал и издал памятки о способах борьбы с немецкими «тиграми», «пантерами» и «фердинандами», об их уязвимых местах. Такие памятки получили не только все артиллеристы, бронебойщики, но и стрелки, связисты, саперы; к серьезным испытаниям готовились все — от бойца до командира дивизии.

Победа Красной Армии в невиданной битве на Курской дуге, освобождение Харькова — все это поднимало боевой дух и решимость наших воинов. Волнующим и памятным для них событием явилось вручение орденов Красного знамени 1168-му стрелковому и 915-му артиллерийскому полкам, награжденным ранее. По этому поводу в дивизию приехал генерал Я. Г. Крейзер, только что вступивший в командование 51-й армией. (Занимавший этот пост генерал Г. Ф. Захаров был назначен командующим 2-й гвардейской армией).

За исключением подразделений находившихся на позициях переднего края, все остальные были построены за грядой холмов. Оба командира полков — подполковники Павлюченков и Вережкин — в сопровождении ассистентов, автоматчиков подошли к командарму со Знаменами своих полков. Прикрепив к бархатным полотнищам ордена, генерал Крейзер пожелал всем воинам новых боевых успехов в разгроме фашистских оккупантов. В ответ подполковник Вережкин заверил: «Земли нашей родной не посрамям, высокую награду матери-Родины оправдаем в борьбе с ненавистным врагом!»).

Взяв разбег на полях сражений у Курска, контрнаступление наших войск переросло в общее наступление Красной Армии на фронте от Великих Лук до Азовского моря.

Готовились к переходу в решительное наступление в целях полного освобождения Донбасса и последующего выхода к низовьям Днепра и Крымскому полуострову также войска Южного фронта под командованием генерала Ф. И. Толбухина. В частности, 51-й армии, по-прежнему входившему в состав этого фронта, предстояло сосредоточить главные усилия на участке Штеровка, Ивановка и нанести удар в направлении Дебальцево, Горловка. А на острие этого удара выпало находиться нашей 346-й стрелковой дивизии.

Из рук в руки, из окопа в окоп передавали воины армейскую газету «Сын Отечества», в которой было опубликовано открытое письмо командира 1-го стрелкового батальона 1164-го стрелкового полка старшего лейтенанта Филиппа Васильевича Братченко, в прошлом рабочего-металлиста, члена партии с 1930 года.

«С высоты каменистого кряжа, где расположен мой наблюдательный пункт, — писал он, — я вижу знакомые мне с детства места. Вон за тем холмом мое родное село. Рядом находилась крупная электростанция, в строительстве которой я участвовал. Дальше, за горизонтом, в руках врагов мой Красный Луч, город, депутатом городского Совета которого я состою. Смотрю вдаль, и не могу представить себе, что стало с родными и близкими мне местами. Все уничтожено, испепелено. Я видел товарищей, бежавших из фашистской неволи, слышал их горькие рассказы. Опустошен, разрушен Красный Луч. Взорваны и сожжены луч-

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, о. 1, д. 104, л. 10.

шие здания, истреблено или угнано в немецкое рабство население, затоплены шахты, уничтожены запруды, питавшие Штергрэс. Ствол шахты «Богдан» завален трупами мирных жителей — моих сограждан... Я знаю, что, возвратившись в свой город, не найду своего дома, своей семьи, своих близких. Но я за все отомщу: за смерть моей жены, сраженной фашистским снарядом, за смерть дочери, погибшей от вражеской бомбы, за слезы, муки и кровь моих сограждан!»¹⁾.

Письмо нашло душевный отклик у пехотинцев, артиллеристов, всех воинов: на собраниях, митингах в связи с предстоящим наступлением они клялись, что будут беспощадно громить фашистских извергов.

Именно стрелковый батальон старшего лейтенанта Братченкс, усиленный орудийными расчетами, саперами, бронбойщиками, и стал «запевалой» наступления. Дело в том, что ему было приказано провести разведку боем. При этом командарм предусматривал два ее результата. При сильном сопротивлении врага необходимо было захватить его первую траншею и в ней укрепиться. А при слабом — нарастить удары силами всех частей дивизии генерала Станкевского.

Рано утром, 1 сентября 1943 года, когда после 15-минутного огневого налета наших артиллеристов усиленный стрелковый батальон старшего лейтенанта Братченкс навалился на гитлеровцев, сразу же стало известно, что действовать, к счастью, необходимо по «второму варианту». Немцы оказали на этом участке слабое сопротивление и, по-видимому, пытаясь выйти из-под удара, попятились. Генерал Станкевский не медлил: тот час же все три стрелковых полка дивизии, изготовившиеся к наступлению, получили его команду: «Вперед».

Решительно, отважно шли наши воины на штурм миусских укреплений противника. Артиллерийские расчеты, находившиеся в боевых порядках пехотинцев, расчищали путь огнем из своих орудий. Некоторые доты, дзоты и пулеметные брнекөлпаки потребовалось блокировать, засевших в них фашистов выкуривать гранатами, взрывчаткой.

В течение первого дня наступления части дивизии, громя и преследуя врага, продвинулись на 15—20 километров, освободили свыше десяти населенных пунктов, среди них — Штеровку, Петровское, Ивановку, Красный Кут, Софиевку.

Наступление безостановочно продолжалось и на следующий день — 2 сентября. Пехотинцы 1166-го стрелкового полка подполковника Л. П. Чистякова, поддерживаемые 3-м арtdивизионом капитана Э. В. Головни вышибли фашистов из населенного пункта Шевченкс и завязали бои за селение Городище. Рука об руку, в тесном взаимодействии продвигались вперед воины 1168-го стрелкового полка подполковника

¹⁾ «Сын Отечества», 25 августа 1943 г.

И. П. Павлюченкова и 1164-го стрелкового полка майора С. З. Закирова. Совместными усилиями они захватили в «клещи» у железнодорожной станции Фащевка немецкий пехотный батальон и наголову разгромили его. Оба полка в боевом содружестве с артиллерийскими дивизионами капитанов П. Ф. Коваленко и М. И. Шкиленко очистили от оккупантов не только Фащевку, но и Поповку, Греко-Тимошевский, Веселый.

К исходу этого дня части дивизии стремительно вышли на подступы к Дебальцево — городу и крупному железнодорожному узлу.

Разведывательные группы, которые предусмотрительно были высланы вперед майором Джабраилом Кортюевым, начальником разведки дивизии, к этому времени уже установили: Дебальцево превращено фашистами в опорный пункт обороны, прикрытый минными полями. Незаминированной оставалась только дорога, ведущая из Дебальцево в Чернухино, хотя и там, на обочинах, чернели штабеля мин. Может быть гитлеровцы не успели установить их? Дело обстояло иначе. Оказалось, что в поселке Чернухино были сосредоточены крупные силы противника — танки, пехота. Несомненно, вражеское командование намеревалось в конечном счете направить их в Дебальцево — свой основной опорный узел.

Надо было упредить врага, расстроить его планы. На это и обратил внимание генерал Станкевский, отдавая боевой приказ командирам полков. Принятое комдивом решение сводилось к тому, чтобы ударами в обход с севера и юга окружить противника, засевшего в Дебальцево, не допустить подхода туда подкреплений из Чернухино.

Бои за Дебальцево разгорелись в ночь с 2 на 3 сентября 1943 года. Батальоны 1168-го стрелкового полка совместно с двумя артиллерийскими дивизионами 915-го артполка нанесли удар по противнику в Чернухино, а затем, оседлав незаминированную дорогу, сами устремились по ней к Дебальцево. Между тем, подразделения 1164-го стрелкового полка, выбив фашистов из сел Никитино, Ильинка, ворвались на южную окраину Дебальцево.

С утра 3 сентября схватки на окраинах и улицах города вспыхнули с новой силой. Плечом к плечу в атаку на врага шли в 1164-м стрелковом полку бойцы стрелкового взвода лейтенанта Матвея Данюка и минометного взвода младшего лейтенанта Николая Ельцова. Своих боевых товарищей — пехотинцев — минометчики поддерживали «огоньком».

А в 1168-м стрелковом полку в первых рядах наступающих можно было увидеть комсомольцев автоматчиков Сергея Копина, Юрия Полеводина, Федора Финагеева. Все трое за мужество и героизм, проявленные в освобождении города, будут награждены орденами Красной Звезды.

Санструктор этого полка девятнадцатилетняя Дуся Бондаренко в те дни под градом пуль и осколков вынесла с поля боя, оказала первую

помощь многим раненым... На окраине города она, комсомолка из Во­рошиловграда, пала смертью храбрых.

Надо сказать о том, что утром 3 сентября взводу разведчиков млад­шего лейтенанта Василия Шопина из 1164-го стрелкового полка удалось просочиться по лесистой балке, а затем между завалами разбитых ваго­нов на железнодорожную станцию Дебальцево. Им предстояло устано­вить там наличие сил противника, а если представится выгодная возмож­ность, посеять панику в его рядах.

Дальше мы приведем строки из письменного воспоминания одного из тех разведчиков — старшего сержанта Валентина Яковлевича Цепля­ева, ныне жителя Волгограда:

«...Я возглавлял тогда группу дозора. В ней все мы крепко держались один одного: и Анатолий Бондаренко, и Николай Корнеевский... Шли ведь на такое опасное дело. На станции и вокзале Дебальцево застали погром, видимо, накануне бомбила наша авиация, да и дивизионные артиллеристы подбросили туда «огонька». У дымившихся на путях ваго­нов толпилась немчура. Присмотревшись, мы сообразили: фашисты вы­гружают боеприпасы. О своих наблюдениях доложили младшему лейте­нанту Шопину, находившемуся с основной группой неподалеку. Посоветовались и приняли решение: атаковать! Подобравшись поближе, я ре­занул автоматной счередью по столпившимся у вагона гитлеровцам. Они бросились врассыпную, правда, не все, так как несколько упали мертвы­ми. Отстреливаясь короткими очередями, мы побежали на другую сторо­ну вокзала — к основной нашей группе. По пути наткнулись на гитле­ровцев и вынуждены были резко свернуть от них. Но брошенная кем-то из них граната достала и Корнеевского, и меня. Его ранило в грудь, а мне осколок впился в щеку. Мы продолжали стрелять по немцам, пока в схватку не вступила вся группа младшего лейтенанта Шопина. Через некоторое время до нас донеслись крики «Ура!». То к дебальцевской железнодорожной станции подходили стрелковые батальоны нашей ди­визии».

К исходу дня 3 сентября 1943 года город Дебальцево был полно­стью очищен от гитлеровских захватчиков¹⁾. В центре его, над рядом зданий, взвились красные флаги.

В наступлении, как справедливо утверждалось, час времени порой стоил и целого дня. Поэтому ни один из наших полков, ни одно подраз­деление не смогли задержаться в только что освобожденном Дебальцево, — городе, название которого войдет примечательной, красной строкой в боевую историю 346-й стрелковой дивизии. Утром 4 сентября все ее воины встретили в движении. Они по пятам преследовали врага, отходив­шего на Никитовку. Перед дивизией была поставлена командованием за-

¹⁾ Освобождение городов. М., Воениздат, 1985, стр. 82.

дача: к исходу 6 сентября, овладев Никитовкой и Комсомольском, выйти на пути отхода противника западнее Горловки — в районе Рововки.

Стремясь приостановить наступление советских войск, противник оставлял на промежуточных рубежах отряды прикрытия, почти всегда усиливая их танками, самоходными орудиями. На такой сильный заслон вскрыре и наткнулись на подступах к Никитовке подразделения 1168-го стрелкового полка. С ходу в бой там вступила полковая артиллерийская батарея старшего лейтенанта Григория Батаева. Ее расчеты, ведя огонь прямой наводкой, заставили замолчать немецкие орудия, находившиеся в придорожной лесной посадке. По команде командира полка подполковника Палюченкова в атаку поднялись стрелковые батальоны, которые и довершили дело: гитлеровцы были выбиты из лесопосадки. Командир полка пришел туда вместе со своим заместителем по политчасти майором Масловым. Убегая, гитлеровцы бросили в лесопосадке пять 105-мм срудий с передками и снарядами, повозки с продуктами и награбленным добром, весь конский состав; высокие серые битюги с куцыми хвостами бродили вокруг.

События вдруг развернулись самым неожиданным образом. Со стороны противника к лесопосадке вырвались четыре танка, за ними толпами потянулись немецкие солдаты.

Повинуясь воле командира полка, наши пехотинцы не приняли боя в лесопосадке. Сняв замки со всех немецких орудий, и угнав два десятка лошадей, они отошли на исходные позиции, к дороге, за которой уже находилась также полковая 120-мм минометная батарея старшего лейтенанта Николая Волкова.

Заняв лесопосадку, немцы однако не рискнули идти дальше. При-тихли. Не окрывали пока огня и наши артиллеристы, минометчики, хотя и подготовили исходные данные для стрельбы. Кто знает, чем бы могла разразиться эта зловещая тишина, не появившись там по вызову командования полка крытая полуторка капитана Семена Кондратьевича Польшалова. Следует сказать, что у него, одного из офицеров политотдела дивизии, обязанности были особые. Об этом говорило уже само название его штатной должности: старший инструктор по работе среди войск противника. С помощью радиоустановки и выносных громкоговорящих рупоров он проводил через передний край передачи для немецких солдат, рассказывал о том, что преступная, захватническая война, развязанная гитлеровской кликой, проиграна; и тот, кто продолжает верить несбыточным обещаниям и заверениям фюрера, лишь обрекает себя на страдания, а то и на смерть. Не раз и не два попадал Польшалов со своей «музыкай» под лавину огня немецких артиллеристов и минометчиков и — ничего не поделаешь — приходилось ему тогда забираться в предварительно открытые окопы, прятать туда и аппаратуру.

Здесь это не повторилось. На его передачу не последовало ни единого выстрела. Потом немецкие солдаты один за другим начали выходить из лесопосадки. Впереди — безоружные, с повязками на головах. За ними — неровно колеблющаяся сплошная человеческая стена. На винтовках, поднимавшимися над головами, виднелись белые тряпки. Скоро уже можно было различить угрюмые небритые лица гитлеровцев. И тут наперерез этой стене выступил с цепью автоматчиков подполковник Павлюченков. Через радиоустановку прозвучала команда на немецком языке, и один за другим отвоёвавшиеся немецкие солдаты начали бросать на землю винтовки, автоматы, пистолеты. Среди них не было ни одного офицера, как оказалось, все они сбежали.

Развивая наступление, наша дивизия в течение 5 сентября овладела двумя крупными шахтерскими поселками, примыкавшими к Горловке — Никитовкой и Комсомольском¹⁾. Впрочем, этот последний успех наши воины разделили с танкистами 238-й бригады подполковника А. И. Тимина, батальоны которой тоже громили своими «тридцатьчетверками» оккупантов на окраинах и улицах обеих поселков.

Увы, на самих подступах к Никитовке произошло у нас ЧП — чрезвычайное происшествие. Винить в нем, несомненно, следовало самого подполковника Сабира Закировича Закирова, командира 1164-го стрелкового полка. Должно быть, забыл он о том, что каждый человек — кузнец своей судьбы и отвечать ему надлежит за все содеянное. Не устоял он перед недобрыми людьми, принявшимися угощать его спиртным. А тут как раз в полку появился командир 54-го стрелкового корпуса генерал Т. К. Коломиец, сразу все обнаружилось. Дорогой ценой пришлось расплачиваться подполковнику Закирову за выпитые стаканы проклятой водки. Он был отстранен от командования полком и направлен в распоряжение отдела кадров армии для назначения на должность с понижением. Суровая была кара, но ведь суровым было и военное время — это предстояло уразуметь в полку всем. И не только в полку — во всей дивизии.

Исполнять обязанности командира 1164-го стрелкового полка было приказано капитану Павлу Семеновичу Бублию, заместителю командира полка.

Недалеко от той же Никитовки произошло тогда еще одно событие — уже в 1166-м стрелковом полку, но было оно совсем иного рода. Заметим, что путь в наступлении там прокладывал всему полку батальон капитана Михаила Прокофьева. Среди его воинов можно было увидеть заместителя командира полка по политчасти майора Г. Ф. Лубягова, комсорга полка старшего лейтенанта Федора Вишнякова. В шахтерском поселке Ольховка, оставленном гитлеровцами, навстречу нашим бойцам вышло несколько жителей. Они взволнованно рассказали о том, что сккупанты только что погнали к железнодорожному полустанку для

¹⁾ Освобождение городов. М., Воениздат, 1985, стр. 165, 124.

отправки в Германию большую группу подростков — человек сто. «Надо спасти наших парней!» — сказал Вишняков, обращаясь к замполиту и комбату. Те согласились. Тут же была выделена оперативная группа в составе одиннадцати человек. Возглавили ее Вишняков и комсорг батальона лейтенант Иван Барышев. Группа двинулась на перехват колонны. Путь бойцам показали жители — по оврагам и балкам. И наши успели так: перерезали дорогу, по которой фашистские конвоиры гнали подростков. Завязался бой, перешедший в рукопашную схватку. Пять гитлеровцев были убиты, остальные скрылись кто куда. В перестрелке погибли два наших бойца. Их похоронили в Ольховке. На могиле сельские юноши благодарили за спасение от фашистской каторги, а воины батальона поклялись, что отплатят врагу за смерть боевых товарищей-комсомольцев. Между прочим, в схватке с фашистами получил ранение и комсорг полка старший лейтенант Вишняков. Он отказался от направления в госпиталь и лечился в полковом медпункте.

6 сентября 1943 года части дивизии, как и намечалось боевым приказом, вышли к селу Розовка — тогда Дзержинского, а позже вошедшего в Ясиноватский район Донецкой области. Гитлеровцы встретили там наши передовые отряды интенсивным обстрелом из орудий, танков, стрелкового оружия.

У командира 1168-го стрелкового полка подполковника Павлюченкова, чьи подразделения первыми достигли Розовки, сил оказалось недостаточно, чтобы сломить сопротивление гитлеровцев. Исходя из этого, генерал Станкевский приказал капитану Бублию, возглавлявшему соседний 1164-й полк, оставить один батальон для прикрытия правого фланга дивизии, а остальными двумя нанести удар по Розовке. Кроме того, к ней же были направлены из 915-го арtpолка огневые батареи старших лейтенантов В. И. Золдырева, И. П. Фетисова.

Благодаря такому быстрому маневру пехотинцам и артиллеристам удалось окружить вражескую группировку, а затем атаковать ее с нескольких сторон села. Сопrotивлялись гитлеровцы с упорством и отчаянием обреченных. Бой продолжался несколько часов. И следует особо указать на то, что в ходе его нашим воинам, прежде всего артиллеристам, пришлось вступить в схватки с новыми боевыми машинами противника — танками «тигр», самоходными орудиями «фердинанд». Серьезное испытание держали все огневики, и среди них командиры орудий сержанты Михаил Савонин, Николай Михнев, Юрий Кричалкин, наводчики младшие сержанты Петр Суворов, Анатолий Волочугин, Николай Шмаков, сражавшиеся под прицельным огнем из вражеских машин.

Головной тяжелый танк был подбит расчетом сержанта Николая Михнева. Но уже через несколько минут сам он упал на станину орудия, скошенный автоматной очередью подкравшегося фашиста.

Стремясь вырваться из окружения, большая группа гитлеровцев ринулась на прорыв в западной стороне Розовки. Но там путь ей преградили артиллерийские расчеты 1164-го стрелкового полка. Сражались пуш-

кари до последнего снаряда, а израсходовав весь боезапас, взяли в руки автоматы, винтовки, гранаты. В упор разили фашистов сержанты коммунисты Анатолий Шалимов, Юрий Диденко, Петр Гунов, их боевые товарищи-комсомольцы.

Лишь некоторым разрозненным группам вражеских солдат и офицеров удалось вырваться из села. В местах боев осталось около двухсот трупов оккупантов. Горели и четыре «тигра», подбитые артиллеристами.

Через несколько часов Розовка осталась в нашем тылу. Части дивизии ушли вперед. Задержались в селе лишь некоторые тыловые подразделения и с ними батарея старшего лейтенанта Фетисова. Остался и подполковник Павлюченков: накануне он был ранен в висок осколком немецкого снаряда, и медики настояли на оперативном лечении.

И вдруг в Розовке снова раздались выстрелы. Что же произошло? Откуда ни возьмись, в село по большаку ворвалась колесная гитлеровцев, сопровождаемых самоходным орудием «фердинанд». Слов нет, в незавидном положении очутились люди наших хозяйственных подразделений. Но подполковник Павлюченков в этой обстановке действовал хладнокровно, решительно: с марлевой повязкой на голове он бросился к артиллеристам: «А ну-ка, орлы, выкатывайте орудия на дорогу, да побыстрее заряжайте!». Сержанту Юрию Кричалкину, действовавшему на этот раз одновременно за командира орудия и наводчика, удалось несколькими выстрелами подбить «фердинанда»: а тем временем наводчик другого орудия младший сержант Петр Суворов «угостил» гитлеровских пехотинцев картечью. Тут же подоспели бойцы тыловых подразделений, завершили разгром вражеской колонны.

Как видим, все опасности миновали. Однако подполковнику Павлюченкову пришлось услышать от генерала Станкевского гневные слова по поводу того, что произошло в Розовке. Что же действительно, это был серьезный урск: о бдительности, боевом охранении не позволено никогда забывать, в том числе и в ходе успешного наступления.

В первой половине дня 7 сентября 1943 года подразделения 1166-го и 1168-го стрелковых полков достигли западного берега реки Колычевка и, разгромив там заслоны противника, с ходу форсировали ее. Гитлеровцы предприняли контратаку, но были отброшены. Наступательный порыв наших воинов находил выражение лишь в одном стремлении: «Вперед!» До наступления темноты в этот день были освобождены населенные пункты Бахмутовка, Очеретино, Соловьев, Бердичи, Уманск. Таким же по-фронтовому боевым, напряженным стал для воинов дивизии и очередной день — 8 сентября. На подступах к Калинову они снова-таки отразили сильную контратаку врага — в ней участвовали до двух рот пехоты с танками и самоходно-артиллерийскими установками, — и к исходу дня овладели селами Котляровка, Михайловка, Лосовка, Горняк. Выйдя на этот рубеж, дивизия поставила под угрозу фланг и тыл немецко-фашистской группировки, отходившей под ударами наших войск из района Сталино (ныне Донецк).

Вечером, 8 сентября, когда в штабной радиостанции прозвучали знакомые позывные Москвы, вокруг собрались послушать офицеры, солдаты. Передавали приказ Верховного Главнокомандующего генералам Ф. И. Толбухину и Р. Я. Малиновскому — командующим Южным и Юго-Западными фронтами. Строки приказа глубоко волновали: «...Войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного наступления одержали крупную победу в Донецком бассейне над немецкими захватчиками. Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями овладели городами Дебальцево, Иловайск, Лисичанск, Енакиево, Горловка, Чистяково, Славянск, Артемовск, Краматорск, Константиновка, Макеевка, Красноармейск, Ясиноватая и областным центром Донбасса — городом Сталино¹⁾. Таким образом, войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн — важнейший угольный и промышленный район страны²⁾».

Среди отличившихся в боях за Донбасс была названа и 346-я стрелковая дивизия генерал-майора Станкевского, которой присваивалось наименование «Дебальцевская», а всему ее личному составу объявлялась благодарность за массовый героизм и мужество.

— Этому событию, — растроганно сказал стоявший у радиостанции начальник политотдела дивизии полковник А. С. Пантюхов, — суждено будет войти в боевую историю нашего соединения во фронтовые биографии ее солдат и офицеров.

Андрей Спиридонович тут же ушел в 1168-й стрелковый полк, чтобы поделиться с его людьми примечательной новостью. По его примеру с этой вестью в другие части и подразделения направились офицеры управления, штаба дивизии, работники политотдела. Там, где позволила обстановка, были проведены короткие собрания или митинги личного состава, посвященные присвоению дивизии наименования освобожденного нашими полками донбасского города.

Уже с тех дней завязались письменные связи между молодежью дивизии и Дебальцево. Солдаты, сержанты, офицеры будут регулярно сообщать о своих фронтовых делах, а труженики города, в свою очередь, рассказывать о скоростных поездках локомотивных бригад, о рекордных достижениях ударников-стахановцев на предприятиях города. Письма эти как своеобразные рапорты появятся на страницах дивизионной и дебальцевской городской газет. Волнующая, памятная встреча генерала Д. И. Станкевского и большой группы ветеранов дивизии с трудящимися Дебальцево состоится в сентябре 1978 года, когда будет опубликован Указ о награждении этого города — за успехи в хозяйственном и куль-

¹⁾ Ныне г. Донецк.

²⁾ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны с 25 января 1943 г. по 3 сентября 1945 г., М., 1975, с. 24—27.

турном строительстве и в связи с 100-летием со времени его основания — Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР¹). По этому примечательному поводу дебальчане проведут во Дворце культуры железнодорожников торжественное собрание, на которое пригласят и воинов-освободителей.

Так уже случилось, что 8 сентября 1943 года осталось памятным в боевой истории 346-й Дебальцевской стрелковой дивизии еще одним событием: соответствующим приказом она отныне была включена в состав 10-го стрелкового корпуса генерала К. П. Неверова той же 51-й армии. Воинам наших частей, как и всего корпуса, предстояло развивать наступление и повсеместно перерезать гитлеровским войскам пути отхода на Запорожье.

Осень вступила в свои права. Солнечные дни сменились пасмурными, начались дожди. Раскисли грунтовые дороги. Буксовали автомашины, тягачи; артиллеристам то и дело приходилось вытаскивать орудия из глубоких колдобин. Застрелили и обозы. Пудовыми гирями прилипали жирный чернозем к сапогам и ботинкам пехотинцев, которые несли на себе вооружение, вещмешки с патронами, пулеметные диски.

Яростный бой разгорелся 11 сентября на подступах к населенным пунктам Шевченко и Андреевка. Гитлеровцы пытались задержать на этом рубеже продвижение частей дивизии, чтобы обеспечить планомерный отход своим войскам по дороге, которая проходила из Сталино через Андреевку — и дальше на Покровское и Запорожье. Однако враг не устоял под ударами наших воинов. В тот день они овладели не только Андреевкой, Шевченко, но и селом Богатырь, надежно оседлав участок автомагистрали, за которую так цеплялись фашисты.

Утром 13 сентября 1943 года полки дивизии, оставив позади угольные земли Донецкой области с ее вздыбленными холмами, копрами шахт, густой сетью железнодорожных путей, — вступили на бескрайнее степное раздолье Покровского района Днепропетровской области. Нашим воинам предстояло с боями изгнать оккупантов из многих сел этого района, но, конечно же, больше других им запомнится то, что носит название Великомихайловка.

Высланная вперед группа разведчиков — семь человек — из 1166-го стрелкового полка первой проникла на окраины этого села. Короткими перебежками, а больше всего ползком — по-пластунски — передвигались они, одетые в желто-зеленые маскхалаты; старшина Самейский, старший группы, а за ним рядовые Казаков, Никишин, Басов, Кофан, Терехов, Темизов. На улице — в 10—12 метрах от них — появились гитлеровцы. Разведчики замерли в огородных кустах. Затем встретились с шестилетним мальчишкой. Он-то и привел их к погребу, в котором прятались его дедушка, мама и младший братик. Дедушка, оказавшийся участником гражданской войны, пришел на помощь разведчикам. Было установлено расположение в селе немецких орудий, танков. Донесение об

¹) «Правда Украины», 24 сентября 1978 г.

этом послали с Тереховым в полк. А остальные шестеро, выполняя приказ своего командира взвода младшего лейтенанта Сергея Ленева, остались в Великомихайловке в засаде и вскоре приняли участие в боях, завязавшихся в этом селе.

Когда на улицах и в огородах завихрилась свинцовая метель, разведчикам Казакову и Кофану потребовалось почти за руки увести обратно, в погреб, увязавшегося за ними смелого мальчишку Сашка. И тут же чуткое ухо Сабурова Казакова уловило в грохоте боя детский плач. На противоположной стороне улицы лежала убитая женщина и над ней припадали двое плачущих детишек. «Когда увидел такое, — напишет в своих воспоминаниях Сабур Эшчанович Казаков, узбек, в минувшем воспитанник детского дома, — у меня по лицу покатились слезы. Очертя голову, рванулся было к детишкам, но услышал резкий голос старшины Самейского: «Назад! Ложись!». Должно быть, он опасался за мою жизнь, ведь улица находилась под вражеским обстрелом. И все же в конце концов с его разрешения я ползком пересек улицу. С трудом оторвал детишек от мертвой матери. Взял одного на грудь справа, другого — слева и пополз на спине обратно. Спасенных детишек — одного возрастом около двух лет, а другого совсем маленького — мы вместе с Кофаном передали старику и старухе, жившим тоже в погребе».

Бой за освобождение Великомихайловки продолжался несколько часов. Гитлеровцы, подтянув подкрепления, оказывали упорное сопротивление. Шаг за шагом теснили их наши пехотинцы, разведчики, саперы, поддерживаемые огнем артиллеристов, минометчиков. Бесстрашно громили врагов бойцы 1-го батальона 1168-го стрелкового полка. Во главе со своим командиром капитаном Хажлаги Гатажковым они первыми вырвались на восточную окраину Великомихайловки и первыми же достигли ее противоположной окраины.

Противник оставил на поле боя много убитых, вооружение, боеприпасы. Впрочем, десятки немецких солдат избрали для себя иную судьбу: сдались в плен.

Забегая вперед, отметим: для руководителей местной власти, а также для отрядов красных следопытов Великомихайловской средней школы в их заботах об увековечении памяти воинов-освободителей девизом станет: «Вспомним всех поименно». Будут собраны для сельского музея письменные воспоминания многих фронтовиков, в том числе и генерала Д. И. Станкевского, майора в отставке Х. М. Гатажокова. В результате кропотливых и продолжительных поисков удастся получить биографические сведения о лейтенанте А. Квасове, рядовом И. Череващенко, медсестре Антонине Федоренко и всех других 52 бойцах и офицерах, которые сложили здесь в боях головы. Учитывая пожелание жителей, исполком сельского Совета присвоит звание почетных граждан Великомихайловки фронтовикам-освободителям А. Ф. Луягову, И. Д. Полторацкому, И. П. Фетисову, Л. Е. Докторевичу, Ф. И. Вишнякову, А. Ф. Возиянову.

А перед разведчиками Сабуром Эшчановичем Казаковым и Григорием Петровичем Кофаном, когда они в послевоенное время приедут в эти памятные места, когда-то шестилетний Сашко предстанет взрослым, возмужалым Александром Николаевичем Шокотко, начальником смены здешнего производственного объединения «Просаяная каолин», парторгом цеха. Он расскажет, что спасенные ребятишки были отправлены в областной детский дом. Имя их убитой матери осталось неизвестным, по всей вероятности, она была одной из эвакуированных — таких много можно было встретить в селах, на дорогах района. Беда не миновала дедушку Сашка — Дмитрия Васильевича Шокотко, что с готовностью помогал нашим разведчикам. В один и тот же день получил он сразу три письма с похоронками на погибших в боях с фашистами своих сыновей — Георгия, Михаила, Николая. И не выдержало сердце отца. После его похорон опустел дом, обветшал и вскоре был снесен.

Кроме Великомихайловки полки дивизии в течение 13 и 14 сентября 1943 года с боями счистили от захватчиков также соседние села Макеевку, Ористополь, Январское, Алексеевку, Березово, Вербово, Вишневое, форсировали реку Вовча и ее притоки Янчул и Гайчур. В знак благодарности воинам 346-й Дебальцевской за свое освобождение жители всех этих сел единодушно высказались за присвоение генералу Дмитрию Ивановичу Станкевскому звания: Почетный гражданин Покровского района Днепропетровской области, Исполком районного Совета принял такое решение.

Не забывая об объективности заметим, что в тех местах — на берегу неширокой речушки Гайчур генерал Станкевский попал в неприятный переplet, едва не стоивший ему жизни. А случилось следующее. На штабном «виллисе» он ехал в передовые подразделения, которые наступали по берегам этой речушки. Автомобиль, обогнав растянувшуюся тыловую колонну 1164-го стрелкового полка, поровнялся с густой рощей. И вдруг с треском разлетелось ветровое стекло машины, мелкие осколки его брызнули в лицо командира дивизии. Тут же раздалась новая очередь немецкого пулемета. Были ранены шофер и сидевший позади генерала его адъютант. Сам же Станкевский по какой-то счастливой случайности отделался лишь порезами на лице. Навстречу штабному «виллису» выбежали начальник разведки дивизии майор Джабраил Кортсев с группой автоматчиков. Оказалось, гитлеровцы оставили такие засады и в других местах вдоль дорог.

Командир дивизии приказал без промедления создать в каждом полку мобильные группы для прочесывания придорожных рощ, кустарников, балок. За «выкуривание» немецких пулеметчиков и автоматчиков активно взялись также наши разведчики — полковые и дивизионные.

Освободив Покровский район Днепропетровской области, полки дивизии наступали уже по дорогам и землям Запорожской области, держа направление на Камышеваху. 1166-му стрелковому полку подполковника А. П. Чистякова предстояло овладеть находившемся на его пути селом Федоровка. Высланные вперед полковые разведчики доложили, что в нем

находится до батальона гитлеровцев, а также около двух десятков танков, рассредоточенных по дворам. Подполковник Чистяков решил атаковать Федоровку с ходу, в ночных сумерках.

И вот уже его пехотинцы устремились к селу через речку Мокрые Ялы — кто по уцелевшему мосту, кто на бревнах или досках. Застигнутые врасплох, гитлеровцы панически метались по дворам, поджигали и взрывали свои танки, которые, как оказалось, стояли неподвижными из-за отсутствия горючего. Всего немцы оставили 18 взорванных и подожженных машин и одну исправную.

Увы, радоваться столь скорому успеху было преждевременно. И вовсе непростительным было предаваться благодушию, забывать о мерах боевого охранения. Преступной безответственностью следовало объяснить поведение офицера разведки полка А. Ю. Федоренко, «забывшего» на этот раз позаботиться о том, чтобы тщательно прочесать только-что освобожденное село, выставить на танкоопасных подступах противотанковые средства. Между тем фашисты, собравшись за ночь с силами рано утром нагрянули на Федоровку. Батальоны полка были оттеснены к речке Мокрые Ялы, а затем и на ее восточный берег. И только там, окопавшись, они смогли сдержать врага, дать ему отпор. Полк понес значительные потери. Были убиты командир 2-го батальона капитан Н. Пащенко, заместитель командира 3-го батальона по политчасти старший лейтенант А. Быкадыров¹⁾. Да и сам подполковник Чистяков, тяжело раненый, истекал кровью, и его увезли в госпиталь. В командование полком временно вступил заместитель Чистякова майор Н. Г. Яскевич.

Генерал Станкевский вместе с офицерами штаба обстоятельно разобрался в том, что произошло в 1166-м стрелковом полку. С результатами разбора, выводами, принятыми мерами был ознакомлен весь командный и политический состав. Что ж, следовало учиться и на серьезных промахах, неудачах; горько только было сознавать, что за них заплачено кровью и жизнями людей.

20 сентября полки дивизии с боями вышли на рубеж: Могильник, Близнецы, Юльевка, Камышеваха; до Запорожья оставались каких-то 15—20 километров.

В тот же день стало известно, что по приказу командующего Южным фронтом генерал-лейтенанта Ф. И. Толбухина наша 51-я армия выводится в резерв фронта, а в дальнейшем ей предстоит громить врага на его укреплениях по реке Молочной, к которым уже подошли наши передовые части.

С выходом советских войск на реку Молочная закончилась Донбасская наступательная операция, продолжавшаяся около 40 дней. Бойцы и командиры нашей 346-й Дебальцевской стрелковой дивизии могли гордиться тем, что принимали самое активное участие в этих исторических событиях. С боями они прошли около 300 километров, освободили

¹⁾ ЦАМО, ф. 1165, оп. 1, д. 95, л. 140.

от фашистских оккупантов свыше 200 населенных пунктов — городов, поселков, сел. На этом пути было уничтожено свыше двух тысяч и взято в плен 520 вражеских солдат и офицеров, подбито и сожжено 29 немецких танков и самоходных орудий.

В боях за освобождение Донбасса более 260 воинов дивизии стали членами и кандидатами ВКП(б), навсегда связали свою судьбу с партией. Свыше 700 самых отважных, мужественных и стойких солдат, сержантов, офицеров соединения были награждены орденами и медалями, из них почти одна треть — воины нового ворошиловградского и донецкого пополнения.

4. НА ОГНЕННЫХ МЕЛИТОПОЛЬСКИХ РУБЕЖАХ. ДАЕШЬ СИВАШ!

Только один человек в дивизии имел возможность регулярно прослушивать немецкие радиопередачи. Он же обычно присутствовал и на каждом допросе плененных нашими разведчиками или же добровольно сдавшихся в плен гитлеровцев:

Им был капитан С. К. Полысалов, старший инструктор политотдела по работе среди войск противника.

Именно от него, Полысалова, генерал Станкевский, офицеры управления, штаба, политотдела дивизии впервые услышали тогда, во второй половине сентября 1943 года, мудренное немецкое слово «Вотан». Так гитлеровское командование именовало свой оборонительный рубеж, созданный на правом берегу реки Молочная. Он включал в себя несколько полос укреплений с развитой системой траншей, дотов, дзотов, глубоких рвов-эскарпов, врытых в землю танков и самоходных орудий. Сам город Мелитополь был превращен в основной опорный узел этого мощного оборонительного рубежа, прикрывавшего подступы к низовьям Днепра и Крыма. Оборона рубежа «Вотан» была возложена на войска 6-й армии фашистского генерала Холлидта, в составе которой в общей сложности насчитывалось 15 дивизий. Для поднятия духа гитлеровских солдат и офицеров им выдавалось тройное жалование, а в Берлине уже даже начали чеканить специальную медаль «За оборону мелитопольских позиций»¹⁾.

Обо всем этом основной массе бойцов и командиров нашей дивизии предстояло узнать несколько позже. А покамест все наши полки, сдав свои боевые участки у Камышевахи, вышли в резерв и сосредоточились в районе населенных пунктов Димитрово, Жеребянки, Кирово. Там же дивизия приняла пополнение. В своем большинстве это были жители Донецкой, Днепропетровской и Запорожской областей. Новички сразу же распределялись по стрелковым ротам, артиллерийским батареям с тем, чтобы с помощью командиров и бывалых солдат за самое короткое время освоить азы военного дела. Занятия в подразделениях продолжались по 10—12 часов в сутки.

¹⁾ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 7, с. 268.

Между тем настало 26 сентября 1943 года — день начала Мелитопольской наступательной операции войск Южного фронта. Ее замыслом предусматривалось нанести два охватывающих удара: главный — силами 5-й ударной, 44-й и 2-й гвардейской армий севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое; второй — из района южнее Мелитополя 28-й армией в обход города с юго-запада¹⁾. В резерве командующего фронтом оставалась 51-я армия, в составе которой была и 346-я стрелковая Дебальцевская дивизия.

Уже с самого начала наступления советские воины встретили ожесточенное сопротивление фашистов. То и дело противник предпринимал контратаки. Бои приняли исключительно упорный и затяжной характер. Только 9 октября войскам 28-й армии, осуществлявшей вспомогательный удар, удалось вклиниться во вражескую оборону до 7 километров, форсировать реку Молочную и выйти к южной окраине Мелитополя.

Для смены войск первого эшелона, понесших потери, и для развития намечившегося успеха по приказу командующего фронтом генерала Ф. И. Толбухина и была теперь направлена 51-я армия в составе двух ее корпусов — 54-го и 10-го.

Соответствующий приказ по всем полагающимся ему²⁾ инстанциям вскоре дошел и до командования нашей дивизии, по-прежнему входившей в состав 10-го стрелкового корпуса генерала К. П. Неверова. И, совершив двухсуточный переход, наши полки в ночь на 13 октября переправились в районе северо-восточнее сельхоза Мукомолье через реку Молочная, сразу же сменили там на боевых позициях одно из соединений 28-й армии — 347-ю стрелковую дивизию.

Остаток этой звездной, уже довольно прохладной ночи, воины-дебальцевцы провели в окопах и траншеях. Короток был их сон. Поднимались они, разбуженные призывными, как звук горниста, словами: «Слушай боевой приказ...».

Наступать предстояло в направлении сел Удачное, Новониколаевка, то есть в обход Мелитополя с юго-востока. В самом городе в то время сражался 54-й стрелковый корпус; его 91-я стрелковая дивизия стала нашим правым соседом. Слева же от нас действовала 257-я стрелковая дивизия.

В атаку наши стрелковые подразделения поднялись после 40-минутной артиллерийской подготовки. Из края в край прокатилось взволновавшее всех «ура-а-а!» и бой заклокотал взрывами гранат, непрерывной дробью автоматов и пулеметов.

На одном из участков, там, где наступали подразделения 1164-го стрелкового полка, можно было увидеть во главе бойцов 1-го стрелкового взвода 1-й стрелковой роты восемнадцатилетнего Владимира Сычева. Трудно было ему справиться с не оставлявшими его волнением, страхом. Ведь впервые в жизни вел он людей в бой. Накануне был ранен коман-

¹⁾ См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 237.

дир этого взвода, его увезли в госпиталь, и командир роты старший лейтенант Петранин приказал ему, рядовому Сычеву, комсоргу роты, временно заменить командира взвода. Волновался Владимир еще и потому, что из сорока четырех бойцов взвода только человек пятнадцать успели побывать в боях, остальные — новички.

— Вперед! За Родину! — звал Сычев за собою бойцов. Назад не оглядывался. Хотелось верить: никто из них не струсил, не приотстал. Метров двести вспаханной снарядами земли все преодолели сравнительно легко, быстро. Но вот развеялся дым, и фашисты, увидев наступающих, открыли прицельный огонь из уцелевших бронеколпаков, дотов. Краем глаза заметил Сычев, как спотыкнулся и упал на землю бежавший рядом с ним паренек с курчавыми золотистыми волосами; его фамилию он еще не успел запомнить. А вскоре, выронив винтовку, схватился обеими руками за окровавленное лицо младший сержант Михаил Степанович Бочаров — пожилой человек, помкомвзвода. Уже отчетливо были видны припавшие к брустверу окопа стальные каски гитлеровцев; искрились и плясали их автоматы — «шмайссеры». Слово замороженный в этой свинцовой кутерьме, Владимир продолжал стрелять из автомата по врагам. Но вдруг приклад его автомата раскололся пополам (бывает же такое!), а правую руку будто пронизало током. От боли потемнело в глазах, и удержаться на ногах он уже был не в силах. К счастью, ему своевременно оказали первую медицинскую помощь, наложили жгут на раненую руку; потому-то в госпитале долго лечиться не потребовалось.

Результаты наступления частей дивизии в тот день оказались незначительными. Лишь батальонам 1166-го стрелкового полка удалось с кровопролитными схватками потеснить врага и овладеть участком шоссеной дороги Мелитополь — Данило-Ивановка. Сказались и слабая подготовка к боям, и в особенности просчеты нашей разведки. Об этом справедливо говорится в воспоминаниях тогдашнего командира 6-й батареи 915-го артполка старшего лейтенанта Юрия Владимировича Белинского:

«Казалось, что на берегу у Молочной сам воздух был наполнен свинцом и смертью. Наши позиции непрерывно обстреливались врагом, подвергались бомбежке с воздуха. Во время одной из них был убит командир 3-го дивизиона капитан Эдуард Владимирович Головня, боевые заслуги которого являлись столь значительными. С этого участка мы переместились на другой, заняли огневые позиции в саду. Оттуда утром 13 октября провели артподготовку. Весь боекомплект снарядов обрушили на видневшуюся впереди посадку, полагая, что именно там, на переднем крае противника, находились его силы. К глубокому сожалению, это оказалось не так. В ночь на 13 октября противник скрытно отвел свои подразделения из переднего края в глубину своей обороны, оставив лишь малочисленный заслон. По нему-то мы и палили. Вот чем оборачивается неудовлетворительная работа разведчиков — как наших артиллерийских, так и общевоисковых».

Однако в течение 14 октября части дивизии, преодолевая упорное сопротивление врага, продвинулись вдоль шоссе до 3 километров, вплотную подошли к усадьбе совхоза Мукомолье. Батальоны 1168-го стрелкового полка подполковника И. П. Павлюченкова первыми вырвались там к высоте 41,4, которая играла ключевую роль в обороне противника: из нее далеко просматривались южные подступы к Мелитополю.

Потому-то фашисты и держались за нее так неистово, не считаясь с огромными потерями. Сказать только: на подступах к этой высоте, перепаханной сверху донизу разрывами наших снарядов, мин, жестокие схватки продолжались в течение восьми суток! В иные дни гитлеровцы и сами предпринимали по три-четыре контратаки. И только уже к вечеру 22 октября батальонам 1168-го Краснознаменного стрелкового полка во взаимодействии с другими подразделениями дивизии удалось, наконец, овладеть этой злополучной высотой, а также участком прилегающей к ней шоссе до дороги.

Боевой успех достался нам дорогой ценой. Смертью героя пал командир полка подполковник Игнат Павлович Павлюченков, возглавивший своих пехотинцев в решающие минуты атаки.

Весть о его гибели больно ранила сердца всех, кто знал этого мужественного кадрового военного человека, отца троих дочерей. Уроженец небольшой деревушки под Смоленском, он в 1931 году связал свою судьбу двадцатилетнего парня с Красной Армией, в которой ему пришлось быть и красноармейцем, и политруком, и строевым командиром. После окончания в 1943 году курсов «Выстрел» возглавил в нашей дивизии 1168-й стрелковый полк, который и провел в стремительном наступлении из-под Ворошиловграда к огненным мелитопольским рубежам. До 1000 гитлеровских оккупантов было истреблено полком в боях на этом пути, а 62 захвачено в плен.

Званием Героя Советского Союза отметила Родина подвиг подполковника коммуниста Игната Павловича Павлюченкова, павшего в бою за нее в свои тридцать четыре года¹⁾.

Южнее высоты 41,4 — в тянувшихся полосой садах — тяжелый бой с врагом вели воины 1168-го стрелкового полка. Хлынувших там в контратаку гитлеровцев разящим огнем встретили подразделения 3-го батальона майора А. Г. Дарчиашвили. В самом что ни есть высоком темпе действовали и минометчики роты старшего лейтенанта Николая Игнатова. Сотни мин обрушили они на головы фашистов. Особенно отличился взвод лейтенанта Петра Федоренко. Его расчеты стойко держались на своей позиции, без промаха разили обезумевших гитлеровцев. Сам лейтенант не только подавал команды, но и помогал подносить мины, воодушевлял бойцов личным мужеством.

Сдержав натиск противника, а затем отбросив его, батальоны полка овладели сельхозом Мукомолье, находившейся рядом водокачкой и по-

¹⁾ Герой Советского Союза, М., Воениздат, 1988, т. 2, с. 225.

вели наступление в направлении на Удачное.

Ночью на 23 октября гитлеровское командование попыталось было вернуть утраченную высоту 41,4. Однако затея эта провалилась. Вражеские пехотинцы, которых бросили в контратаку, встретили решительный отпор, и почти все были расстреляны. Воины 1168-го стрелкового полка, занимавшие там позиции, беспощадно мстили за смерть своего командира. Временно полком командовал его начальник штаба капитан Н. Ф. Иванов, но в штабе корпуса и армии, куда поступило донесение о гибели подполковника И. П. Павлюченкова, уже подбирали и согласовывали кандидатуру на этот пост.

Всякое случалось на войне. И часто перепетии многих событий были просто непредсказуемы. В самом деле: разве можно было предположить, что в те нескольких октябрьских дня сменятся в нашей дивизии все командиры стрелковых полков?!

19 октября из корпуса в дивизию на должность командира 1164-го полка прибыл майор Петр Наумович Кузькин, человек бывалый, побывавший в огне многих боев. Временно находившийся на этом посту капитан П. С. Бублий передал ему полк, а сам вскоре получил устное распоряжение командира дивизии генерала Станкевского: убыть в 1168-й полк с целью временного исполнения обязанностей его командира.

Дальше произошло поистине непредсказуемое. Майор П. Н. Кузькин был убит в бою в первый же день своего командования полком. На его место в самом оперативном порядке получил назначение майор М. П. Сыдько, до этого находившийся на должности заместителя командира полка в 91-й стрелковой дивизии нашей армии.

В командование же 1168-м стрелковым полком вступил прибывший из корпуса майор П. Ф. Каймаков.

В довершение всего заместителю командира дивизии полковнику И. А. Егорову было приказано возглавить — по совместительству — 1166-й стрелковый полк.

Капитану П. С. Бублию ничего не оставалось, как вернуться на свою должность заместителя командира 1164-го полка. Его письменные воспоминания свидетельствуют о том, что все происшедшее «было воспринято им хотя и с досадой, огорчением, но с полным пониманием: на войне как на войне, что поделаешь!».

В течение 23 октября части нашей дивизии овладели двухкилометровым участком железной дороги Мелитополь — Джанкой, форсировали реку Ташенак. Тесня противника, продвигались вперед и наши соседи: справа — 126-я, а слева — 216-я стрелковые дивизии.

Именно в этот день — 23 октября 1943 года — по нашим боевым позициям разнеслась долгожданная весть: из Мелитополя вышвырнут последний фашистский захватчик, жестокие бои на улицах города завершились!

Вечером столица нашей Родины — Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий войскам бывшего Южного фронт-

та, а с 20 октября ставшего 4-м Украинским фронтом, освободившим этот крупный районный центр Запорожской области. Тем самым была подчеркнута важность победы, одержанной на берегах реки Молочной.

В каждой нашей роте, в каждой батарее, на каждой боевой позиции можно было насчитать десятки и сотни воинов, отличившихся в трудных, ожесточенных боях у Мелитополя.

Мужественно действовал в сложной, опасной обстановке сапер-разведчик 473-го отдельного саперного батальона донбассовец рядовой Андрей Усаткин. Под вражеским огнем ему приходилось снимать немецкие мины или же наоборот — устанавливать свои на танкоопасных подступах к нашему переднему краю. Под Мелитополем восемнадцатилетний Андрей стал кавалером ордена Красной Звезды.

А его ровестник связист из 915-го артполка Алексей Свешников, москвич, в критические минуты боя, когда фашисты приближались к позициям наших пехотинцев и вокруг рвались вражеские снаряды, мины, — устранил семь порывов телефонного провода. Своей самоотверженностью он обеспечил устойчивую связь между командиром дивизиона и огневыми позициями батарей, участвовавших в отражении контратаки врага.

Свой самый серьезный экзамен держал у Мелитополя молодой донбассовец Василий Чульский, незадолго перед этим ставший младшим сержантом, командиром отделения связи в 3-м стрелковом батальоне капитана П. М. Полищука в 1166-м стрелковом полку. И выдержал его достойно, находясь в самом пекле боя, продолжавшегося много часов. А когда он закончился, Василий написал первую свою корреспонденцию в дивизионную газету, рассказал о том, как стойко, бесстрашно сражались его боевые товарищи. Да, это была его первая корреспонденция из тех последующих 122, которые опубликует «дивизионка» в дальнейшем, до конца войны. О доблести, героизме многих и многих фронтовиков будет в них рассказано.

Впрочем, на первых порах своей общественной военковровой деятельности Василию — по уважительной причине — не удалось подготовить для газеты материал на примечательную тему: рядом с его ротой, в соседней 9-й, в одном пулеметном расчете сражались вместе отец и сын Доценки. Младший из них, Антон Доценко, 1923 года рождения, был в расчете первым номером, а Максим Петрович Доценко, 1899 года рождения — вторым. Селидовский райвоенкомат Донецкой области призвал их в Красную Армию в сентябре 1943 года одновременно, потому что дальше они и держались друг друга. Оба под Мелитополем приняли боевое крещение, косив очередями своего ручного пулемета густую цепь контратакующих фашистов. Но в бою на следующий день Антон был ранен. Его место у пулемета занял отец. А перед этим он склонился над сыном, лежавшим уже на носилках санитаров, поцеловал его и молвил сквозь слезы: «Выздоровливай, сынок, поскорее. Матери не будем пока ничего писать — пожадеем ее».

Увы, в дивизионном медсанбате, где лечили Антона и куда снова

привезли раненых из его полка, он вскоре узнал, отец погиб в бою на следующий день после того, как он сам был ранен. Мучительной — на всю жизнь — осталась для Антона Максимовича горечь-боль этой утраты.

Неиссверно трудно, опасно на войне приходилось всем воинам-мужчинам, а каково же было хрупким 17—18-летним девчонкам, добровольно надевшим солдатскую форму? Перед нами странички школьной тетрадки с воспоминаниями Александры Павловны Зубаренко, которую на фронте чаще всего звали лишь по имени — Сашенька. Приведем короткую выписку из них:

«...Для меня нет никакой необходимости сгущать краски или же наоборот — представлять более в розовом цвете, доверяю этим страницам только фронтную правду... На позиции у Мелитополя мы, телефонистки роты связи 1164-го стрелкового полка, прибыли заплаканными, грустными. Ведь только-что похоронили погибшего во время бомбежки начальника связи полка капитана А. И. Быстрякова. А бои, бомбежки, которые довелось увидеть на реке Молочной, трудно описать, это было что-то страшное. Мне приходилось обычно нести дежурство на полковом коммутаторе. Но однажды получила приказ: добраться во 2-й батальон, заменить там убитого телефониста. С трудом приползла на НП этого батальона, чтобы взять в руки телефонный провод и по нему уже искать пехоту на передовой. Но кто-то из офицеров, находившихся на НП, сказал: «Зачем же посылаете эту девчужку в самое пекло?». Оставили меня у аппарата на НП, а парнишку-телефониста, дежурившего здесь, выслали вместо меня вперед. За эти несколько часов, что находилась в батальоне, немецкие самолеты снова пробомбили то место, где находились наша рота связи, санрота и штаб полка. Погибли наша связистка Вера Голубенко, писарь штаба Климишин и многие другие. Вот какими были для нас октябрьские дни 1943 года у Мелитополя. Добавлю еще, что когда-то цветущие, жизнерадостные наши девчата связистки Маша Волкова и Оля Сидоренко вернутся с войны домой израненными, беспомощными инвалидами. Будь же оно навеки-веков проклятым это поколение немцев-гитлеровцев, которое вторглось в нашу страну ордой убийц, насильников, захватчиков».

За мужество и героизм, проявленные в боях на мелитопольских позициях, сотни наших бойцов и командиров удостоились наград. Кавалерами ордена Красного Знамени стали командиры взводов лейтенанты Дмитрий Авдеев и Дмитрий Бобров, орудийные расчеты которых подбили три немецких танка, подавили шесть крупнокалиберных пулеметов и уничтожили десятки гитлеровцев. Оба Дмитрии были ранены в бою, но не оставили свои места до полного выполнения боевой задачи. Орденами Отечественной войны 1-й степени были награждены командир 915-го артполка подполковник А. В. Вережкин, командиры батарей старшие лейтенанты А. И. Иванченко, Н. Р. Осауленко. На груди лейтенанта И. Д. Мостового в те дни засверкал орден Отечественной войны II-й степени. В прошлом комсорг артполка, он у стен Мелитополя был назначен

заместителем командира 2-го дивизиона по политчасти. Человек не из робкого десятка, он во время ожесточенных боев неизменно находился на огневых позициях, воодушевлял людей словом и личным мужеством. Свыше 60 артиллеристов стали тогда коммунистами. Огнем орудийных расчетов дивизиона было уничтожено или подавлено девять пулеметных точек противника, четыре артиллерийские и одна минометные батареи, а в ходе отражения одиннадцати вражеских контратак истреблено до 200 гитлеровцев¹⁾.

Орден Славы III-й степени командир дивизии сам прикрепил к гимнастерке рядового Н. Ф. Родионова, исполнявшего обязанности командира орудия. Вместе с бойцами своего расчета он уничтожил на берегу Молочной немецкий танк «тигр»²⁾.

Части нашей дивизии, как и всей 51-й армии, продолжали развивать наступление в юго-западном направлении от Мелитополя. 24 октября в прорыв был введен 19-й танковый корпус, а днем позже — 4-й гвардейский кавалерийский корпус.

У пехотинцев нашего 1166-го стрелкового полка словно прибавилось и сил, и настроения. Ведь громить врага на позициях у села Удачного им выпало не только при поддержке орудийных расчетов из 915-го артполка, но и танковых экипажей из 79-й бригады 19-го танкового корпуса.

Между тем, сбить противника с ходу не удалось. Укрепившись заблаговременно, фашисты сдержали несколько атак наших войск. Больше того, сами предприняли сильную контратаку, поддержанную шестью тяжелыми танками. В отражении их бешеного натиска участвовали находившиеся там орудийные расчеты 6-й батареи старшего лейтенанта Ю. В. Белинского, экипажи «тридцатьчетверок», а также подъехавшие на «виллисах» противотанкисты из отдельного дивизиона майора К. Т. Шамаева.

Бои за этот населенный пункт грозили принять затяжной характер, что очень беспокоило и командира 1166-го стрелкового полка полковника И. А. Егорова, и комдива генерала Д. И. Станкевского. Выход им обоим увиделся в том, чтобы атаковать противника у Удачном с фронта и с тыла. На том и порешили.

С наступлением сумерок в тыл врага кружным путем отправилась группа полковых разведчиков во главе с младшим лейтенантом Сергеем Леневым. Действовали они, что говорится, решительно, дерзко; впрочем, такое и требовалось от них в данном случае. На рассвете они захватили у фашистов участок траншеи за селом и открыли неумолкающую стрельбу из автоматов, а больше всего — из оставленных немцами пулеметов, благо, патронов к ним было вдоволь.

Пальба учиненная разведчиками, явилась условным сигналом для полковника Егорова. Тот час же он поднял пехотинцев, танкистов, артиллеристов в атаку. Фашисты на этот раз дрогнули, побежали. Да так

¹⁾, ²⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 686044, д. 2186, л. л. 64, 66, 89, 95.

поспешно, что бросили на сельских улицах и огородах шесть орудий и три танка.

За свой боевой подвиг полковые разведчики были удостоены наград Родины. Командир взвода младший лейтенант Сергей Иванович Ленеv одним из первых в дивизии стал кавалером ордена Александра Невского. Многие солдаты и офицеры приходили посмотреть на его «полководческий орден». А в дальнейшем урсуженцу города Челябинска коммунисту С. И. Ленеvu решением местного исполкома Совета народных депутатов было присвоено звание почетного гражданина этого украинского села. Как видим, оно стало для него в полном смысле слова удачным.

Вслед за Удачным воины-дебальцевцы принесли освобождение населенному пункту, название которого тоже являлось необычным — Веселый. А дальше была Григорьевка. В это село пехотинцы и артиллеристы вступили ночью. Было выставлено боевое охранение. Артиллерийские расчеты заняли позиции на южной окраине, а наблюдательный пункт разместили на скирде, находившейся неподалеку. И дорого пришлось расплачиваться за такую неосмотрительность. На рассвете к Григорьевке вырвались немецкие танки, обрушившие шквал снарядов на село, и прежде всего на эту скирду, подожгли ее. Наши артиллеристы тут же вступили в бой, дали отпор фашистам, заставили тех ретироваться. Однако, уже нельзя было вернуть к жизни тех, кого сразили осколки вражеских снарядов, кто спорел в огне на злополучной скирде.

Каждую минуту на войне фронтовики рисковали своими жизнями: кто-то из поэтов даже заметил, что им суждено было все время находиться в обнимке со смертью. Наверное, могло показаться, что в такой обстановке грубели их сердца, души, их насовсем оставляла муза — покровительница искусств. О, нет! И здесь уместно привести строки из воспоминаний офицера артиллериста Александра Федоровича Возиянова, ставшего в результате ранений инвалидом первой группы:

«...Перед войной я закончил три курса Днепропетровского транспортного института. Увлекался музыкой: играл на пианино, аккордеоне, баяне и других инструментах. Об этом знали нашей батареейцы и когда представлялась возможность — приглашали в солдатские землянки, просили сыграть мелодии любимых песен. Хорошо запомнилось мне 26 октября 1943 года. В ходе наступления наши артиллерийские расчеты сделали короткую остановку в усадьбе одного из мелитопольских совхозов: надо было накормить людей обедом, дать корм лошадкам, таскавшим орудия. Там догнала меня радостная весть: войска 3-го Украинского фронта в течение 25 октября освободили мой родной город Днепропетровск! Памятным остался для меня этот совхоз еще одним событием. В местном клубе сохранилось старенькое пианино. Я стал играть на нем после почти трехлетнего перерыва. Играть с великой радостью в душе, с гордостью за наших советских воинов, гнавших прочь гитлеровских захватчиков и убийц. Не заметил даже, как клуб до отказа заполнился

солдатами дивизиона, жителями совхоза. Я играл им фронтовые песни, и слезы у многих катились по щекам».

Гитлеровское командование, лишившись спорных пунктов на мелитопольской земле, отводило свои войска к Сивашу, Перекопу и к низовьям Днепра. От наших воинов, понятно, требовалось неотступно преследовать врага, громить его, не позволять закрепляться на промежуточных рубежах. Именно такие задачи и были поставлены перед созданными в дивизии подвижными боевыми отрядами и группами. В их состав входили стрелки, артиллеристы, саперы, разведчики. Продвигались они на автомашинах, тягачах, на прицепе у которых находились орудия. Натолкнувшись на вражеские заслоны, воины таких передовых мобильных отрядов спешили. Артиллеристы, развернув орудия, тут же открывали огонь, под прикрытием которого их боевые товарищи стремились сбить врага с промежуточных рубежей. И снова — на автомашины, снова вперед! Вслед за передовыми отрядами продвигались стрелковые батальоны; они-то и довершали разгром разрозненных групп противника.

В течение 28 и 29 октября воины-дебальцевцы, отбрасывая арьергарды врага, продвинулись на 60—70 километров, освободили свыше 20 населенных пунктов, среди них Гавриловку, Ивановку, Лиходедовку, Новый Рог. Своих освободителей Северная Таврия встретила порывистыми октябрьскими ветрами. Нагруженные до отказа подводы, автомашины-полторки, орудия в конной упряжке — все это утонуло в песке, к тому же то тут, то там проносились песчаные бури и смерчи.

После изнурительного марша и скоротечных боев с заслонами отходящего врага дивизия достигла 30 октября села Громовки, что в Ново-троицком районе Херсонской области. Там и был получен приказ: наступать к Сивашу.

Под покровом последней октябрьской ночи части дивизии вышли в район Строгановки, а затем заняли хутора Камрат-Казеут (Дружелюбска-ка), Соленый, Коса. Это были уже присивашские места.

Можно предположить, что сама природа наделила Сиваш ролью своеобразного стража на подступах к Крымскому полуострову. Почти 100-километровой полосой мелких заливов тянется он вдоль его северного берега. Ширина этого водного пространства, отдающего тухлым запахом и потому прозванного еще и «Гнилым морем», достигает до 20 километров и только в самом узком месте — 3 километра. Уровень воды постоянно меняется — в зависимости от приливов и отливов. Дно Сиваша покрыто многосметровым слоем вязкого ила.

Данные советской разведки говорили о том, что фашистское командование считало форсирование Сиваша в условиях современной войны нереальным и ожидало главного удара войск Красной Армии со стороны Перекопского перешейка. Это обстоятельство и было учтено нашим командованием. Руководство 51-й армии поручило форсирование Сиваша войскам 10-го стрелкового корпуса генерала К. П. Неверова. А начать переход первой было приказано 346-й стрелковой Дебальцевской дивизии.

Важным условием этой операции должны были стать стремительность, полная неожиданность для противника. Вот почему на ее подготовку отводилось очень мало времени, хотя бойцы и устали после тяжелого марша, а форсировать залив предстояло без специальных переправочных средств.

31 октября командарм генерал Я. Г. Крейзер провёл рекогносцировку местности вместе с командирами соединений, начальниками их штабов и политорганов, командирами частей, уточнил задачу корпуса. Своим боевым приказом он потребовал начать переход Сиваша 1 ноября в направлении мыса Джангара. Соединениям корпуса предстояло овладеть на крымской земле рубежом Чигары, Хаджи-Булат, Биюк-Кият (Камышезка), Уржин и не допустить контратак противника из Уржина на Армянск¹⁾. Основу операции составлял внезапный удар через Сиваш во фланг и тыл перекопской группировки противника.

Буквально в считанные часы все наши стрелковые роты, батальоны были пополнены боеприпасами, обеспечены сухим пайком. Во всех 54 первичных партийных организациях дивизии состоялись открытые собрания коммунистов. На некоторых из них выступили командир дивизии генерал Станкевский, его заместитель по политчасти — начальник политотдела полковник Пантюхов, начальник штаба полковник Белсводов, офицеры управления, штаба, политотдела. Знакомя бойцов и командиров с боевым приказом, они обращались к незабываемому подвигу воинов Красной Армии, которые в ноябрьские дни 1920 года под руководством Михаила Васильевича Фрунзе в этом же месте форсировали Сиваш и разгромили врангелевцев на крымских укреплениях. Стало быть, спустя двадцать три года подвиг отцов и дедов предстоит повторить сыновьям и внукам.

Особенно взволнованным было выступление на собрании во 2-м батальоне 1164-го стрелкового полка пулеметчика коммуниста рядового Кайрама Айдарова.

— Боевые друзья, — сказал он, — перед нами поставлена задача штурмом взять Сиваш, разгромить фашистов на его крымском берегу. Подобную задачу выполнял в 1920 году мой отец красноармеец Мамед Айдаров. Не довелось ему увидеть славной победы героев-фрунзенцев, он погиб в водах Сиваша, отдав свою жизнь во имя революции и Советской власти. Теперь мне, сыну красноармейца Айдарова, Родина и партия доверяют такое же важное задание. И я выполняю его! Выполню во что бы то ни стало! Я знаю, что в предстоящих боях никто из нас не посрамит светлой памяти отцов, чести и славы русского сружия.

Начинать, как и обычно, выпало разведчикам. В ночь на 1 ноября из района Строгановки к противоположному берегу Сиваша отправились сержанты из 414-й дивизионной разведроты Анатолий Косых, Андрей Страх. Силий Зимарин. Ушел через залив с шестью полковыми развед-

¹⁾ ЦАМО, ф. 407, оп. 9837, д. 440, л. 5.

чиками — Басовым, Макаровым, Никитиным, Казаковым, Шмаковым, Винниковым — и младший лейтенант Сергей Ленец.

В организации разведгрупп принимали участие начальник штаба дивизии полковник М. И. Беловодов, начальник разведки дивизии майор Джабраил Кортюев, майор А. П. Жеребятьев из разведотдела 51-й армии, а также офицер штаба армии старший лейтенант Н. Д. Черкасов, который в 1920 году служил в войсках М. В. Фрунзе и сам тогда формировал Сиваш.

А в основную разведгруппу, которую возглавил начальник 2-го отделения штаба корпуса подполковник П. Е. Кузнецов, были отобраны из многочисленных добровольцев 30 самых опытных, выносливых сержантов и красноармейцев, в том числе из нашей дивизии: Николай Борисенко, Степан Свирь, Турдымурат Азимбаев, Хасанби Варитлов. Проводником у них стал местный житель двадцатилетний Василий Заулочный, знавший броды через «Гнилое море». На задание эту группу утром 1 ноября провели командарм генерал Я. Г. Крейзер, комкор генерал К. П. Неверов и комдив генерал Д. И. Станкевский. Каждый из них теперь поминутно подносил к глазам бинокль, всматривался в окутанный туманом южный берег Сиваша. И когда через два с половиной часа разведчики достигли его, и там вспыхнул кустер из сухой травы — курая, ставший своеобразным створным ориентиром для изготовившихся к штурму подразделений, генерал Неверов произнес долгожданную команду:

— Вперед, товарищи!

С крутого берега первыми спустились со всем снаряжением воины 1168-го Краснознаменного стрелкового полка. Их вели командир полка майор П. Ф. Каймаков, замполит подполковник К. Г. Маслов и начальник штаба капитан Н. Ф. Иванов.

На берегу Маслов обратился к бойцам:

— Товарищи! В Крыму за водами Сиваша и укреплениями Перекопа засели фашисты. Нашему полку выпала честь первым перейти Сиваш и ступить на крымскую землю. Идти будет трудно. Возможен налет вражеской авиации. Наверное, с боем придется брать тот берег. Будьте готовы ко всему. За советский солнечный Крым — вперед!

Заткнув полы шинели за поясной ремень, он повернулся кругом и первым шагнул в воду. Вслед за ним в едином порыве входили люди в соленую купель Сиваша, погружались по колено, по пояс, по грудь. Шли с молчаливой яростью; некоторые палками прощупывали коварную тину.

В боевых порядках 1-го батальона этого полка находились командир дивизии генерал Д. И. Станкевский, начальник политотдела полковник А. С. Пантюхов, оперативная группа штаба во главе с его начальником полковником М. И. Беловодовым. Перед началом перехода саперы предложили командиру дивизии для переправы резиновую надувную лодку, но он отказался и велел погрузить в нее боеприпасы. Личный пример командира в той обстановке многое значил, и это оценил в дальнейшем председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, при-

славший генералу Станкевскому сердечное поздравление с награждением орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

В составе 1-го батальона шла и 1-я минометная рота младшего лейтенанта И. П. Субочева. Бойцы несли на своих плечах трубы, лафеты, опорные плиты трех 82-миллиметровых минометов, 19 мин, винтовки, автоматы, патроны к ним, гранаты.

Наравне со всеми груз тяжелой ноши чувствовал на своей спине и старший лейтенант Андрей Снижко. Только несколько дней тому он прибыл в этот полк после излечения в госпитале и был назначен заместителем командира 2-го стрелкового батальона. Теперь он держал свое первое испытание в этой должности.

Плотной группой шли связисты, более двадцати человек: лейтенант К. Павлов, старший сержант И. Иевлев и с ними девушки рядовые А. Голубева, В. Сулева, А. Бедрухина, П. Мирошниченко... Кроме карабинов или автоматов они таскали на себе полевые телефонные аппараты, а мужчины еще по две катушки с кабелем, вес которых составлял почти два пуда. У радистов большими горбами топорщились упаковки радиостанций.

Над Сивашом начал рассеиваться туман. Выглянуло солнце. Впереди отчетливо вырисовался крымский берег с горящим там костром. В это время и появились над заливом немецкие самолеты. Завыли-засвистели падающие бомбы, захрипели лаем в небе крупнокалиберные пулеметы. «Не останавливаться! Вперед! Даешь Сиваш!» — слышались вокруг возбужденные голоса людей.

Кое-кто из бывалых пулеметчиков успел за считанные секунды вставить диски в пулемет и полоснуть свинцовой очередью по фашистским стервятникам. Тех, кто обессилев, падал или был ранен, спешили поднять на ноги оказавшиеся рядом. Военфельдшер младший лейтенант Виктор Мартынов подхватил под руки выбившегося из сил худощавого солдата вместе с его тяжелым противотанковым ружьем. Дальше так они и шли — в обнимку. А в другом месте слышался тревожный голос старшего лейтенанта Снижко: «А где же Слава Кононов?». Осмотрелись вокруг и увидели: поднимается из под воды Славина рука. Потянули — оказалась голова. Попал парень в воронку. Еле вытащили. Попробовали поставить — а он стоять не может. На себе его потащили около десятка солдат. В дальнейшем Кононов хорошо воевал, много раз ходил в разведку.

Вслед за 1168-м полком через Сиваш шел 1164-й стрелковый полк во главе со своим командиром подполковником М. П. Сыдько, замполитом майором Н. А. Рыбкиным и начальником штаба майором Е. Н. Голубенко.

А 1166-й стрелковый полк двинулся через залив уже в ночь на 2 ноября. Его вели командир полка полковник И. А. Егоров, замполит майор Г. Ф. Лубягов, начальник штаба майор И. П. Тычина. Среди бойцов полка шли медики: врач М. Черняева, фельдшеры З. Бурцева и Е. Гон-

чарова, три санитаров. Здесь же была и первая группа медиков из дивизионного медсанбата, которую возглавлял врач майор В. Н. Козлов. Ночь эта была темная, дождливая. Немцы вешали над заливом осветительные ракеты, обстреливали идущих через него людей. Но ничто не могло остановить наступательного порыва советских воинов.

А что же происходило там, впереди — на крымской земле?

Об этом, в частности, оставит свое письменное свидетельство помощник командира взвода старший сержант А. А. Косых, который вместе со своими боевыми товарищами-разведчиками одним из первых «промерил» вязкое дно «Гнилого моря».

«Полагаю, — читаем в его рукописи, — что нашим верным союзником стал туман. Он заслонил нас, разведчиков, от вражеских глаз. И без единого звука или выстрела достигли крымского берега. Там узнали: на охрану этого участка гитлеровцы выставили два десятка чешских солдат с двумя крупнокалиберными пулеметами. К нашему удивлению и к нашей радости, чехи подпустили нас к себе без выстрела и заявили о своей готовности сдаться в плен. Сообщили, что ежедневно, в 16.00, проверять их приезжает на «копеле» немецкий офицер, комендатура которого находится в селе Тарханы. Время как раз близилось к 16.00. И мы при содействии чехов захватили и обезоружили этого немецкого капитана, а водителя автомашины убили, поскольку тот оказал дикое сопротивление. С подходом наших войск передали по назначению и гитлеровца, и чешских солдат. Не могу однако простить себе допущенной тогда оплошности: не догадался занести в блокнот фамилий и адресов кого-либо из этих чехов. Ведь по прошествии лет пришел к выводу, что такое их поведение, несомненно, явилось проявлением лучших интернациональных чувств к нашему народу. Откровенно говоря, для них не составляло особого труда расправиться со всеми нашими разведчиками. А что было бы, если они ударили бы со своих крупнокалиберных пулеметов и десятков карабинов по нашей колонне, форсирующей «Сиваш?».

Основная группа разведчиков, возглавляемая подполковником Кузнецовым, захватила штабную машину с двумя офицерами, которые показали, что к утру 2 ноября к берегам Сиваша должна подойти 336-я немецкая пехотная дивизия, усиленная артиллерией и танками. Командующий армией приказал командиру 10-го корпуса ускорить переправу на южный берег также 216-й и 257-й дивизий. Их батальоны вошли в студёные ночные воды Сиваша вслед за нашим 1168-м стрелковым полком.

На рассвете 2 ноября в бой с подходившими пехотными подразделениями противника первыми вступили разведчики. А спустя каких-то полтора часа командир 1168-го стрелкового полка майор П. Ф. Каймаков доложил по радию на наблюдательный пункт командира дивизии, что в районе села Тарханы его батальоны с трудом отразили контратаку вражеской пехоты и пяти немецких танков. Сражаться нашим стрелкам пришлось без артиллерийской поддержки; в борьбе с танками они могли использовать лишь противотанковые ружья и гранаты. Именно так уда-

лось им подбить две машины, остальные дали задний ход. Однако свой доклад майор Каймаков закончил словами: «Без артиллерии мы как без рук».

Это понимал и генерал Станкевский. К сожалению, получилось вовсе не так, как гадалось. Планом боевой операции определялось, что артиллеристы обеспечат форсирование Сиваша и захват плацдарма огнем с северного берега. В дальнейшем они направятся к Перекопскому перешийку и через него придут в район севернее Тархан, чтобы уже на крымской земле поддержать боевые действия стрелковых частей дивизии. Но ход событий принял другой оборот. Во-первых, форсирование Сиваша и захват плацдарма обошлись без артиллерийской подготовки и поддержки. Во-вторых, обстановка на Перекопском перешийке сложилась для нас неблагоприятной: противнику удалось задержать там, на сильно укрепленном рубеже, наступление советских войск. В результате — свободного пути в Крым по суше для наших артиллеристов пока не было.

Оставалось одно: переправлять орудия через Сиваш. Таков приказ и получили артиллеристы.

Пальма первенства в этом нелегком, беспрецедентном деле по праву досталась орудийному расчету из полковой батареи 1168-го стрелкового полка в составе четверки мужественных людей: командира орудия коммуниста старшего сержанта татарина Гаяза Хасанова, наводчика украинца Петра Луценко, заряжающего белоруса Даниила Хижняка, ящичного русского Ивана Ртищева. Погрузив свою «сорокапятку» и снаряды на самостеренный саперами плот, они вчетвером впряглись в постромки и всю ночь тащили через Сиваш свою тяжелую поклажу. Лишь на рассвете вышли наконец из ледяной воды, но вытянуть пушку на крымский берег уже не хватило сил. Помогли подоспевшие саперы. Потом все вместе катили ее долгие восемь километров к переднему краю — туда, где шел бой. Заняв место в боевых порядках стрелков своего полка расчет старшего сержанта Хасанова вскоре подбил немецкое штурмовое орудие, поддерживавшее контратаку гитлеровцев.

За мужество и отвагу все четверо артиллериста были отмечены боевыми наградами, сам Г. Хасанов стал кавалером ордена Красного Знамени. Получил его расчет и новую пушку, так как прежнее 45-мм орудие с заводским номером 6653, побывавшее в сивашской соленой купели, по приказу командования еще в военную пору было отправлено в Центральный музей Советской Армии.

По примеру расчета Хасанова начали переправу орудий, пушек все наши артиллеристы. Дело это возглавили: командующий артиллерией дивизии полковник Н. А. Почиталов, дивизионный инженер майор И. В. Шарыгин, начальник штаба 915-го артиллерийского полка капитан К. И. Рыбаков.

Орудия без передков (последние вместе с лошадьми оставлялись на берегу) грузили на плоты, которые сооружались саперами и мастеровыми огневиками из подручных средств: старых лодок, бревен, досок,

железных бочек. Поскольку эта поклажа получалась в общей массе солидной — достигала вместе с погруженными ящиками снарядов двух и больше тонн, то тащить ее волоком впрягались 60 и даже 70 человек. К тому же совершать эти неимоверно изнуряющие рейсы требовалось ночью, так как днем над заливом шныряли немецкие самолеты.

Первым переправился один из расчетов 7-й батареи 915-го артполка. Командир батареи старший лейтенант Н. Р. Осауленко лично руководил переправой.

Вслед за ними в тяжелый путь начали снаряжаться огневики 5-й батареи старшего лейтенанта А. И. Иванченко. Один за другим в холодные воды Сиваша входили со своей тяжелой поклажей орудийные расчеты сержантов А. Таланова, Б. Бердышева, Г. Степанюка. Возглавил их переправу лейтенант А. Ф. Возиянов. Когда сержант Степанюк через несколько часов многотрудного пути ступил на крымский берег, то заместитель командира дивизиона по политчасти лейтенант Мостовой вручил ему, принятому накануне в партию, партийный билет, сердечно поздравил его со званием коммуниста.

А первую 122-мм гаубицу переправил через Сиваш личный состав 3-й батареи капитана К. Г. Малахова. Руководил переправой лейтенант И. А. Дьяченко.

На крымском берегу артиллеристы пока не располагали средствами тяги (лошади не могли преодолеть «Гнилое море» с его многометровым слоем вязкого ила). Что же было делать? Выход из положения подсказал капитан Рыбаков. Он только-что вернулся из освобожденного села Камышевка и привел брошенную гитлеровцами пару быков, запряженных в арбу. К ней-то и прицепляли орудия, а на переднюю часть грузили ящики со снарядами. Необычный «кортеж» отправлялся к переднему краю.

К исходу 4 ноября врага на крымской земле уже громили расчеты шести 76-мм орудий и пяти пушечных батарей. А переправа продолжалась.

Для переброски снарядов через Сиваш артполку был выделен самолет «ПО-2». Поскольку один ящик со снарядами для 122-мм орудия весил около 50 килограммов, то летчик, сделав расчеты, пришел к выводу: ему следует выполнять рейсы без стрелка. В таком случае он будет доставлять каждый раз не один, а два ящика. Пожалуй, это было оптимальное решение. Произошла трагедия. Летчик совершал уже последний рейс, когда на него, безоружного, коршуном набросился фашистский «мессершмидт». Отважному авиатору удалось дотянуть до крымского берега, посадить самолет, но полученное им ранение оказалось смертельным.

Серьезный экзамен держали связисты артиллерийского полка, которых возглавлял капитан П. С. Симушин. В течение почти пяти часов не выходили они из холодных сивашских вод, покамест не протянули на шестах между обеими берегами три телефонно-кабельные линии. Вместе

с тем капитан Оммушин сумел без промедления обеспечить связь между наблюдательными пунктами и огневыми позициями полка, сражавшегося уже на крымской земле.

Изо-дня-в день, из часа на час противник подтягивал из глубины Крыма резервы и бросал их в бой, несомненно, с задачей ликвидировать захваченный советскими войсками сивашский плацдарм. С трудом сдерживали наши части и подразделения яростный натиск врага.

Своеобразное положение сложилось в 1166-м стрелковом полку. Два его батальона совместно с всинами 1168-го стрелкового полка отражали контратаки противника в районе Тархан. Третий батальон во главе с командиром капитаном П. М. Полищуком занял позиции на северной окраине Монастырки. Там же в это время находились командир полка полковник И. А. Егоров, его заместитель по политчасти майор Г. Ф. Лубягов, комсорг полка старший лейтенант Федор Вишняков, некоторые офицеры штаба. Неожиданно фашисты предприняли сильную контратаку и там — в районе Монастырки. Несколько часов сдерживали наши воины их натиск. Но силы оказались слишком неравными. Поредевший более чем наполовину батальон капитана Полищука, а с ним и офицеры управления и штаба полка вынуждены были отойти назад, к озеру Кирлеутскому. Бойцы и офицеры сражались до последних сил. Командир отделения старший сержант Леонид Кучумов, тяжело раненный, истекая кровью, в упор расстреливал гитлеровцев. Мужественный воин-коммунист погиб как герой. Его подвиг отмечен орденом Отечественной войны 1-й степени.

Лишь глубокой ночью остаткам батальона во главе с помощником начальника штаба капитаном И. Д. Полтсрацким удалось вырваться из вражеского окружения. Той же ночью Федор Вишняков вместе с лейтенантом Петром Федоренко и несколькими бойцами вынесли через Кирлеутское озеро тяжело раненого в схватке с фашистами майора Г. Ф. Лубягова. А несколько позже из окружения с боем вышла еще одна группа воинов полка; с ними были полковник Егоров, капитан Полищук.

Не оставили фашисты в покое и Ашкадан, в котором находился командный пункт дивизии. Хлынули на его окраины вслед за массированным ударом по селу немецких бомбардировщиков. Оборону Ашкадана организовали и лично возглавили командир дивизии генерал Д. И. Станкевский и начальник политотдела полковник А. С. Пантюхов. Им удалось отбросить противника назад. Большое мужество в схватках за Ашкадан проявили воины минометной роты младшего лейтенанта И. П. Субочева — из 1168-го стрелкового полка. Израсходовав все мины, они действовали как стрелки: разили врагов из винтовок, автоматов, а связками гранат подожгли два немецких танка.

На окраине Ашкадан во время вражеской бомбежки была заживо погребена в своем окопчике связистка Катя Павленко. Лишь хвостик ее косы остался торчать над земляной насыпью. Это и дало возможность спасти ее. Оказавшиеся поблизости однополчане откопали ее, выхсдили. Пошутили даже: «Воевать, да воевать теперь тебе, Катенька, ты у нас

завороженна!»).

Гул боя не смолкал в те дни и в районе села Томашевка. Сражался там 1164-й стрелковый полк подполковника М. П. Сыдько. Гитлеровцы, не считаясь с потерями, стремились во что бы то ни стало захватить высоту 30,3, находившуюся на подступах к этому селу. Упорно, до последней возможности отстаивали свои позиции все подразделения полка — пехотинцы батальона майора Моисея Кукленко, роты капитана Анатолия Сухарева, пулеметчики роты лейтенанта Пантелея Повсютина, минометчики роты капитана Александра Чуприны. Однако удержать высоту 30,3 и саму Томашевку не удалось. Сказалось и численное, и техническое превосходство противника, который контратаковал наши позиции танками, обстреливал артиллерией, бомбил с воздуха.

В трудных, кровопролитных боях отмечали воины нашей дивизии, как и всего 10-го корпуса, 26-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Полкам дивизии не удалось до конца выполнить боевую задачу: выйти в район населенных пунктов Бесчестное, Мирный Труд, Воинка. Больше того, они не смогли удержать некоторых уже отбитых у противника крымских сел. Это последнее обстоятельство, как видно, очень огорчило командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина. Он счел необходимым связаться по телефону с командиром дивизии генералом Станкевским и сказал, что 346-я Дебальцевская самым лучшим образом показала себя при формировании Сиваша, поэтому ему не хочется верить, что она могла отдать обратно врагу завоеванное с боем, с кровью...

Суровый упрек командующего фронтом, обратившегося к нему через головы командарма и комкора, не мог не взволновать обычно хладнокровного, уравновешенного генерала Станкевского. О содержании разговора с генералом Толбухиным он поведал своим заместителям, офицерам управления дивизии. И каждый из них, как и сам комдив, понимал, что возразить им командующему фронтом было нечем.

В этой связи необходимо было воспринимать и некоторые дальнейшие события.

«Сиваш форсировали части 10-го стрелкового корпуса, — отметил в своих мемуарах Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, в период Великой Отечественной войны начальник штаба Южного, в дальнейшем 4-го Украинского фронта. — Особенно хорошо проявила себя 346-я стрелковая дивизия. Она первой стала осваивать так называемую Малую землю...»¹⁾).

В исторической литературе отмечается, что после успешного форсирования Сиваша поступила телеграмма Верховного Главнокомандующего; он потребовал представить участников операции к награждению орденами и медалями, а особо отличившихся — к званию Героя Советского Союза. Текст телеграммы немедленно был доведен до солдат, сержантов и офицеров всех частей корпуса²⁾.

¹⁾ Бирюзов С. С. Суровые годы: 1941—1945. М., 1966, с. 235.

²⁾ С. М. Саркисьян. 51-я армия (боевой путь). М., 1983, с. 170—171.

Верно. Весть об этой телеграмме облетела тогда и все части нашей дивизии. Были оформлены документы не только для награждения отличившихся орденами и медалями, но и на присвоение звания Героев. Но эти последние дальше штаба фронта не ушли: командующий и Военный совет приняли решение наградить этих товарищей тоже орденами.

— Генералу Федору Ивановичу Толбухину нельзя было отказать не только в высокой требовательности, принципиальности, но и человеческой справедливости. Забегая вперед, сообщим, что в период наступательных боев в Крыму, когда полки нашей дивизии прорвут оборону врага и погнут его прочь, газета 4-го Украинского фронта опубликует передовую статью под заглавием: «Воевать, как солдаты генерала Станкевского»¹). Думается, что без ведома командующего такая статья, обращенная к личному составу всех частей и соединений фронта, не могла бы увидеть свет.

К 10 ноября 1943 года 10-й стрелковый корпус 51-й армии занял плацдарм на южном берегу Сиваша протяженностью 18 км по фронту и 14 км в глубину. Только с 1 по 10 ноября на фронте частей армии, как свидетельствуют документы, противник потерял убитыми 8932 солдата и офицера; было уничтожено 16 танков, 51 орудие, 75 минометов, 318 пулеметов, взято в плен 732 солдата и офицера; захвачено 11 танков, 9 орудий, 15 минометов, 132 пулемета, 2 склада и много другого военного имущества²). В каждой из этих цифр надо было видеть частички тех воинских достижений — малых и больших, — из которых складывалась наша грядущая Победа.

На этом завершилась Мелитопольская наступательная операция 51-й армии, начавшаяся на реке Молочной.

Напомним, что 1 ноября одновременно с форсированием на нашем фронте Сиваша воины Северо-Кавказского фронта (вскоре преобразованного в Отдельную Приморскую армию), завершив разгром фашистов на Таманском полуострове, во взаимодействии с кораблями Черноморского флота и Азовской военной флотилии форсировали Керченский пролив, отбили у врага важный оперативный плацдарм.

Таким образом, немецкие войска в Крыму оказались в изоляции. Советских воинов ожидали бои за полное освобождение крымской земли от фашистских захватчиков.

¹) 20 апреля 1944 г.

²) ЦАМО. ф. 407, оп. 9837, д. 440, л. 13—43.

5. ОСВОБОЖДАЯ КРЫМ

ДИВИЗИЯ НАША — КРАСНОЗНАМЕННАЯ!

Можно было догадываться, как почувствовал себя хвастливый гитлеровский генерал Енеке, когда ему сообщили: русские в Крыму! Ведь незадолго перед этим он, командующий 17-й полевой армией врага, а приказе-обращении к своим солдатам уверял: «Крым на замке! В мире нет такой силы, которая была бы способна прорвать немецкую оборону!»¹⁾

Осрамился фашист в генеральской форме. Однако нельзя было не считаться с тем, что возглавляемая им армия насчитывала более десяти немецких и румынских дивизий и в добавок к этому ей подчинялось большое количество отдельных артиллерийских, строительных, охранных, полицейских частей. Не являлось секретом и то, что гитлеровское командование, учитывая стратегическое значение Крыма, намеревалось любой ценой удерживать его. Еще бы! Сохраняя за собой полуостров, захватчики рассчитывали держать под постоянной угрозой левый фланг советско-германского фронта, лишить советское командование возможности использовать военно-морские базы на Черном и Азовском морях, и, что было очень важно в политическом отношении, продолжать оказывать давление на Румынию, Болгарию и Турцию.

Всем этим, несомненно, объяснялось и яростное стремление противника смять, сбросить в Гнилое море советские войска на Сивашском плацдарме. Следовало ожидать, что он и впредь не откажется от своих контратак. Нет, не подкачала наша разведка! Во-время было установлено, что гитлеровцы снова собираются с силами, готовятся, по всей вероятности, нанести по советским войскам на Сивашском плацдарме решительный удар.

Но и наши бойцы, командиры в предвидении нового вражеского удара не сидели сложа руки. Подразделения окопались. Саперы создали минные поля и другие инженерные заграждения. На плацдарм было переправлено значительное количество артиллерии, минометов, улучшилось снабжение боеприпасами. Прибыли и установки реактивных минометов — «катюши».

В воздухе, как принято было говорить среди фронтовиков, запахло большой грозой. Разразилась она утром 27 ноября 1943 года.

И тут мы приведем строки из воспоминаний комсорга 2-го батальона 1164-го стрелкового полка лейтенанта Анатолия Куликова, находившегося в то утро на переднем крае среди бойцов 4-й роты:

«...Было 7 часов 45 минут, когда появились немецкие самолеты и начали бомбить боевые порядки нашего полка, а также соседнего — 1168-го и переправу на Сиваше. В 8 часов до нас донесся скрип «кишак» — немецких шестиствольных минометов. Вслед за ними открыла огонь артиллерия противника. Вскоре мы увидели, как из-за бугра на-

¹⁾ Бирюхов А. А. Перекоп. — Симферополь, 1976, с. 82.

чала выползать немецкая пехота — это был сплошной «муравейник». Показались и танки; но шли они не впереди пехоты, как обычно, а по сторонам от нее, словно бы конвоировали ее. Я насчитал двадцать пять танков, но конца им пока не было, из-за бугра поднимались все новые машины. Первые ряды гитлеровцев подошли на расстояние примерно в 200 метров. Мы открыли по ним ружейно-пулеметный огонь. Вражеские цепи дрогнули, заколебались. И в этот-то важный момент по ним и ударили «катюши». Залпы были исключительно точными. Когда впереди рассеялись дым и пыль, мы увидели вспаханное снарядами поле, сплошь устланное трупами врагов. Горело и несколько танков. Поверьте, что, стоя в сырых солончаковых траншеях, мы плакали от глубокого волнения, радости: подлым фашистским захватчикам досталось по заслугам!...

Отражением этой сильной атаки противника, чем-те походившей на психическую, руководил командир дивизии генерал Станкевский. Это по его команде расчеты реактивных минометных установок произвели снайперские удары по скоплению немецкой пехоты, танков.

Казалось, что после такого разгрома враг откажется от дальнейших атак. Но куда там! Рассвирепевшее от неудач фашистское командование, возможно, даже по указке самого генерала Енеке, вновь и вновь — девять раз — бросало свою пехоту и танки на штурм позиций советских воинов. А самолеты противника — «Хенкель-III» и «Ю-88» — совершили в этот день, по показаниям пленных, свыше 350 вылетов, сбросили на плацдарм тысячи бомб.

Обливаясь кровью, громили врага наши пехотинцы, минометчики, артиллеристы.

Осколком немецкого снаряда был тяжело ранен отважный командир минометного расчета из 2-го батальона 1166-го стрелкового полка сержант Григорий Аникеев. И хотя вражеский обстрел не прекращался, командир взвода лейтенант Константин Дунин завалил на себя терпящего сознание боевого товарища и доставил его к санитарной повозке, которая тут же направилась к медсанбату. Своевременно сделанная операция спасла сержанту жизнь. А когда через годы они снова встретятся друг с другом, то К. С. Дунин будет уже полковником, а Г. И. Аникеев — подполковником.

От вражеских бомб и снарядов, пожалуй, наиболее пострадали огневые позиции 2-го дивизиона капитана П. Ф. Коваленко, находившиеся в центре боевых порядков дивизии. Могло показаться, что у орудий не осталось в живых ни одного человека. Но едва после очередной бомбежки или обстрела рассеивались дым, гарь и раздавалась команда капитана «К бою!», как из своих надежных укрытий появлялись огневики и орудия снова сотрясались от выстрелов.

Как и всегда, слаженно, уверенно действовали орудийные расчеты сержантов Прапорщикова, Степанюка, Миронова, Таланова. Но вот в расчете Таланова закончились снаряды. Доставить их приказано старшему сержанту Глыз и артиллерийскому мастеру сержанту Родину. Про-

ворно оборачиваясь, оба таскали на плечах ящик за ящиком. Не могли остановить их даже свинцовые очереди вражеских пулеметов, которые появились недалеко от пункта боепитания. Теперь оба они привязывали ящики к сапогам и тащили ползком.

Без промаха разил врагов орудийный расчет сержанта Николай Банько, и в этом была немалая заслуга мужественного наводчика младшего сержанта Николая Должикова.

С утра и до вечера не прекращались бои. Фашисты не прошли ни на одном из участков обороны нашей дивизии, хотя кое-где и достигли позиций стрелковых батальонов и рот. В штыковых схватках они были отброшены, понеся большой урон. Только убитыми противник потерял свыше 350 своих солдат и офицеров, а также лишился 22 танков. Только после этого гитлеровцы прекратили атаки.

В ожесточенных, кровопролитных схватках сложили головы и многие воины-дебальцевцы. В этот огненный день 1168-й Краснознаменный стрелковый полк лишился своего командира майора Пахома Федоровича Каймакова. Кадровый военный человек, он с начала войны командовал в различных частях стрелковой ротой, позже — батальоном. В боях под Сталинградом заслужил орден Красного Знамени. На мелитопольской земле принял в нашей дивизии полк, с которым ему выпало первым прокладывать путь через Сиваш, а затем, уже на крымской земле, поднимать бойцов в первые атаки. Он знал, что вражеские пули разят прежде всего тех, кто идет впереди. Знал, но, не страшась, шел первым. Личным мужеством, отвагой, бесстрашием он, офицер-коммунист, вдохновлял пехотинцев, вел их на разгром врага. За славные боевые дела и героизм, проявленные при форсировании Сиваша и на крымской земле, П. Ф. Каймаков удостоился второго ордена Красного Знамени. Дань уважения Пахому Федоровичу отдаст в своей книге «О Великом и Вечном» писатель В. Величко.¹⁾

Дважды сменились за несколько фронтовых месяцев командиры 1168-го стрелкового полка. Под Мелитополем осколок фашистского снаряда остановил сердце подполковника Игната Павловича Павлюченкова. Его преемник пал в бою на крымской земле.

Обязанности командира полка теперь снова исполнял начальник штаба капитан Н. Ф. Иванов. Во всем облике этого стройного тридцатилетнего офицера чувствовались собранность, надежность. Уроженец города Ананьева Одесской области, комсомолец Николай Иванов перед самой войной закончил Киевское военное пехотное училище. Крещение огнем принял под Каменец-Подольским, будучи командиром роты в 564-м стрелковом полку 169-й стрелковой дивизии. Отходил со своими пехотинцами к Умани, в бою под этим городом был ранен. Позже воевал под Сталинградом, там стал коммунистом. И снова — ранение, госпиталь. Теперь судьба привела его в нашу дивизию. А впереди Николая Федоровича

¹⁾ Величко В. О Великом и Вечном. — М., 1957, с. 91-92.

ждали и новые суровые испытания, и повышения по службе, и учеба в военной академии, звание генерал-майора.

Противник отказался наконец от массированных контратак, и на Сивашском плацдарме установилось относительное затишье. К этому времени остальные войска 51-й армии совместно с 19-м танковым и 4-м гвардейским кавалерийским корпусами ворвались на Перекопский перешеек и, сломив упорное сопротивление врага, захватили Турецкий вал в направлении Армянска.

Крым ждал своего избавления от фашистской неволи. Но решение этой задачи задержалось. Причиной стало то, что во второй половине ноября началось контрнаступление немецко-фашистских соединений с никопольского плацдарма. Враг нацелил главный удар против 5-й ударной армии. Завязались ожесточенные бои, в ходе которых контрнаступление фашистских войск было отражено. Но, как отмечается в нашей исторической литературе, советскому командованию пришлось отложить операцию по ликвидации никопольского плацдарма. Было отодвинуто также начало операции 4-го Украинского фронта по освобождению Крыма.¹⁾

Рано или поздно, а час освобождения Крымского полуострова придет; об этом люди в нашей дивизии говорили убежденно, заинтересованно. А пока суд да дело, они совершенствовались и укрепляли свои позиции в районе села Ашкадан, наращивали запасы боеприпасов, вели разведку. Уже стало известно, что впереди наших позиций противник, опираясь на многочисленные межозерные дефиле и высоты, создал 3-х ярусную оборонительную полосу с густой сетью дотов, дзотов, траншей, ходов сообщений, различных заграждений. Надо полагать, командующий блокированной в Крыму 17-й немецкой армией генерал Енеке неспроста слыл в военных кругах Германии крупным специалистом по созданию фортификационных сооружений.

За земляные работы в нашей дивизии горячо взялись не только пехотинцы, артиллеристы, саперы, связисты, но и тыловики: оружейные мастера, повозочные, санитары, повара. В этом необычном соперничестве первенство по праву досталось отделению младшего сержанта комсомольца Якова Трофимова из 473-го отдельного саперного батальона. В течение месяца он вместе со своими солдатами построил 30 блиндажей, два наблюдательных пункта и отрыл 250 метров ходов сообщений полного профиля, то есть в человеческий рост. За самоотверженный ратный труд младший сержант Трофимов был награжден орденом Отечественной войны I-й степени, а бойцы отделения — медалями.

Для перекрытия блиндажей, землянок остро не хватало леса, стройматериалов. В ход шло все, что только могло удерживать слой земли, в том числе подобранные в местах боев части разбитого немецкого оружия, боевой техники, ящики из-под снарядов, патронов.

¹⁾ История второй мировой войны 1939-1945, т. 7, с. 269-270.

Плодом солдатской смекалки явились и так называемые «лисы норы». Это были ямы глубиной до полутора-двух метров, с накатом, которые отрывали впритык к траншеям. Вместе с тем, для того, чтобы сподручнее было выскочить из траншеи по сигналу «Вперед!», везде копались для этого ступеньки, а также отводы, так называемые «усы». В дальнейшем «усы» начали соединять между собой ходами сообщения. В результате наши пехотинцы с каждым днем все ближе «подкапывались» к позициям гитлеровцев. На некоторых участках это расстояние составляло всего 80, а то и 60 метров.

В те холодные, неприветливые осенние и зимние дни и ночи воинам-дальцевцам приходилось действовать, что называется, на два фронта. Дело в том, что хотя мостовые переправы через незамерзающий соленый Сиваш уже были наведены инженерно-саперными подразделениями, но они систематически разрушались огнем немецких артиллерийских батарей, бомбежкой с воздуха, наконец, налетавшими бурями. И что было делать? Днем наши люди несли службу на своих боевых постах, а ночью группами и в одиночку переходили залив труда и обратно. Выносили с плацдарма раненых, а на обратном пути доставляли на своих плечах боеприпасы, продовольствие, различное имущество.

Больше, чем кому другому, доставалось саперам — «трудягам из хозяйства Шарыгина»; так называли их по имени дивизионного инженера. По 10-15 часов в сутки находились они в холодной воде под огнем с воздуха и земли. Ноги коченели от сырости и холода, соль разъедала кожу, но чувство воинского долга было сильнее физических тягот. Люди мужественно переносили нечеловеческие испытания. Вот строки из документов того времени, запечатлевших свершения их ратного труда: «Сапер Семенов Иван Алексеевич перешел Сиваш 272 раза; сапер Поповский Степан Ефимович — 265 раз; сапер Еремин Николай Иванович — 256 раз. Не менее 70 раз каждый переходили с грузом через беспокойный залив сержанты Петр Плотников, Анаполий Кузнецов, Юрий Вдовин».¹⁾

В документах, понятно, не могли быть названы все, кому пришлось сотни и десятки раз мерять вязкое дно Сиваша. Нет в них, к сожалению, и фамилии красноармейца М. И. Архипова, повозочного из управления 3-го дивизиона 915-го артполка. А ведь он 23 раза доставлял через залив на своих плечах фураж для лошадей (они в конце концов были переведены по мостовой переправе на плацдарм).

Следует назвать и имена отважных, мужественных саперов Василия Степановича Терпелюка, Алексея Ивановича Козаренко. Первый из них за фронтовые заслуги был награжден двумя орденами Красной Звезды, второй — орденами Славы 2-й и 3-й степеней, медалью «За отвагу».

Командир отделения из 1166-го стрелкового полка младший сержант Василий Чульский нес через залив свои корреспонденции в «дивизионку», а возвращался назад с пачками газет.

¹⁾ ЦАМО, ф. 346-й с. д., оп. 73229, д. 3, л. 326.

«...Тяжелыми, опасными были те переходы через Сиваш, — отмечает в своих воспоминаниях тогдашний командир медсанбата дивизии врач майор Владимир Николаевич Козлов. — Доставалось всем, и особенно медицинским сестрам — девушкам. Понятно, мы посылали только желающих. Но и таких доброволок всегда набиралось больше, чем требовалось. Они ни в чем не уступали мужчинам, бесстрашно держались под вражескими снарядами и бомбами, сопровождая лодки и плоты с ранеными, с медицинскими грузами. Своим мужеством, своей заботой наши отважные девушки помогли спасти жизни многим солдатам, командирам».

Похвалу эту можно было отнести в одинаковой мере к медицинским сестрам Екатерине Удовенко, Прасковье Гонтарь, Серафиме Шкуратовой и многим другим.

Прямо таки героически проявили себя тогда и наши связистки Надя Власенко, Вера Ходакова, Татьяна Сербина, Зоя Скорикова, Вера Компаниец, Мария Бровкина, Люба Боцманова, Александра Степаненко, Нина Гончарова, Екатерина Павленко, доставлявшие вброд через Сиваш все необходимое для поддержания надежной войсковой связи. По молодости всем казалось, что невзгоды эти им непочем, все обойдется. Но увы, пройдут годы и «купание» в ледяной воде залива скажется для многих недомоганиями, болезнями.

На Сивашском плацдарме с его исключительно сложной обстановкой серьезный экзамен держали «тыловики» — хозяйственники дивизии. Возглавлял их теперь подполковник Василий Михайлович Почебут — человек расторопный, энергичный. Искать его в любое время суток следовало на переправах, где то и дело слышался его густой бас:

— Патроны, снаряды, продовольствие грузить на понтоны вне всякой очереди! Понятно? И точка!

Случалось, он сам подхватывал стокилограммовые ящики со снарядами и вместе с солдатами тащил их от автомашин и повозок к понтонам.

Не покладая рук, не досыпая ночей, трудились и сотни его подчиненных. Артиллеристам хорошо был знаком заботливый заместитель командира полка по материально-техническому обеспечению майор А. А. Гаврилин, а пехотинцам 1166-го стрелкового полка — такой же хлопотливый майор П. В. Филиппов. Авторитет, уважение заслужили в своих подразделениях старшины Иван Логутов, Тит Титов, Петр Сахно, командиры хозяйственных отделений Степан Ильин, Григорий Кулагин, повара Михаил Ровнов, Григорий Грибанов...

В тех трудных условиях заботливые хозяйственники сумели даже наладить помывку людей. Для походных баней рыли котлованы, накрывали их брезентом. Посредине котлованов устанавливали железные бочки, грели в них воду. Группами приходили бойцы с переднего края на помывку и возвращались словно помолодевшими.

Пожалуй, больше всего давал о себе знать холод. О дровах можно было только мечтать. В качестве топлива использовалась местная трава — курай. Но вскоре он везде на плацдарме был собран и сожжен. Теперь старшины рот и батарей вместе с находчивыми бойцами отправлялись за топливом в далекие походы; случалось, собирали курай даже на нейтральной полосе, где передвигаться можно было только по-пластунски.

Никуда не поденешься: надо было привыкать людям и к местной горько-соленой питьевой воде. А сваренный с ее помощью в солдатском котле перловый суп почему-то становился по цвету синим. Потому что все столующиеся в один голос называли его «синим платочком».

Трудно, очень трудно приходилось людям на Сивашском плацдарме. Но разве поддался унынию, пессимизму в то время кто-либо из наших пехотинцев, артиллеристов, саперов, связистов? Разве приумолкли в землянках ротные гармошки? Никакие трудности и лишения не в силах были охладить боевой дух людей, сражавшихся с глубокой верой в победу, с пониманием сыновнего долга перед Родиной. «Трудно еще вовсе не значит безнадежно!» — эти слова с легкой руки начальника политотдела дивизии полковника А. С. Пантюхова стали у нас расхожими, крылатыми. Вспомним, Михаил Васильевич Фрунзе дал емкое определение партийно-политической работе, назвав ее добавочным родом оружия. Так оно и было. Проникнутый силой этого оружия, изо дня в день все крепче становился советский солдат. И пусть на крымской земле лил дождь или бушевали штормы, пусть неистово захлебывались немецкие пулеметы или носились в небе вражеские самолеты, но все, кто сменился с боевого дежурства, спешили в клубные землянки, оборудованные в частях. В них проводились беседы на злободневные темы, звучали песни, читались стихи. Стрекотал, бывало, и проекционный киноаппарат.

Впрочем, пропагандист 1164-го стрелкового полка старший лейтенант Матвей Максимович Паншин, в недалеком прошлом ответственный работник Иркутского облисполкома, чаще всего сам шел в окопы переднего края. Аудитория, перед которой он выступал со своими докладами, беседами, состояла всего-навсего из нескольких, а то и единственного человека.

Именно на Сивашском плацдарме пехотинцы 1166-го стрелкового полка впервые услышали от своего товарища пулеметчика донбассовца Николая Захаровича Радченко стихи:

Жить без пищи можно сутки.
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.

И уже никогда больше не расстанется оптимист и жизнелюб Радченко с поэмой А. Твардовского «Василий Теркин», выучит все ее на-

изусть. Самого Николая бойцы как ни в чем не бывало станут называть «Теркиным».

Люди на Сивашском плацдарме жили, сражались, готовились к решительным боям.

К концу февраля 1944 года советские войска освободили Кривой Рог и вышли к реке Ингулец. 4-й Украинский фронт получил, наконец, возможность вплотную заняться Крымской наступательной операцией.

Пришел приказ и части нашей 346-й стрелковой дивизии и вышли — без 915-го арtpолка — в резерв 51-й армии. Они переправились по мостам через Сиваш, расположились на херсонской земле в районе населенных пунктов Новониколаевка, Ивановка, Васильевка, где были доукомплектованы боевой техникой, личным составом, занялись подготовкой этого пополнения к боевым действиям. Вместе с тем людям просто была предоставлена возможность отдохнуть, набраться сил.

Слов нет, для воинов-дебальцевцев, первыми проторившими дорогу через Сиваш, такая передышка являлась вполне заслуженной. По инициативе начальника политотдела дивизии полковника А. С. Пантюхова в полках и отдельных подразделениях в то время были проведены открытые партийные собрания с необычной, как кое-кому показалось, повесткой дня: «Больше пота в учебе — меньше крови в бою». Но почему необычной? Она диктовалась жизнью, обстоятельствами. И, думается, об этом веско сказал сам полковник Пантюхов, выступая на собрании в 1168-м стрелковом полку:

—Нельзя, товарищи, нам больше мириться с фактами, когда прибывающая к нам на пополнение молодежь порой вступает в бой недостаточно подготовленной. Это же приводит к неоправданным потерям. И вообще давайте в этом деле будем проявлять требовательность, принципиальность, наконец, человечность. Не знаю, кто как, а я лично считаю, что в неоправданной смерти или ранении каждого бойца есть доля вины командира, который планировал, вел боевые действия. Несет за это ответственность и политработник.

В этой связи начальник политотдела напомнил о трагическом случае, происшедшем в одном из подразделений дивизии. По вине командира и его заместителя по политчасти там погиб боец. Обоим пришлось держать строгий ответ. По приговору военного трибунала они отправлены в штрафную офицерскую роту, где кровью предстоит искупить вину.

Своим выступлением полковник Пантюхов, надо сказать, взбудоражил людей. Им с начала войны не приходилось еще вести откровенный разговор на такую щепетильную, жувотрепещущую тему. Невольно вспомнили о том, какой дорогой ценой платили за освобождение многих населенных пунктов. В братских могилах там оставались десятки, сотни однопольчан.

Но вспоминая о прошлом, люди размышляли и говорили больше всего о том, как помочь делу в дальнейшем. Действительно, тут во мно-

гом следовало полагаться на всестороннюю, прочную выучку бойцов, на воинское искусство, предусмотрительность командного состава.

Ровно через месяц, в ночь на 28 февраля 1944 года стрелковые полки нашей дивизии возвратились на Сивашский плацдарм. Сменив воинов 91-й стрелковой дивизии, они заняли оборону на рубеже: отм. 7,4, южные скаты высоты 16,6, западный берег озера Айгульское, что южнее Ашкадан. С этого дня 346-я вошла в состав 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-лейтенант И. И. Миссан.

Через несколько суток на участке обороны 1168-го стрелкового полка была проведена ночная разведка боем с целью: взять «языка». Действия пехотинцев и разведчиков поддерживала 8-я батарея старшего лейтенанта К. Д. Коновалова — из 915-го артполка. Казалось, все завершилось успешно, одного из гитлеровцев удалось пленить и приволочь в свое расположение. Но утром, сблизившись в стереотрубу это место, увидели: из воронки на нейтральной полосе то и дело поднимается голова нашего бойца. Заметили его со своих позиций и гитлеровцы; интенсивным обстрелом встречали они каждую попытку наших пехотинцев подползти к нему. В течение всего дня продолжался этот напряженный поединок. Несколько раз пытались прорваться к воронке и фашисты. И тогда наш передний край обрушивался на них ливнем огня. Только в наступивших сумерках полковым разведчикам удалось вытащить истекавшего кровью и терявшего сознание раненого товарища. На руках несли его к медицинскому пункту, и находились там до тех пор, покамест не услышали от медиков, оказавших неотложную помощь: будет жить!

Страницы многих и многих книг повествуют о любви между женщиной и женщиной. Но как воспеть нерасторжимую мужскую фронтовую дружбу, ради которой и во имя которой восемнадцатилетние и двадцатилетние парни готовы были рисковать даже своими жизнями, и память о которой сохраняют навсегда!

Был на исходе месяц март. По всему чувствовалось, что шли на убыль и страданные недели, дни подготовки к Крымской наступательной операции. Под покровом ночей и дымовых завес на Сивашский плацдарм уже удалось доставить свежие пехотные части, танковые войска, завести боеприпасы, продовольствие. Все это незамедлительно закапывалось в землю, маскировалось.

Заявила о себе крымская весна: дни становились теплее, южное солнце — ласковее. Однако к утру 28 марта все изменилось. Подул северный холодный ветер, быстро перешедший в снежную бурю, которая свирепствовала почти двое суток. Разбушевавшаяся стихия причинила немало бед. Окопы, траншеи, огневые позиции с боевой техникой — все

было занесено почти метровым снежным покровом. Только по слабо прорывающимся из-под снега и дыму и пару можно было определить, где находились землянки и укрытия. В таком же положении оказался и находившийся перед нами противник. Наши люди не спавали, торопливо откапывали друг друга, очищали от снега окопы, траншеи, огневые позиции. С последствиями снежного бурана в частях и подразделениях справились за двое-трое суток. Везде снова взялись за подготовку к предстоящему наступлению.

В те дни в дивизии побывал начальник политотдела 1-го гвардейского корпуса полковник И. С. Выборных. Он встретился со многими командирами, политработниками; увлеченно беседовал в ротах и батареях с бойцами. В нескольких землянках выступил с докладом о событиях текущего момента. Пройдут годы, и ветераны дивизии, раскрыв книгу полковника запаса И. С. Выборных «Родники мужества» прочтут такие строки: «...Изучая состояние партийно-политической работы в подразделениях 346-й стрелковой дивизии, я в первую очередь интересовался, какими формами и методами она ведется, доходит ли партийное слово до ума и сердца каждого бойца как оно вдохновляет его на ратные подвиги. Спрашивал, часто ли бывают в ротах и батальонах представители политотдела соединения. К чести работников подива, они многое сделали для мобилизации личного состава на успешное решение предстоящих задач... Все люди настроены по боевому, с нетерпением ожидают большого дела». ¹⁾

Время неумолимо приближало этот день — 8 апреля 1944 года, день начала Крымской наступательной операции. Замысел ее, как станет позже известно всем, заключался в нанесении совместных ударов войсками 4-го Украинского фронта из районов Сиваша и Перекопа и Отдельной Приморской армии с керченского плацдарма в общем направлении на Симферополь, Севастополь в целях окружения и уничтожения вражеской группировки, не допустив ее эвакуации из Крыма. ²⁾

В ряду с другими соединениями 1-го гвардейского корпуса 51-й армии наша 346-я стрелковая дивизия получила свою задачу: прорвать оборону противника на участке Ашкадан, высота 16,6 и далее развешать наступление между озерами Кирлеутским и Айгульским в направлении на Новоалександровку, Воинку, выйти во фланг и тыл вражеским частям, оборонявшимся на Перекопе. ³⁾

В предверии наступательных крымских боев в наших частях и подразделениях проходили партийные, комсомольские собрания, митинги личного состава, вселявшие в людей огромный мобилирующий заряд.

¹⁾ Выборных И. С. Родники мужества, М., Воениздат, 1980, с. 69.

²⁾ См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 4, с. 493.

³⁾ ЦАМО, ф. 407/оп. 9837, д. 548, л. 19—27.

Многие бойцы и командиры написали заявления принять их в партию, в комсомол. Утром 8 апреля весь личный состав — на огневых позициях, в скопах и траншеях — был ознакомлен с приказом военного совета 4-го Украинского фронта. «Настал час, — говорилось в нем, — когда Родина призывает начать решительные наступательные действия по ликвидации крымской группировки противника. Фашистская нечисть, захлопнутая нами в Крыму, должна быть уничтожена. Мы бьемся на земле, политой кровью наших стцов и братьев в 1920 году. Тогда молодая Красная Армия совершила великий подвиг, который вечно будет помнить история. Пусть на наших сталинградских и донбасских знаменах засияет слава освободителей Крыма.»¹⁾

В 8 часов на всем 18-километровом сивашском фронте началась артиллерийская и авиационная подготовка, известившая о начале освобождения крымского полуострова. Огненный смерч в стане противника бушевал на этот раз, как еще никогда, долго — в течение двух с половиной часов. И едва только наши орудийные и минметные расчеты перенесли огонь в глубину обороны врага, по команде генерала Станковского в атаку устремились пехотинцы двух полков дивизии, находившихся в первом эшелоне: 1166-го и 1168-го. Под прикрытием только-что поставленной саперами дымовой завесы наши бойцы очень скоро достигли первой траншеи противника, завязали ближний бой. Дрались все напористо, бесстрашно, о чем поведают листы наградных документов. Свыше десяти гитлеровцев расстрелял автоматными очередями командир стрелкового отделения 1-й роты 1168-го полка младший сержант коммунист Игорь Бабин. Но и сам пал смертью храбрых. В 3-й стрелковой роте этого же полка до последних минут своей жизни разил врагов гранатами смертельно раненый младший сержант Григорий Кочкин, боевой парторг.

На всех участках фашисты оказывали ожесточенное сопротивление. Ожили десятки немецких пулеметов, которые, как видно, были надежно открыты во время нашей артподготовки.

Нельзя не сказать, что в связи с этим начальник политотдела полковник А. С. Пантохов высказал от своего имени серьезные претензии к нашим пушкарям. Вот строки из его политдонесения, направленного в политотдел корпуса, армии: «8 апреля 1944 года 915-й артиллерийский полк (командир подполковник А. В. Веревкин, заместитель командира по политчасти майор И. П. Волков) не обеспечил действия 1166-го, а также 1168-го стрелкового полка дивизии. Свои задачи в артиллерийской подготовке атак артполк не выполнил.»²⁾

¹⁾ История второй мировой войны 1939—1945. М., 1977, т. 8, с. 105.

²⁾ ЦАМО, ф. 915 а. п., оп. 1665/01, д. 99, л. 106.

Такая суровая оценка потребовала от артиллеристов — командиров и бойцов — сделать для себя надлежащие выводы на будущее. Уже в тот злополучный день они нанесли сильные удары по ожившим огневым точкам противника. Однако предпринятые вслед за этим новые попытки нашей пехоты продвинуться вперед не принесли ощутимых результатов. Лишь на некоторых участках в течение всего дня стрелковые подразделения преодолели расстояние в 50-70 метров, заплатив за это жизнями десятков людей.

Командиру дивизии генералу Станкевскому, наблюдательный пункт которого имел радио и телефонную связь с командиром корпуса генералом И. И. Миссаном, было известно, что такое же положение сложилось и у соседей. Между тем более успешными оказались действия 267-й и 263-й дивизий 63-го стрелкового корпуса генерала П. К. Кошевого на каранкинско-томашевском направлении. Там гитлеровцы были выбиты из всех трех траншей первой оборонительной позиции. Проанализировав события первого дня наступления, командарм генерал Я. Г. Крейзер с одобрения командующего фронтом принял решение: перенести основные усилия на это направление.

Новая задача встала теперь и перед нашей 346-й дивизией: частью своих сил форсировать озеро Айгульское, овладеть опорным пунктом Асс-Найман, то есть выйти во фланг и тыл противнику, оборонявшемуся перед нашими войсками в районе Каранки.

И уже вечером 8 апреля на исходный рубеж для наступления генерал Станкевский выдвинул находившийся во втором эшелоне 1164-й стрелковый полк подполковника М. П. Сыдько. За подготовку предстоящей операции горячо взялся и командующий артиллерией дивизии полковник В. Я. Соболюкин (он сменил на этом посту полковника Н. А. Печиталова, ставшего заместителем командующего артиллерией 51-й армии). Для обеспечения действий стрелковых батальонов были выделены: 1-й артдивизион капитана И. А. Кочура (из 915-го артполка) и дивизион БМ-13 («катюш»).

Прежде всего требовалось произвести разведку, установить расположение огневых средств противника на противоположной стороне Айгульского озера. На это задание ушли вброд начальник разведки 2-го дивизиона старший лейтенант В. Семенов и с ним два радиста с рацией: сержант В. Язев и рядовой М. Харитонов. Глубина озера была не так уж и велика — горько-соленая вода доходила лишь до груди. Однако затягивало дно — вязкое, илистое. То и дело над озером вспыхивали немецкие осветительные ракеты, а низко, над самой водой, неслись трассирующие очереди «шмайсеров» — вражеских пулеметов. Одной из них был сражен Василий Язев. Но Семенову и Харитонову с рацией удалось добраться к берегу. Передвигаясь там по пластуни, они обнаружили несколько немецких пулеметных позиций, сообщили о них своему командованию.

Оценив обстановку, генерал Станкевский пришел к заключению, что форсирование необходимо провести без намечавшейся артподготовки. Не следовало преждевременно извещать противника с наших намерениях. Обрушиться на него артиллерийским огнем надо было уже тогда, когда он обнаружит наше форсирование.

В полночь прозвучала команда «Вперед!», стданная подполковником Сыдько, и первыми в воды Айгульского озера вошли бойцы стрелкового батальона майора М. Ф. Кукленко. В авангарде — 5-я стрелковая рота старшего лейтенанта И. Ф. Тахтарова.

— Коль Сиваш перемахнули, то тут и подавно управимся, — громко сказал Илья Федорович, выделявшийся среди солдат рсты своим богатырским ростом и энергичной походкой. — Смелее, смелее, хлопцы, держись за мной!

Вслед за ротой Тахтарова в обжигающе холодную воду озера незамыслно входили бойцы и командиры других подразделений. Были среди них и заместитель командира полка майор П. С. Бублий, комсорг 2-го батальона старший лейтенант Анатолий Куликов, несший на плечах связки гранат. Шла вместе с пехотинцами и телефонистка управления 1-го дивизиона 915-го арtpолка рядовая Нина Гончарова, которой предстояло сбеспечивать связь между командирами стрелковых подразделений и огневыми позициями артиллеристов.

Фашисты, должно быть, все же почуяли неладное, осветили местность ракетами. Заметив в озере фигуры людей, открыли пулеметный и ружейный огонь.

— Не останавливаться, вперед, за мной! — крикнул старший лейтенант Тахтаров, шедший все время во главе колонны.

В эти-то минуты на помощь форсирующим озеро и пришли артиллеристы: сотни снарядов обрушили они на позиции противника. Произвели залп и «катюши». Вступили в бой и находившиеся впереди колонны наши пехотинцы: пулеметчики поставив оружие на плечи товарищей, ударили по обнаружившим себя вражеским огневым точкам — пригодился снова-таки сивашский опыт.

Зацепившись за берег, рота Тахтарова метр за метром расширяла плацдарм и сбеспечила выход на него других подразделений. Руководил этим майор Бублий. Но и противник не терял времени. Подтянув подкрепления, гитлеровцы предприняли одна за другой несколько контратак. Несмотря на все усилия врага, ему не удалось сбросить в озеро наших пехотинцев. Поддерживаемые метким огнем артиллеристов, залпами «катюш», они отстояли плацдарм, на котсрый без промедления переправились все остальные подразделения полка.

И тогда снова подполковник Сыдько не задержался с командой «Вперед!». Установив взаимодействие с левым соседом — подразделениями 417-й стрелковой дивизии 63-го стрелкового корпуса, 1164-й стрелковый полк перешел в наступление в направлении Асс-Наймана.

Рота старшего лейтенанта Тахтарова по-прежнему находилась впереди, прокладывая путь всему полку. Через каких-то четверть часа она натолкнулась на высотку, обозначенную на топографической карте цифрой 4, 5. Обойти ее не было возможности, да и события, как всегда на войне, торспили. Однако огонь укрепившихся на высоте фашистов был таким плотным, что под ливнем свинцового дождя пехотинцы вынуждены были залечь. Командиру роты дсложили по цепи о раненых и убитых. Был ранен в плечо и командир 1-го взвода лейтенант Владимир Калинин. Упав на влажную солончаковую землю, он увидел совсем рядом купол дзота, из амбразуры которого торчал огнедышащий ствол немецкого пулемета. Приподнявшись, Владимир отыскал глазами командира роты, лежавшего неподалеку от него. Тахтаров без слов понял немерение взводного и решительно взмахнул рукой: мол, действуй. Калинин! Превозмогая боль в плече, Владимир пополз к дзоту. Хотел обойти его с тыла, но не получилось; подступы к нему прикрывались сильным огнем немецких автоматчиков. Улучив мгновение, Владимир приподнялся с земли и что было сил метнул в амбразуру оставшуюся у него единственную гранату. Пулемет умолк, но ненадолго. Через минуту-две он снова ударил огненными струями. И тогда Владимир в стремительном броске оказался у самого дзота, навалился на ствол пулемета. «Вперед, ребята!» — были его последние слова.

С криками «Урал!», «Бей, гада-фашиста!» поднялась в атаку 5-я стрелковая рота, и ничто теперь не могло остановить ее порыв. Засевшие на высотке гитлеровцы были разгромлены, ни одному из них не удалось унести ноги.

Володе Калинину, худощавому красивому парню с серьезными вдумчивыми глазами шел только двадцатый год. После окончания неполной средней школы в родном селе Селюхино Клинского района Московской области трудился в местном колхозе, позже был учеником слесаря в объединении «Мосстрой». Уже в годы войны закончил военное училище, боевое крещение принял на Северо-Западном фронте, был ранен. Из госпиталя судьба привела его в 1164-й стрелковый полк.

Золотой Звездой героя (посмертно) отметила Родина высочайшую самоотверженность молодого офицера коммуниста Владимира Павловича Калинина, повторившего бессмертный подвиг Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матросова.¹⁾

Уже в первой половине дня 9 апреля пехотинцы подполковника Сыдько в боевом содружестве с артиллеристами ворвались в Асс-Найман и выбили из него врага. С этим успехом их поздравил через командира дивизии комкор генерал-лейтенант И. И. Миссан. «Молодцы, — отозвался он о них, — со своей задачей справились отлично, крепко ударили противнику во фланг. Это помогло соединениям 63-го стрелкового корпуса генерала Кошевого в течение дня продвинуться вперед ст 4 до 7 километров».

¹⁾ Герои Советского Союза, М., 1987, т. 1, с. 612.

Теперь 1164-му стрелковому полку предстояло развивать наступление в сторону Томашевки, прежде всего выбить фашистов с высоты 30,3. Это была серьезная задача. Господствуя над окружающей местностью, высота контролировала и в то же время закрывала выход из межозерного дефиле. Как уже установила наша разведка, фашисты не пожелали ни сил, ни средств для того, чтобы превратить высоту в мощный опорный пункт. По всему чувствовалось: держаться на ней они намеревались до последнего.

Обстановка требовала от командира дивизии нарастить свои силы в этом районе. В ночь на 10 апреля 1944 года озеро Айгульское форсировал вброд еще один полк нашей дивизии — 1168-й Краснознаменный. В командование им перед этим вступил подполковник Л. И. Серин. Сменился к тому времени и заместитель командира полка по политчасти. Вместо подполковника К. Г. Маслова, убывшего в распоряжение начальника политуправления 4-го Украинского фронта, в эту должность вступил подполковник В. М. Рогожинский.

Успели в течение ночи переправить на плоты орудия и многие артиллеристы. Первенство в этом по праву принадлежало командиру дивизиона капитану И. А. Кочуру: еще в ночь на 9 апреля он форсировал Айгульское озеро вместе с одной из своих батарей и сразу же принял участие в отражении вражеской контратаки.

Утром 10 апреля после короткой артиллерийской подготовки воины обоих полков — 1164-го и 1168-го — во взаимодействии с левым соседом, подразделениями 417-й стрелковой дивизии, атаковали позиции противника. Вспыхнули схватки на многих участках вражеской обороны, и особенно ожесточенные у высоты 30,3. На ее северных скатах завязала ближний бой с фашистами рота старшего лейтенанта Ильи Тахтарова. Грек по национальности, он родился в донецком селе Богатырь, работал на шахте и, должно быть, не случайно выделялся и своим завидным ростом, и крепким шахтерским характером.

«Сколько жить буду, не забуду дня, когда дрался в Крыму за высоту 30,3, — напишет в своих воспоминаниях его сослуживец и подчиненный Н. И. Латышев, в то время старший сержант. — Командир нашей роты Илья Федорович Тахтаров шел впереди наступающих, и разве могли мы отстать от этого бесстрашного человека, так верившего в нас?! Спешили за ним изо всех сил. Мы уже ворвались в первую линию немецких окопов у подножия высоты, и тут Тахтаров был ранен. Кто-то из бойцов подбежал к нему, хотел перевязать рану. «Пустяки, — сказал он, — не отставайте, ребята, вперед!» Взяв конец бинта в зубы, он сам перевязал окровавленную правую руку. Но вскоре он снова был ранен — теперь уже в ногу. Но и после этого он не оставил нас. С автоматом в левой руке, отдавая солдатам приказания на подавление немецких огневых точек, он вел нас вперед. Когда достигли третьей линии вражеских окопов, старший лейтенант опять был ранен, на этот раз в живот...».

В тот день командира роты старшего лейтенанта И. Ф. Тахтарова вынесли с поля боя в бессознательном состоянии, сказала большая потеря крови. К счастью, врачам удалось спасти его жизнь.

Родина воздала должное мужественному офицеру-коммунисту — он стал Героем Советского Союза.¹⁾

К полудню 10 апреля высота 30,3 была полностью очищена от гитлеровцев. Бои разгорелись с новой силой, теперь уже за Тсмашевку.

И сколько снова было проявлено мужества, героизма нашими воинами — стрелками, артиллеристами, минометчиками, связистами! Сообщения об этом из частей и подразделений сохраняются для истории в архивных документах. Вот лишь несколько коротких выписок из них.

Командир топовычислительного взвода 3-го дивизиона 915-го артполка старший сержант Леснид Гуляков оперативно, со знанием дела осуществлял топогеодезическую привязку элементов боевого порядка своего дивизиона. Система огня противника засекалась им без промедления, координаты целей рассчитывались с высочайшей точностью. При наступлении он вместе с офицером разведки 1166-го стрелкового полка обнаружил три фланкирующие пулеметные точки противника и, взяв на себя временное управление 8-ой батареей, подавил их.²⁾

Телефонист штабной батареи ефрейтор Модест Подзолкин, обеспечивая связь между наблюдательным пунктом командира артполка и огневыми позициями 2-го дивизиона, устранил под ураганным обстрелом противника шесть порывов провода. Восемнадцатилетний юнша-донбассовец, он удостоился медали «За отвагу».³⁾

Находясь в боевых порядках наступающих стрелковых подразделений, начальник разведки 2-го дивизиона старший лейтенант А. Н. Кольцов обнаружил на подступах к Томашевке две пулеметные точки противника, готовых преградить путь нашим пехотинцам. И тут же необходимые данные были переданы командиру 6-й батареи старшему лейтенанту Ю. В. Белинскому, орудийные расчеты которого не промедлили открыть огонь на уничтожение этих целей.⁴⁾

Пожалуй, в тех боях профессиональный успех особенно сопутствовал командиру отделения разведки 7-й батареи старшему сержанту Михаилу Маруне, который тоже находился во время наступления в передовых стрелковых подразделениях. По его целеуказаниям и корректировке были уничтожены несколько пулеметных точек противника и затем тяжелый шестиствольный миномет, не дававший ходу пехотинцам. Отважный разведчик был награжден орденом Красной Звезды. Забегая вперед, сообщим, что эту награду и еще две медали «За отвагу» Михаил Михай-

¹⁾ Герой Советского Союза. М., 1988, т. 2, с. 564.

²⁾ ЦАМО. ф. 33, оп. 690155, д. 4387, л. 136.

^{3), 4)} ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 108, л. 95. 136

лович получит лишь через 43 года, так уж сложились обстоятельства: ранения, переход из части в часть.

Взяв Томашевку и, развивая наступление, полки дивизии на исходе 10 апреля вышли, наконец, из межозерного дефиле. Тем самым был завершен прорыв обороны противника на каранкинско-томашевском направлении и созданы условия для ввода в бой подразделений 19-го танкового корпуса. Уже на рассвете следующего дня наши стрелковые полки пропустили через свои боевые порядки колонны его «тридцатьчетверок». Восторженными взглядами провожали пехотинцы стальные машины, взявшие курс на Джанкой:

— Ну, погоди, немец, они всыпят тебе полной мерой!

Перед частями нашей дивизии встала новая задача: без малейшего промедления выйти в тыл тарханской группировке врага. На этом направлении противник еще оказывал сопротивление частям 10-го и 1-го гвардейского стрелкового корпусов, в том числе и нашему 1166-му стрелковому полку.

Осуществляя замысел командира дивизии генерала Станкевского, первым возобновил наступление 1168-й стрелковый полк. Вскоре его командир подполковник Л. И. Серин доложил комдиву: 1-й батальон захватил у врага высоту 14,1, что в полутора километре севернее Новоалександровки. И в ответ услышал: «Спасибо за добрую весть, Леонид Иванович!»

Не без волнения дожидался генерал этой вести, потому и обрадовался ей. Ведь говорила она об очень важном: тем самым был перекрыт единственный путь отхода немецким пехотным подразделениям, оборонявшимся перед нашим 1166-м стрелковым полком южнее Ашкадаңа.

Полк этот теперь возглавлял подполковник Г. Я. Щеголев. Но вот и он услышал по радиации голос командира дивизии: «Вперед!»

Сообразив наконец, что оказались в «мешке», и стремясь вырваться из него, фашисты заметались, предприняли на ряде участков контратаки. Но воины дивизии нажимали на них и беспощадно громили со всех сторон. Остаткам разгромленных немецких подразделений не оставалось ничего другого, как поспешно отступить вброд через Кирлеутское озеро. Только убитыми противник потерял 120 солдат и офицеров. В окопах, траншеях, на огневых позициях были брошены 14 орудий, 11 минометов, 22 пулемета, различное военное имущество.

Тот день — 11 апреля 1944 года — ознаменовался и другими примечательными событиями. В дивизию прилетела весть о том, что войска 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г. Ф. Захарова в результате напряженных боев завершили прорыв обороны противника на Перекопе и Ищуньских позициях. А вскоре, где-то около 16 часов, начальник штаба дивизии полковник М. И. Беловодов передал по телефону и радиации во все части: батальоны 19-го танкового корпуса ворвались в Джанкой!

К исходу этого дня наша дивизия полностью овладела и Новоалександровкой. В центре этого села в братской могиле были похоронены с

воинскими почестями солдаты и офицеры, павшие в тех апрельских боях. Покоится там прах и Героя Советского Союза лейтенанта Владимира Павловича Калинина.

Вечером 11 апреля столица нашей Родины Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224-х орудий войскам 4-го Украинского фронта, прорвавшим оборону противника на Перекопе, Сиваше и овладевшим городом Джанкой.

Наступательный порыв советских воинов был неудержим; приходилось забывать об отдыхе, сне. Именно в ночь на 12 апреля наша дивизия, преследуя отходящего врага, принесла освобождение жителям очередного населенного пункта — Большая Магазинка.

Впереди теперь простирались крымские просторы, и соединения 4-го Украинского фронта, выслав в авангард мобильные подвижные отряды, перешли к преследованию противника. 51-я армия продвигалась в направлении на Симферополь, а 2-я гвардейская — на Евпаторию. Вместе с тем активные боевые действия, как свидетельствовали сообщения Совинформбюро, развернула и Отдельная Приморская армия генерала А. И. Еременко. Ее войска освободили город Керчь и теперь наступали по юго-восточному берегу Крыма.

Вражеские части, перемолотые в боях, спешно откатывались в глубь полуострова. 13 апреля были освобождены Симферополь, Евпатория, Феодосия, 14 — Бахчисарай, Судак.

В свои права, между тем, вступила яркая крымская весна. Установились теплые, солнечные дни. По обеим сторонам дороги будто кланялся белоснежными цветущими шапками миндаль. Клубилась пыль, оседающая на одежде, оружии, лицах солдат серым пушистым слоем. Маршем прошли полки дивизии через только что освобожденные Симферополь, Бахчисарай и, достигнув 15 апреля берега реки Бельбек, форсировали ее вблизи поселка Дуванкой (Верхнесадовое). Но там, у подножья Мекензиевых гор, натолкнулись на упорное сопротивление противника. ¹⁾ По данным разведки (а они оказались полностью достоверными) фашисты занимали там заблаговременно оборудованные позиции, прикрывавшие подступы к Северной бухте Севастополя. Укрепленная полоса обороны состояла из шести линий траншей, усиленных проволочными заграждениями, минными полями. Достоверным являлось и то, что противник намеревается удерживать эти позиции до последнего, чтобы выиграть время для эвакуации морем своих войск.

— Не давать врагу покоя ни днем, ни ночью! Искать в его обороне слабые места, ломать ее, вгрызаться в его боевые порядки! — к этому сводились приказы командования, поступившие в части и подразделения дивизии.

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 17, л. 37.

^{3), 4)} ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 108, л. 95, 136

И дело за солдатами и офицерами не стало, ведь каждый рвался в бой, к победе! Уже утром 19 апреля удар по обороне противника на берегу реки Бельбек нанес 1168-й Краснознаменный стрелковый полк. Его поддерживали артиллерийские батареи двух дивизионов: майора А. Рожкова и капитана П. Коваленко. Горно-лесистая местность очень затрудняла действия огневиков. Использовать пушки для стрельбы прямой наводкой вообще было невозможно. Поэтому расчетам 122-мм гаубичных батарей потребовалось вести мортирную — навесную — стрельбу. Боеприпасы, как и все необходимые для войск, доставлялись по единственной дороге, пролягавшей через «балку смерти»; вражеские наблюдатели просматривали ее из Сапунгоры и Сахарной головки и держали под постоянным обстрелом.

Вслед за разрывами снарядов, прорубившими бреши в проволочных и минных заграждениях противника, на его позиции ворвались наши пехотинцы. Завязались рукопашные схватки.

На одном из участков вражескую оборону удалось преодолеть 3-й стрелковой роте во главе со своим командиром старшим лейтенантом Г. И. Габриадзе. С автоматом наперевес он поднимался по каменистому склону все выше и выше, увлекая за собою боевых товарищей. Никто из них не отставал от командира, некоторые пытались опередить его. На своем пути рота блокировала одну за другой восемь огневых точек противника, впрочем, они тут же были подавлены гранатами. «За мной, товарищи!» — увлекал все дальше свою роту Габриадзе. Казалось, поставленная перед ней боевая задача выполнена; ее бойцам оставалось пройти какие-то метры. Габриадзе улыбнулся, призывно взмахнул рукой и что-то хотел сказать. Но внезапно ожил немецкий пулемет, и командир роты, стоявший на гребне склона во главе своих бойцов, схватился рукой за грудь и в следующий миг припал лицом к каменистой земле.

Когда из кармана его гимнастерки вынули удостоверение командира Красной Армии, то нашли в нем сложенный листок. Это было заявление старшего лейтенанта Габриадзе в партийную организацию с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б). Судя по дате, заявление он написал накануне боя, но не успел передать секретарю парторганизации.

Григорию Ивановичу Габриадзе, ровеснику Октября, шел 27-й год. Прибыл он в нашу дивизию на Сивашском плацдарме, до этого воевал на Юго-Западном фронте, был трижды ранен. Волевым, бесстрашным командиром проявил он себя и в крымских боях. Подвиг его Родина отметит высоким званием Героя Советского Союза.¹⁾ Но в тот день командиру полка подполковнику Л. И. Серину потребовалось выполнить печальную миссию: написать письмо в деревню Дзукнури Грузинской ССР и известить родных и близких Григория Ивановича о его гибели в бою.

¹⁾ Герои Советского Союза. М., 1987, т. 1, стр. 298.

Все советские войска, вышедшие на подступы к Севастополю, были подчинены 4-му Украинскому фронту; в его состав влилась и Отдельная Приморская армия, преобразованная в Приморскую. Достигнув линии Мекензиевы горы — Сахарная головка — Сапун-гора, закончила первый этап наступления и наша 51-я армия.

Было 20 апреля 1944 года. Из рук в руки бойцов и офицеров дивизии переходили газеты 4-го Украинского фронта за это число, передовая статья которых призывала: «Воевать, как солдаты генерала Станкевского». В статье подводился короткий итог жестоких кровопролитных боев на Сиваше и на крымской земле, отмечалось, что, форсировав Айгульское озеро и ударив по врагу с фланга, воины дивизии тем самым помогли частям, атаковавшим с фронта, окружить немецкую группировку и разгромить ее. «Шаг за шагом, — указывалось в газете, — воины генерала Станкевского прогрызали оборону противника, тянувшуюся между озерами почти на 20 километров. Прорубив дверь в Крым, они дали возможность нашим механизированным частям и танкам вырваться на оперативный простор».

Те кровопролитные бои у Тархан и Ашкадана, Асс-Наймана и Большой Магазины навсегда запомнятся воинам-дебальцевцам. И хотя названия этих населенных пунктов в дальнейшем изменятся — Ашкадан станет Красноармейское, Тархан — Вишневкой, Большая Магазинка — просто Магазинкой, Асс-Найман и вовсе упразднится, — для фронтовиков все они останутся со своими прежними, фронтовыми именами.

В страдный апрельский день 1944 года пришла радостная для нас весть: за отличное выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, героизм и мужество личного состава 346-й стрелковая Дебальцевская дивизия награждена орденом Красного Знамени. По этому знаменательному поводу в частях и подразделениях состоялись митинги личного состава, в окопах, на огневых позициях проводились беседы.

Забегая вперед, сообщим: уже в послевоенные годы Совет ветеранов бывшей 51-й армии учредит нагрудный знак «Участнику форсирования Сиваша». Этой награды удостоятся многие тысячи воинов-дебальцевцев. Со ступеней судоверфий будут спущены и выйдут на морские и океанские просторы корабли «Герои Сиваша», «Владимир Калинин».

В ходе подготовки к боям за освобождение Севастополя новые боевые задачи поставило командование и перед 346-й Краснознаменной Дебальцевской стрелковой дивизией. Сдав свои участки 270-й стрелковой дивизии, она к 26 апреля заняла исходные позиции для наступления западнее селения Новые Шули. Сражаться воинам-дебальцевцам предстояло в историческом месте. Неподалеку от этого селения, у моста через речку Черная установлен гранитный обелиск. На каменной плите, лежавшей у его основания, надпись: «Сражение на р. Черная 4 августа 1855 года. Здесь похоронено 3 генерала, 66 офицеров, 2273 нижних чина». Отдавая дань уважения соотечественникам, сложившим головы в боях с чужеземными

захватчиками, наши солдаты и офицеры замедляли у обелиска шаг, снимали пилотки и фуражки.

— Верни советскому народу Севастополь — город нашей славы, нашу святыню! — этой мыслью, этим стремлением жил в дивизии каждый, начиная от ее командира и кончая рядовым стрелком. И каждый знал, чувствовал, что сделать это будет трудно, очень трудно. Противник, потерпев в Крыму сокрушительное поражение, стянул остатки своих войск к Севастополю и казалось искал в нем свое спасение. Вокруг города им была возведена глубокоэшелонированная оборона. На склонах сильно укрепленной Сапун-горы, прикрывавшей Севастополь с востока, вражеские позиции с множеством бетонированных дотов, располагались амфи-театром, что позволяло вести стрельбу одновременно со всех ярусов, создавать перед наступающим сплошную стену огня. О том, что противник намеревался любой ценой удержать Севастополь, говорило и добытое советской разведкой письменное обращение нового командующего 17-й немецкой армией генерал-полковника Альминдингера к своим войскам. Грозя солдатам и офицерам расстрелами и казнями в случае их отхода с занимаемых рубежей, он взывал: «Я получил приказ защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма. Его значение вы понимаете. Именем фюрера я требую, чтобы никто не отходил, удерживал бы каждую траншею, каждый окоп, каждую воронку»¹).

Серьезно, в поте лица готовились воины-краснознаменцы к решительному штурму. В полках и батальонах создавались ударные штурмовые группы в составе стрелков, саперов, орудийных расчетов сопровождения. Каждая из групп нацеливалась на уничтожение того или иного вражеского объекта: дота, дзота, огневой точки. Коммунисты и комсомольцы составляли ядро всех групп. В 1168-м стрелковом полку в штурмовую группу вошли минометная рота, стрелковый взвод, взвод орудий прямой наводки, а также саперы и химики. Штурмовую группу 1164-го стрелкового полка составила 5-я стрелковая рота с приданными ей орудиями сопровождения, минометными расчетами, саперами и химиками с взрывчаткой и дымовыми шашками. В командование группой вступил старший лейтенант Илья Тахтаров, уприс во врачей выписать его досрочно, пообещав им, что долечится после взятия Севастополя. Учил и тренировал воинов штурмовой группы заместитель командира полка майор П. С. Бублий, многоопытный и требовательный офицер (на протяжении всей войны ходил с клинком в руке).

Штурмовые группы создавались также в стрелковых батальонах. Там они состояли из взвода или отделения, усиленных орудиями, минометами, саперными расчетами.

За несколько дней до начала штурма укреплений врага советские артиллеристы приступили к методическому их обстрелу. А по ночам над вражескими позициями появлялись наши вездесущие самолеты «У-2», прозванные на фронте «кукурузниками». Управляемые отважными летчи-

цами, они и в самом деле спускались на низкую высоту — до воображаемых верхушек кукурузы — и сбрасывали мелкие бомбы в немецкие траншеи, окопы. Наши пехотинцы и артиллеристы успели заочно познакомиться на прежних крымских боевых рубежах с ночными летчицами, восторженно встречали каждый их прилет. Увы, действительность вторглась в эти отношения горьким, печальным уроком. ЧП произошло в ночь с 17 на 18 апреля 1944 года. Командир 5-й батареи 915-го артполка капитан Николай Трофимович Сторин, находясь на своем наблюдательном пункте в районе железнодорожного разъезда Инкерман, готовился открыть огонь по находившимся впереди позициям противника. Над ними в то время и появились наши ночные бомбардировщики «У-2». Одна из летчиц, как видно, ошиблась в определении переднего края противника и сбросила бомбы в районе НП командира 5-й батареи. Хоронили артиллеристы капитана Сторина, боевого, заслуженного человека, молча; никому из них не хотелось произнести те горькие, нелепые слова: погиб от собственной бомбы.

В частях дивизии были приняты меры к тому, чтобы подобное не повторилось в дальнейшем; по этому поводу генерал Станкевский связывался с авиационным руководством.

Вот и пришло 7 мая — день начала наступления. Изготовившиеся к нему советские войска на пятнадцатикилометровом участке — от морского побережья под Балаклавой до восточного склона Сахарной головки с нетерпением ждали команды «Вперед!». Ждали ее в этой общей могучей лавине и подразделения 346-й дивизии, которым предстояло наступать на участке между Сахарной головкой и Федюхиными высотами в направлении хутора Дергачи.

Первыми утреннюю тишину нарушили артиллеристы, открывшие огонь из сотен орудий. Вскоре в небе появились и советские бомбардировщики, истребители. Вражеская оборона потонула в огне и дыму... «В атаку!» — знакомый голос командира дивизии генерала Станкевского, прозвучавший по рациям, телефонам, был услышан во всех полках.

Казалось, было сделано все возможное, чтобы подавить сопротивление противника. Артиллерийская и авиационная подготовка нашего наступления продолжалась полтора часа. И все же многие вражеские огневые точки, укрытые толстым слоем бетона, ожили, едва только к ним приблизились штурмовые группы наших полков. С первых минут бои приняли ожесточенный характер. Под ливнем вражеского огня вынуждены были залечь подразделения 1164-го, а вскоре и 1168-го стрелковых полков.

Между тем нашему правому соседу — 263-й стрелковой дивизии — удалось овладеть Сахарной головкой. Обозначился успех также у наших левых соседей — частей 267-й и 77-й стрелковых дивизий из 63-го стрелкового корпуса, наступавших в направлении Сапун-горы.

Командир корпуса генерал И. И. Миссан, оценив обстановку, приказал направить основные силы нашей дивизии за левым соседом — на Сапун-гору. Теперь задача воинов-дебальцевцев состояла в том, чтобы выйти на ее северные скаты и атаковать врага во фланг и тыл в направлении того же хутора Дергачи.

На новые рубежи 1166-й и 1168-й стрелковые полки выдвинулись к утру 8 мая. Завязались бои, не менее упорные и ожесточенные, чем накануне. Фашисты во что бы то ни стало стремились удержать Инкерманские высоты, хутор Дергачи и сам Инкерман.

Первыми выкатили орудие на скаты Сапун-горы бойцы расчета, которым командовал сержант Иван Прапорщикова. Вслед за ними поспешили и огневики сержанта Георгия Степанюка. Они действовали в составе штурмовой группы старшего лейтенанта И. П. Субочева. И когда на ее участке фашисты предприняли контратаку под прикрытием нескольких танков, Степанюк со своими пушкарями без промедления вступил в поединок. Вскоре был тяжело ранен заряжающий и убит наводчик орудия. Степанюк сам встал к прицелу, а заряжающего сменил повозочный Николай Жуков. «Ребята, — обратился Степанюк к стрелкам, — ну-ка тащите сюда снаряды!». Орудие не умолкало. Его огнем были остановлены два немецких танка; они горели совсем неподалеку.

В боях, кипевших в течение этого дня, невиданное мужество и бесстрашие проявили многие воины дивизии. Были среди них стрелки батальона капитана Андрея Снижко, отразившие несколько яростных контратак противника; комсомольцы рядовые Владимир Бабкин и Анатолий Носов, с двух сторон подползшие к вражескому взводу и забросавшие его амбразуру гранатами; санинструктор ефрейтор Татьяна Иванова, оказывавшая помощь раненым под сплошным свинцовым дождем; офицер Григорий Шейко, заменивший в критические минуты погибшего пулеметчика и отстоявший-таки, несмотря на численное превосходство гитлеровцев, свою позицию. Удостоилась в тот день медали «За отвагу» телефонистка рядовая Ефросиния Чернышева: поддерживая связь между наблюдательным пунктом командира 2-й батареи и огневыми позициями, она устранила под обстрелом девять порывов провода. По заслугам такой же медалью была награждена и писарь штаба 915-го артополка ефрейтор Екатерина Белецкая. Находясь в обстреливаемом противником командно-наблюдательном пункте командира полка, она четко и оперативно оформляла всю документацию, обеспечивала передачу по техническим средствам связи боевых распоряжений в подразделения, на огневые позиции¹⁾.

Назвать всех отличившихся, удостоившихся наград, к сожалению, не представляется возможным. И все же нельзя не сказать еще об одном человеке. Свою фронтовую биографию Николай Ковтун, 1924 года рождения, уроженец поселка Градовка Красноармейского горсовета Донецкой области, начал автоматчиком в 1168-м стрелковом полку. Но в боях

¹⁾ ЦАМО, ф. 915-го а. л., оп. 212648, д.1, л. 106.

под Мелитополем был переведен в полковой разведвзвод, где нашел свое второе призвание. В Крыму стал сержантом, командиром отделения, заслужил орден Славы III-й степени. А дальше мы сошлемся на строки наградного листа, подписанного 8 апреля 1944 года командиром полка подполковником Л. И. Сериним: «Участвуя в боях за освобождение Севастополя, сержант Ковтун со своим отделением уничтожил две пулеметные точки противника, пленил тринадцать гитлеровцев; вместе с тем первым ворвавшись в немецкую траншею, он лично автоматным огнем сразил десять врагов».

Пройдет время и боевые товарищи поздравят отважного разведчика с орденом Славы II-й степени. Впереди его ждали новые трудные и опасные боевые дела, ранение, госпиталь — и опять: фронт, разведка. Коммунист Николай Иванович Ковтун с честью выдержит все испытания, выпавшие на его долю в пору молодости. Он станет единственным в дивизии полным кавалером солдатского ордена Славы, участником парада Победы.

Во второй половине дня 8 мая 1944 года воины дивизии овладели хутором Дергачи и вышли к последней линии главной полосы обороны противника. Лишившись всех опорных пунктов и узлов сопротивления, фашисты начали отходить к Севастополю. Установив это, генерал Станкевский тут же выслал для преследования в своей полосе наступления передовой отряд: стрелковый батальон капитана А. М. Снежко из 1168-го стрелкового полка с приданными ему орудейными расчетами из 915-го артполка. Стрелки и артиллеристы на тягачах и лафетах орудий устремились вперед.

Клубы густой пыли вздымались к небу на всем участке дороги от Сапун-горы до Севастополя; войска продвигались нескончаемой вереницей.

К городской окраине наш передовой отряд подошел в походной колонне. На дальше, на подступах к Малахову кургану, противник встретил его артиллерийским и минометным огнем. «К бою!» — последовала команда капитана Снежко, и батальон спешился, развернулся в боевой порядок. В это время на помощь ему подошел батальон капитана Х. М. Гатажкова. Решено было действовать сообща. Короткий артиллерийский налет по противнику, и стрелки с двух сторон бросились в атаку. Прокладывая дорогу огнем из автоматов, ручных пулеметов, они шаг за шагом поднимались по каменистой земле Малахова кургана. Он многое повидал на своем веку — святыня Севастополя. За каждую пядь его земли до последней капли крови дрались участники обороны города в 1853—1854 годах. «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский» — писал Л. Н. Толстой, свидетель тех событий. Теперь по священной земле Малахова кургана твердо ступали советские воины, чтобы навсегда изгнать из города фашистских захватчиков.

Одновременно жаркие бои велись на многих улицах и площадях Севастополя; здесь уже находились и все части нашей дивизии. 1166-й стрелковый полк подполковника Г. Я. Щеголева, преодолевая сопротивление противника, пробивался вперед по Корабельной стороне. Во главе атакующих шла 4-я стрелковая рота старшего лейтенанта Константина Пикачева. На одном из перекрестков она была встречена огнем немецких пулеметов. «За мной, броском вперед!» — крикнул Пикачев и первым шагнул навстречу смертельной опасности. Устремившись за командиром, солдаты прорвались-таки, достигли вскоре рубежа, который предстояло взять роте. Но сам Пикачев уже не видел этого — он принял на себя удар, предназначавшийся его боевым побратимам.

Погиб он в день своего рождения: 9 мая 1944 года ему исполнялось 25 лет. Уроженец села Степного Бессоновского района Пензенской области, Константин начал войну сержантом, в жарких боях и изнурительных походах стал младшим лейтенантом, позже — лейтенантом, старшим лейтенантом, был принят в партию. Воевал отважно, не прячась за спины других. Накануне, в день штурма Сапун-горы, он, офицер-коммунист, первым в полку поднял в атаку своих бойцов и с призывом «За Родину!» повел сквозь вражеский огонь. Его рота захватила рубеж на гребне горы и в течение дня отразила четыре контратаки гитлеровцев; многих из них настигло справедливое возмездие. Бесстрашным был командир 4-й стрелковой роты и в боях на улицах Севастополя. Мужество коммуниста Константина Степановича Пикачева, его сознательное самопожертвование во имя благородной цели отмечены высшей наградой Родины — званием Героя Советского Союза¹⁾.

Во второй половине дня 9 мая бои переместились в западную часть Севастополя. В освобожденных районах из подвалов и землянок-укрытий выходили немногочисленные жители — истощенные, с почерневшими от голода лицами. Радостно встречали они своих освободителей.

Кроме Малахова кургана воинами дивизии с боями были взяты несколько улиц, Воронцовская гора, железнодорожный вокзал. Водрузить красный флаг на здании вокзала выпало командиру 1-го стрелкового батальона 1168-го Краснознаменного стрелкового полка капитану Х. М. Гатажкову: он одним из первых пробился со своими солдатами к его стенам. Об этом рассказала 12 мая 1944 года на своих страницах газета «Правда». Поздравить Хажпаго Мазановича спешили многие в нашей дивизии, голучил он наилучшие пожелания и от земляков из Кабардино-Балкарии.

Напористо, беспощадно громили врага в Севастополе и воины 1164-го стрелкового полка подполковника М. П. Сыдько. Двадцатидвухлетним

1) Герои Советского Союза, М., 1988, т. 2, стр. 268.

крестьянским парнем ушел он в 1928 году из своего белорусского села Синицкое Поле в Красную Армию и стал кадровым военным. В Крыму он провел свои стрелковые батальоны сквозь непролазные топи Айгульского озера, сквозь огонь боев за высоту 30,3, за населенные пункты Томашевка, Байсары, Новоалександровка. В районе высоты Безымянной под Севастополем его полк накрепко зажал в клещи немецкий пехотный батальон; 156 гитлеровцев были обезоружены и взяты в плен, захвачено 25 исправных автомашин и тягачей. А теперь, освобождая Севастополь, подполковник Сыдько со своими пехотинцами значительно увеличил боевой счет полка: было уничтожено около 550 немецких солдат и офицеров, 210 взяты в плен; захвачены трофеи, в том числе 90 пулеметов, 25 автомашин, 12 железнодорожных эшелонов с грузами. Здесь, в городе русской славы, коммунист Михаил Петрович Сыдько стал Героем Советского Союза¹⁾.

К 19 часам 9 мая родной Севастополь был очищен от фашистской нечисти. 58 часов продолжался штурм укреплений врага — это были часы массового, непрерывного героизма советских воинов, принесшие нам победу. Фашистским захватчикам в 1941—1942 годах понадобилось 250 дней, чтобы овладеть Севастополем, а нашим воинам — только 58 часов.

Известие о новом выдающемся успехе Красной Армии с ликованием встретила вся страна, столица Родины салютовала войскам, участвовавшим в освобождении Севастополя. Не забыть нам, фронтовикам-ветеранам, как в ту же ночь одновременно с московским салютом над развалинами только что возвращенного стране города взвилось множество разноцветных осветительных ракет и южное небо прочертили тысячи трассирующих строчек. Это салютовали сами воины-освободители.

В течение последующих нескольких дней советские войска покончили и с теми остатками немецких частей, которые в надежде на эвакуацию морем скопились за Севастополем на Херсонесском мысе. В мощном артиллерийском налете по ним, проведенном ночью 12 мая, принимали участие также несколько батарей нашего 915-го артполка. Командир одной из них — 7-й — управлял огнем своих расчетов с наблюдательного пункта, находившегося на крыше полуразрушенного здания Севастопольской панорамы. Заметим, что командиром этим был один из авторов настоящей книги в то время старший лейтенант Л. Е. Докторович. А утром 12 мая артиллеристы 3-й батареи потопили в море два транспорта с гит-

¹⁾ Герои Советского Союза, М., 1988, т. 2, стр. 551.

леровцами, пытавшимися уйти от возмездия. Особенно отличились старший офицер батареи лейтенант И. А. Дьяченко, сержанты и солдаты его взвода.

Крымская наступательная операция советских войск завершилась разгромом 17-й немецкой армии. Потери врага на суше составили почти 100 тысяч человек, в том числе 61587 пленными¹⁾.

За мужество и героизм, проявленные в крымских боях, 1540 воинов нашей дивизии были награждены орденами и медалями, а пятеро наших однополчан за выдающиеся воинские свершения удостоились звания Героя Советского Союза.

Отгремели бои, и воины-дебальцевцы оказались далеко от линии фронта. Но война то и дело напоминала о себе то грохотом взорвавшейся мины, то прибывшимися к берегу трупами в серо-мышинных мундирах. Бойцы и командиры, радуясь наступившей передышке и бушевавшей вокруг крымской весне, наводили во всем житейский порядок: чистили оружие, стирали обмундирование и даже... купались на очищенных саперами небольших морских участках. Однако «отдыхать-курортничать» довелось недолго. В середине мая пришел приказ: 346-я стрелковая Дебальцевская Краснознаменная дивизия вместе с другими соединениями 2-й гвардейской армии выводится в резерв Ставки Верховного Главнокомандования; ей надлежит следовать к новому месту дислокации.

6. КОГДА ОРУДИЯ ГРОХОТАЛИ У МОРЯ БАЛТИЙСКОГО

Был май 1944 года. Дивизия держала путь от Севастополя к Херсону. В приподнятом боевом настроении шли пехотинцы по освобожденной крымской земле, но лица их были суровы. С болью в сердце проходили они мимо разрушенных и сожженных городских, сельских кварталов, мимо братских могил своих фронтовых побратимов. Позади остались Симферополь, Армянск, Цюрупинск. Широкими днепровскими плавнями, цветущими садами встретил воинов-дебальцевцев Херсон.

Далее путь лежал на северо-запад по железной дороге. Погрузка в эшелоне для фронтовиков — дело несложное, скорее; один за другим воинские составы вытягивались из пристанционных тупиков на магистральный путь и по графикам военной поры следовали маршрутом Кременчуг, Ромны, Бахмач, Брянск...

В штабном вагоне можно было увидеть группу офицеров, столпившихся вокруг начальника штаба дивизии полковника Федора Петровича Тимченко. Все разглядывали испещренную разноцветными пометками

¹⁾ История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 109.

карту, горячо обменивались мнениями. Линия фронта к тому времени переместилась далеко на запад, советские войска освободив значительную территорию страны, вышли на границу с Румынией, на подступы к Балканам, достигли предгорий Карпат. Как развернутся дальнейшие события?

— Дело явно идет к развязке, — заметил Тимченко, делая на карте красным карандашом очередную пометку. Затем внимательным взглядом провел по лицам окружающих его офицеров штаба, политотдела и лукаво улыбнулся про себя. Он понимал, что так кровно интересовало их всех: куда направляется дивизия, где ей выгружаться, где продолжать воевать? И вслух молвил: «Вот приедем и тогда обязательно сообщу вам о нашем новом месте дислокации».

Харьковчанин Ф. П. Тимченко был человек средних лет, статный, подтянутый — «военная косточка» во всех отношениях. Кадровым командиром стал еще задолго до войны и, по его словам, прошел армейские университеты ступенька за ступенькой в поте лица своего. Начальником штаба нашей дивизии, он был назначен в боях под Севастополем, сменил на этом посту полковника Беловодова М. И., уехавшего на учебу. До самого последнего дня войны предстояло полковнику Тимченко возглавлять основной орган командования дивизии по управлению войсками; по общему мнению всех, кто находился в его подчинении, он достойно представлял у нас кагорту штабных работников — штабистов в лучшем понимании этого слова: людей во всем скрупулезных, с неумной работоспособностью, исполнительных.

Команда «Разгружайся!» прозвучала для наших воинов уже на смленской земле — в районе города Ельня. В лесах вокруг него дивизия временно и расположилась. В полки прибыло пополнение. Началась боевая учеба, подготовка к боям в условиях лесисто-болотистой местности. Пршли ротные, а затем и батальонные учения. Вместе с тем бойцы и командиры помогли соседним колхозам в проведении полевых работ.

И где бы люди не находились — неизменно интересовались тем, что происходило на фронтах, особенно ближним к ним — в Прибалтике. В результате успешного завершения Полоцкой наступательной операции войска 1-го Прибалтийского фронта к началу июля подошли к восточной границе Литвы и охватили немецко-фашистскую группу армий «Север» с юга. Создались благоприятные условия для осуществления Шяуляйской наступательной операции, целью которой был разгром группировки противника в районе Шяуляя и выход к Рижскому заливу, чтобы отрезать пути отхода группе армий «Север» в Восточную Пруссию. ¹⁾ Для усиления 1-го Прибалтийского фронта Ставка в начале июля приняла решение с включением в его состав 2-й гвардейской и 51-й армий.

¹⁾ Советская Военная Энциклопедия. М., 1980, т. 8, с. 549.

Получила приказ выступить походным маршем к линии фронта и 346-я дивизия, входившая в состав 3-й гвардейской армии. Переход предстоял не близкий — без малого 900 километров. В путь друг за другом отправлялись ротные, батальонные, полковые колонны. Дорога пролегла по местам, где только что прокатился шквал боев; передовым подразделениям нередко приходилось вступать в бой с мелкими группами гитлеровцев, скрывавшимися в лесах и разрушенных населенных пунктах. Людей изматывали недосыпание, усталость, досаждали дожди. Но в колоннах то и дело слышалось одобряющие голоса командиров, политработников, деливших с солдатами все тяготы и невзгоды. Никто не забывал о взаимной поддержке. Более выносливые, закаленные воины помогали молодым, еще не обстрелянным, обрести так называемое «второе дыхание»: брали у новичков оружие, вещмешки, давая возможность тем отдохнуть, перебороть усталость. За каждую ночь проходили по 40-50 километров.

В ходе марша воинов-дебальцевцев ожидало памятное событие. 11 июля 1944 года, когда полки распложились на дневку в лесу западнее местечка Чашники, в дивизию прибыли командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе и член военного совета армии генерал-майор В. И. Черешнюк. Все подразделения были построены под кронами могучих кленов. Поводом для торжества явилось вручение дивизии ордена Красного Знамени — награды за боевые свершения на крымской земле. Прикрепив орден к Знамени дивизии, оба генерала переходили от подразделения к подразделению, сердечно поздравляли солдат и офицеров с наградой, желали им новых боевых успехов. В ответ слышалось: «Служим Советскому Союзу!... Не подкачаем!»

27 июля 1944 года все части дивизии вышли к конечному пункту назначения — в район западнее литовского местечка Рамигал. О завершении нелегкого, многосуточного марша генерал Д. И. Станкевский доложил командиру 54-го стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии генералу Т. К. Коломийцу. Напомним читателям, что в составе этого корпуса наша дивизия воевала в Донбассе. Теперь она снова влилась в него.

Считанные часы оставались до ввода в бой воинов-дебальцевцев. Разместившись в березовых, дубовых перелесках, они отдыхали, вдыхая полной грудью терпкий, пьянящий воздух. А для работников политотдела это было страдное время. Сам начальник политотдела полковник А. С. Пантохов, собрав секретарей партийных организаций тыловых подразделений дивизии, вел с ними разговор о повышении личной ответственности коммунистов за своевременное и бесперебойное обеспечение войск боеприпасами, горячей пищей. Ушел на весь день в 1164-й стрелковый полк секретарь дивизионной партийной комиссии майор В. К. Кутепов; он встретился там с молодыми коммунистами, которым предстояло вручить партийные билеты. Офицеры политотдела А. И. Ше-

стёрнев, С. Р. Шапиро, К. И. Баринов занимались в подразделениях с парторгами. Помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев и молодежи капитан Федор Вишняков успел вручить во всех трех батальонах 1168-го стрелкового полка комсомольские билеты принятым в ряды ВЛКСМ. В прошлом комсорг 1166-го стрелкового полка Вишняков на эту должность был назначен в Крыму. Еще рядовым, «зеленым» бойцом участвовал он в боях на Халхин-Голе, с начала Великой Отечественной командовал стрелковым взводом, позже стал политруком роты. Воинскую отвагу, героизм проявлял не однажды. На предыдущих страницах этой книги уже рассказано, как в период боев в Донбассе Вишняков во главе группы однополчан спас подростков, угоняемых в Германию. В схватке с фашистскими конвоирами Федор получил тогда ранение, но отказался от направления в госпиталь, лечился в полковом медпункте. В боях с фашистскими захватчиками Вишняков был беспощаден. Но на склонах Сапун-горы произошло и такое. Находясь среди комсомольцев-пехотинцев, он вместе с ними пошел в атаку. И вышло так, что он первым ворвался в немецкий блиндаж. В его руках оказалась малая саперная лопата; в азарте боя, должно быть, он схватил ее перед входом и теперь изо всех сил рубил спрессованную темноту блиндажа. Услышав дрожащий голос «Сдаюс... сдаюс» остановился. Приказал выйти гитлеровцу, сам шагнул вслед за ним. Уже по дороге к сборному пункту военнопленных увидел, что по лицу немца струится кровь. Достал из кармана санитарный пакет, протянул ему: «Перебьжись...».

Страдным был тот июльский, предгрозовый день также для коллектива редакции дивизионной газеты, возглавляемого редактором майором И. С. Артамоновым. Потому-то очередной номер «дивизионки» удалось набрать, сверстать, отпечатать еще до наступления сумерек.

Грозу предвещала не только природа. К тому времени перед фронтом 2-й гвардейской армии, сражавшейся уже в составе 1-го Прибалтийского фронта, сложилась довольно серьезная обстановка. Невиданную агрессивность проявляли моторизованные и пехотные части противника, явно намеревавшиеся прорваться в направлении Байсогалы и Паневежиса, то есть в тыл советским войскам, наступавшим в районе Шауляя. Положение усугубилось, когда между двумя стрелковыми корпусами 2-й гвардейской армии — 11-м и 13-м гвардейским — образовался разрыв, через который враг мог добиться своей цели. Гитлеровское командование не упустило шанса воспользоваться такой возможностью. Собрав сильную танковую группировку — около 250 машин (это установила наша воздушная разведка), оно бросило ее в разрыв.

На рассвете 28 июля 1944 года командир 54-го стрелкового корпуса генерал Т. К. Коломиец по приказу командующего 2-й гвардейской армией генерала П. Г. Чанчибадзе поставил перед командиром 346-й стрелковой дивизии боевую задачу: закрыть разрыв, сдерживать врага.

В течение этого дня все части дивизии форсированным маршем выдвинулись в указанные им районы, заняли рубеж обороны юго-восточнее Шяуляя, проходивший у сел Скеми, Гудзяны, Мегляны, Подбжезь. Люди устали, однако не мешкая приступили к оборудованию позиций. Извилистые линии траншей, окопов протянулись на многие километры через перелески, вдоль лесных опушек.

Враг нагрянул на рассвете следующего дня. Около 50 танков и до батальона немецкой пехоты атаковали участок обороны 1166-го стрелкового полка подполковника А. И. Серина. Первыми встретили фашистов командир взвода лейтенант коммунист Михаил Баранский и девять его бойцов. Пропустив через свою траншею четыре танка, они отсекали автоматным огнем движущуюся за ними пехоту и заставили ее залечь. Но каким-то образом об этом стало известно тем, кто находился в немецких танках. Все четыре машины развернулись и принялись поочередно утопить траншею. Смертью храбрых пали лейтенант Баранский и его боевые побратимы.

Фашистские танкисты не остались безнаказанными. Вскоре с близкого расстояния по танкам ударили выдвинувшиеся сюда бронейщики рядовые Виктор Королев и Илья Логинов. Они вывели из строя две машины. Остальные две подбил расчет 45-миллиметрового орудия, за командира в котором остался рядовой Иван Федорец.

Воины полка держались стойко. На помощь им по приказу командира дивизии поспешили срудийные расчеты нашего 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Возглавлял его теперь майор В. Е. Осипов, отважный, мужественный человек. Прежний командир дивизиона майор К. Т. Шамаев, кавалер четырех орденов Красного Знамени, получил назначение в морскую артиллерию.

Противотанкисты майора Осипова и приняли на себя удар нескольких десятков «тигров», обнаружившихся на пехотинцев подполковника Серина. Дрались все огневые расчеты, как и всегда, не на жизнь, а на смерть. Одиннадцать танков подбили или подожгли они. Остальные машины, а с ними и немецкие пехотинцы, отступили.

Но во второй половине этого дня противник, стремясь, должно быть, взять реванш за неудачу, предпринял сильные атаки в нескольких местах. Особенно жаркие схватки разгорелись теперь на позициях 1166-го стрелкового полка. Группе немецких танков там удалось прорваться через боевой порядок стрелкового батальона майора А. Г. Дарчиашвили. Однако все они в глубине нашей обороны напоролись на сокрушительный огонь орудийных расчетов и были выведены из строя.

Надо сказать, что сам командир дивизии генерал Станкевский возглавил создание противотанковых опорных пунктов, десятки которых очень спешно появлялись в глубине нашей обороны. При этом были учтены указания и советы заместителя командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерал-полковника В. И. Кузнецова, который побывал в

то время в дивизии. Костяк противотанковых опорных пунктов составили орудийные батареи 915-го артполка. На усиление их были направлены и расчеты самоходно-артиллерийского полка, приданного накануне дивизии.

30 июля ровно в 6.00 враг атаковал позиции 1166-го стрелкового полка одновременно двумя колоннами. В первой насчитывалось 6 танков и до двух батальонов пехоты, во второй — 24 танка, а пехота находилась в нескольких бронемашинах. Фашисты были встречены ураганным огнем наших артиллеристов, броневыщиков, гранатометчиков. И вот уже закрутились на месте и задымили три «тигра», еще два подорвались на минах, установленных саперами. Однако около десяти немецких танков ворвались на позиции стрелковых батальонов майора Александра Дарчиашвили и капитана Сорокина и принялись неистово «утюжить» траншеи и окопы. Немало бойцов были заживо погребены. Но тот, кто уцелел, дрался с невиданным мужеством — за себя и за погибших товарищей. Отважно вступил в поединок с «тигром» командир 45-мм орудия старший сержант коммунист Бакси Питоян. Невероятно, но ему все-таки выстрелами в упор удалось сбить башню с немецкого танка. В эти минуты Питсян был ранен, но, истекая кровью, продолжал вести огонь, выполняя обязанности и погибших бойцов своего расчета. Стойко держались на своей позиции пулеметчики во главе со старшиной Андреем Родионовым, хотя ряды их таяли с каждой минутой.

Командир батальона майор Дарчиашвили все время находился среди своих пехотинцев, четко управлял боем, воодушевлял всех своим мужеством. Но вот он упал, тяжело раненый, потерял сознание и чуть было не угодил под гусеницы немецкого танка. На помощь ему бросились находившиеся неподалеку командир минометного взвода лейтенант Петр Федоренко, несколько бойцов. Они выхватили майора из-под надвигающейся стальной махины, доставили на медицинский пункт.

Никто из воинов 1166-го стрелкового полка не дрогнул, не поддавался панике и тогда, когда сражаться пришлось в окружении, а связь с командованием дивизии прервалась. В этой сложнейшей ситуации серьезное испытание держал каждый из них, и в первую голову: исполняющий обязанности командира полка майор Н. Г. Яскевич, заместитель командира по политчасти подполковник Г. Ф. Лубягов, начальник штаба майор В. Н. Комисаренко. Все трое оставались самими собою, были глубоко уверены в победе над врагом и эта уверенность передавалась всем. Хотя некоторым немецким танкам удалось прорваться через позиции полка, но ни одному солдату вражеской пехоты не позволено было здесь пройти. Об этом позаботились вместе со стрелками: минометчиками, артиллеристами и отважные саперы, которых возглавлял опытный офицер ростовчанин Иван Федотович Измайлов. Пренебрегая опасностью, они без малейшего промедления «латали» разрушенные врагом минные заграждения, устанавливали новые.

Ожесточенные бои в тот день — 30 июля 1944 года — кипели на всем переднем крае дивизии. Удар, который фашисты обрушили против 1164-го стрелкового полка, пришелся своим острием на позиции батальона майора П. М. Полищука. «Ни шагу назад!» — передавали там из окопа в окоп. Первыми вступили в бой бронбойщики комсомольцы Виктор Баунов и Петр Грязнов, два закадычных друга. Выстрелами в упор они подожгли немецкий танк. Но через мгновение оба погибли под гусеницами второго танка, навалившегося на их позицию с фланга. Оба героя, отдавшие жизни во имя нашей победы, награждены орденом Отечественной войны 1-й степени.

Отражая натиск немецких танков и пехоты, стойко держались артиллеристы полковой батареи, возглавляемой старшим лейтенантом коммунистом Вениамином Гунером. Легкие 45мм орудия не могли пробить лобовую броню вражеских танков, но отважные артиллеристы находили уязвимые места в их бортах, тыльной части, били по-снайперски метко. Шесть остальных машин были выведены ими из строя; три из них остановил орудийный расчет в составе командира старшего сержанта Григория Кругликова, наводчика ефрейтора Василия Бобылева, заряжающего рядового Петра Семенова и ящичного рядового Изита Магубова.

Снова атаковал враг в этот день и позиции 1168-го стрелкового полка. Когда немецкие танки приближались здесь к нашим траншеям, бронбойщик комсомолец Дмитрий Баловердин, забравшись в заранее огрытый окоп, подбил головную машину. Это вызвало у фашистов некоторое замешательство, и они направили танки в обход. Но там уже стояли начеку полковые артиллеристы. Командир первого расчета, заменивший погибшего накануне командира взвода старший сержант Лугачанин Иван Бацула обратился к своим бойцам: «Хлопцы, ни за что не пропустимо цых гадив!» И артиллеристы вступили в решительный бой с танками. Через несколько минут осколок немецкого снаряда оборвал жизнь коммуниста Ивана Бацулы. И тогда раздался голос сержанта Анатолия Перминова, принявшего на себя командование взводом: «По фашистским танкам — огонь!» Орудия не умолкали. Три подбиты «тигра» застыли на месте, окутаны дымом. В это самое время стрелковые роты полка обрушились огнем на немецких пехотинцев, следивших за танками. Пожалуй, больше всех скошил гитлеровцев пулеметчик рядовой Иван Андреевич Топко, на позицию которого ползла густая толпа врагов.

Орудия громыхали не только на переднем крае, но и в глубине обороны дивизии, там, куда прорвались немецкие танки и где были созданы опорные пункты. Командир 916-го артполка подполковник А. В. Веревкин, спокойный и, на первый взгляд, несколько медлительный, в боях был решителен, энергичен, вместе со штабом полка, политработниками он мобилизовал своих огневикув на сскрушительный отпор врагу.

Как и во многих прежних боях, снова отличился орудийный расчет старшего сержанта Георгия Степанюка из 5-й батареи. Ведя огонь прямой наводкой, он подбил два средних немецких танка. О том, как сражались артиллеристы 6-й батареи рассказала тогда газета 1-го Прибалтийского фронта в корреспонденции «Подвиг сержанта Никиты Кубряка». Трижды накатывались немецкие танки на позицию батареи, и каждый раз получали отпор. Отважно, мужественно дрались командиры взводов лейтенанты Петр Яковлев, Иван Бекичев, младший лейтенант Василий Денисов, командиры орудий сержанты Алексей Сальников, Андрей Нестеров, младший сержант Владимир Александров, наводчики сержант Никита Кубряк, рядовой Иван Козьяков. Для Никиты Кубряка, молодого парня из села Псковки Днепропетровской области это был последний день жизни. Тщательно прицелился он в приближавшийся танк и нажал спусковой рычаг. Прогредел выстрел. В это мгновение рядом с орудием разорвался вражеский снаряд. Кубряк упал, он был смертельно ранен осколками. Охваченный стремлением уничтожить немецкий танк, он поднялся на колени и хотел было стрелять. Но этого уже не требовалось, танк горел. «Ну вот и хорошо». — промолвил сержант Кубряк, и это были последние слова в его жизни.

Потеряв в бою 5 человек убитыми и 8 тяжело ранеными, 6-я батарея уничтожила 8 вражеских танков, отстояла свою позицию. На имя ее командира старшего лейтенанта Л. Е. Докторовича поступила следующая телефонограмма: «В боях за Советскую Прибалтику личный состав батареи проявил героизм, отвагу и беспредельную преданность нашей Родине. Поздравляю всех офицеров, сержантов и рядовых с достигнутыми успехами в бою 30 июля с. г. Выражаю всему личному составу благодарность и желаю новых боевых успехов в борьбе с немецкими захватчиками. Начальник политотдела А. Пантюхов. 31 июля 1944 г.»

За воинскую доблесть, отвагу и мужество воины батареи были награждены орденами и медалями.

В те дни жестоких боев воины дивизии с болью и негодованием узнали о зверской расправе, учиненной фашистами над попавшими в их руки нашими боевыми товарищами. В перелесках, где сражались подразделения 1166-го стрелкового полка и некоторые позиции по несколько раз переходили из рук в руки, было найдено более тридцати истерзанных до неузнаваемости, обгоревших тел наших бойцов. Над их братской могилой солдаты и офицеры поклялись беспощадно мстить врагу за все его злодеяния. «Не уйти фашистским палачам от возмездия и расплаты, — гневно заявил артиллерист Дмитрий Михайлович Ларин. — Пусть же их на каждом шагу преследуют наше презрение и наши пули, снаряды!»

Трое суток не прекращались исключительно упорные, ожесточенные бои. Во взаимодействии с другими частями и соединениями 2-й гвардейской армии батальоны и полки нашей дивизии отразили около двадцати атак механизированных сил противника. Было уничтожено 52 вражеских танка и самоходных орудия. ¹⁾

О событиях этих дней Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, в ту пору командующий 1-м Прибалтийским фронтом, напишет в своих мемуарах следующее: «...Противник возобновил наступление в стыке 11-го и 13-го гвардейских корпусов, но на этот раз главный удар обрушился на 346-ю стрелковую дивизию 54-го стрелкового корпуса, которой командовал генерал Д. И. Станкевский. Стрелковые части были смяты вражескими танками и стали отступать. Однако гитлеровцам не удалось далеко продвинуться, так как на их пути оказались опорные пункты предусмотрительно подготовленные командивом в глубине. К этому времени генерал П. Г. Чанчибадзе за 346-й стрелковой дивизией выдвинул из второго эшелона для занятия обороны 263-ю стрелковую дивизию генерал-майора А. М. Пыхтина, а 126-ю стрелковую дивизию полковника А. Н. Казакова перегруппировал для усиления обороны Байсогалы ²⁾».

Убедившись в том, что разрыв в направлении Байсогалы, Паневежис крепко закрыт, фашисты наконец прекратили атаки.

Нетрудно было догадаться, почему в своих планах дальнейшего затягивания войны гитлеровское командование отводило такое важное место Прибалтике. Ведь немецко-фашистская оборона здесь прикрывала Восточную Пруссию с северо-востока, обеспечивала немецкому флоту господство на Балтийском море. Немалую роль Прибалтика играла и как база снабжения фашистской Германии. Противник располагал тут крупной группировкой войск «Север», в которой, по данным советской разведки, насчитывалось свыше 40 дивизий. Вся территория от линии фронта и до побережья Балтийского моря была изрезана заблаговременно спроектированными, инженерно оборудованными оборонительными рубежами. Следовало учитывать и то, что в Прибалтике преобладала лесистоболотистая местность, и это в значительной мере оказывало влияние на характер боевых действий. Наносить удары представлялось возможным главным образом вдоль коммуникаций.

Последний день июля 1944 года ознаменовался важным событием: механизированные войска 1-го Прибалтийского фронта, прорвав наклонную оборону врага юго-западнее Елгавы, устремились к Тукумсу, сломали сопротивление гитлеровцев в этом городе, полностью очистили его от оккупантов и вышли на берег Рижского залива в районе рыбацкого поселка Клапкленс. Огненные немецкая группа армий «Север» была

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, ол. 1, д. 17, л. 18.

²⁾ Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. — М., 1977, с. 383.

отсечена от южной части Прибалтики, лишена всех сухопутных коммуникаций, связывающих ее с Восточной Пруссией и группой армий «Центр».

Однако этот коридор, пробитый к морю механизированными войсками, оставался узким, непрочным; образно говоря, обе его «стенки» требовалось укреплять, наращивать.

К решению этой боевой задачи вместе с другими соединениями была привлечена и 346-я стрелковая Дебальцевская Краснознаменная дивизия.

— Выполняя приказ командования, — вспоминает начальник штаба дивизии полковник в отставке Ф. П. Тимченко, житель Харькова, — наши полки передали свои позиции, и, совершив марш, к 6 августа сосредоточились в лесу, что в пяти километрах юго-западнее Митавы. Здесь было объявлено личному составу, что наша дивизия вновь вошла в состав 1го гвардейского стрелкового корпуса 51-й армии. Командиром корпуса генерал-лейтенантом Иваном Ильичем Миссаном был отдан боевой приказ командованию дивизии. И снова — в путь. В течение трех ночных переходов наши полки совершили форсированный марш протяженностью около 200 километров и заняли скаговую оборону в один эшелон на 40-50-километровом фронте, а именно: 1166-й — окопался на рубеже по реке Лиелупе, от населенного пункта Люляс и севернее; батальоны 1168-го закрепились перед населенным пунктом Слока, от реки Лиелупе до Рижского залива. А 1164-й стрелковый полк подполковника Сыдько сменил в самом Тукумсе танкистов 8-й гвардейской мехбригады. Как видим, воины дивизии находились в своеобразных условиях, врага им следовало ожидать со всех сторон, на всех участках почти пятидесятикилометрового фронта.

И в самом деле, от всех и каждого в дивизии требовалось быть на чеку. Если в первый день пребывания батальонов подполковника Сыдько в Тукумсе там было тихо-спокойно, то с наступлением ночи послышалась во многих местах пулеметная, автоматная стрельба — стреляли из крыш и окон домов. С рассвета подразделения полка прочесали город, ну, увы! — безуспешно: не удалось обнаружить ни оружия, ни стрелявших.

Бой на окраине Тукумса вспыхнул утром 9 августа. Фашисты вырвались к нему на бронепоезде, к которому были прицеплены открытые вагоны с танками, зенитными установками. Весь огонь своих орудий и счетверенных зенитных установок бронепоезд обрушил на позиции стрелкового батальона капитана Ч. Токтобаева и поддержавшей стрелков батареи старшего лейтенанта Н. Перегулова. «К бою!... Огонь!» — услышали пушкари призывной голос своего командира. Несмотря на обстрел, орудийные расчеты вступили в огневой поединок с врагом. Меткими выстрелами был выведен из строя паровоз, разбиты два вагона с вражеской пехотой. За считанные минуты решилась судьба бронепоезда и находившихся в его составе танков. Приказом командующего 51-й

армии генерала Я. Г. Крейзера командир 2-й батареи старший лейтенант Н. А. Перегулов, мужественно руководивший огнем батареи в той свинцовой кутерьме, был награжден орденом Красного Знамени.¹⁾ Удостоились наград и его батарейцы, отличившиеся в бою: наводчик рядовой В. В. Гузенко, орудийные номера рядовые А. В. Загуменников, В. Д. Романов, Ю. У. Юлдашев.

Через несколько дней, 13 августа 1944 года, по приказу командования 1164-й полк подполковника Сыдько передал свой участок обороны в Тукумсе левому соседу — подразделением 417-й стрелковой дивизии. Отныне протяженность боевых позиций нашей, 346-й дивизии, незначительно сократилась и составляла уже 42 километра.

С утра и до позднего вечера воины-дебальцевцы трудились в поте лица. Возводили опорные пункты, узлы сопротивления. Создавали минные заграждения на танкоспасных направлениях. Артиллеристы подготавливали рубежи неподвижного и подвижного заградительного огня. Противотанкисты выкатывали орудия на прямую наводку вдоль шоссе новой дороги Рига — Тукумс и тренировались в уничтожении танков, механизированных средств противника.

А гроза уже собрала свои многочисленные тучи и вот-вот должна была разразиться. Об этом у нашего командования имелись веские оперативные данные. В подтверждение приведем выдержки из мемуаров Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна «Так шли мы к победе»:

«...Наибольшее опасение вызывало у нас острие клина, который мы вбили западнее Риги, перерезав все сухопутные коммуникации группы армий «Сезер». Ширина его была от 40 до 60 километров. Острие клина составляли четыре стрелковые дивизии 1-го гвардейского и 63-го стрелковых корпусов. Мы понимали, что для прочного удержания участка фронта четырех ослабленных в боях дивизий недостаточно, но больше ничего выделить не могли. Не было сомнений, что противник будет стремиться срезать вбитый клин под основание...

...16 августа обнаружили первые признаки ожидаемого нами контрудара. Утром генерал-лейтенант П. Г. Чанчибадзе прислал тревожную весть: вражеская пехота при поддержке 30 танков и авиации атаковала позиции 11-го гвардейского стрелкового корпуса в районе Кельме. Вскоре штаб армии донес о начале боев в районе города Рацейняи и западнее Шяуляя. Во второй половине дня и от командующего 51-й армией генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера поступило донесение о наступлении небольших сил пехоты и танков южнее Ауце.

...Утром 20 августа позвонил Крейзер: «Товарищ командующий! Противник перешел в наступление на Тукумс. Около трехсот танков окружает город с севера и юга. Оборона рухнула. Частям, обороняющимся в районе Тукумса, грозит окружение. «Пусть части дивизии,

¹⁾ ЦАМО, ф. 33, оп. 690155, д. 6828, л. 270.

обороняющиеся в районе Тукумса, организуют кругосую оборону и ожидают помощь. — приказал я. — а мы будем готовить контрудар для восстановления обороны. Немедленно передадим вам танковый корпус генерала Васильева и шестидесятый стрелковый из сорок третьей армии. Спустя два часа Крейзер доложил, что организует контрудар с целью восстановления связи с частями, обороняющимися в районе Тукумса. А во второй половине дня командарм 51-й сообщил, что на побережье Рижского залива, к северо-востоку от Тукумса, противник высадил морской десант с 35 кораблей и нанес удар навстречу танковым частям, наступавшим в направлении Тукумс. Рига против 417-й стрелковой дивизии; с востока же, из района Юрмалы, против частей 346-й стрелковой дивизии перешли в атаку значительные силы пехоты и танков. Генерал Крейзер попросил разрешить отвести 346-ю и 417-ю стрелковые дивизии на рубеж Елгава, Добеле. У меня не оставалось сомнения в том, что без немедленной помощи этим дивизиям угрожает гибель. Но помочь мы им пока ничем не могли. Поэтому я дал разрешение на отвод частей 346-й и 417-й стрелковых дивизий. Крейзер отдал им приказ пробиваться на рубеж Елгава, северо-западнее Добеле-Ауце».)

О приказе на отход командиру дивизии генералу Станкевскому предстояло узнать лишь во второй половине дня 20 августа. А бои разгорелись уже рано утром. После продолжительной артподготовки гитлеровцы при поддержке танков и штурмовых орудий атаковали позиции воинов-дебаляцевцев на всем фронте обороны -- от Лиеляса на реке Лиелупе до Бигаунциемса на Рижском побережье.

На правом фланге дивизии, в районе Кристыни, в бой вступил 1166-й стрелковый полк майора Н. Г. Яскевича. Все батальоны и роты отбивались от врагов в своих опорных пунктах и районах обороны. Под прикрытием густого тумана гитлеровцам удалось переправить через Лиелупе значительные силы, которые тут же устремились к Кристыне. До последнего патрона сражались на окраине этого населенного пункта бойцы стрелкового батальона майора Андрея Сорокина. В рукопашных схватках многие из них пали смертью героев. Заняв Кристыню, немецкие моторизованные подразделения направились по дороге на Сармас.

В это же время тяжелый бой с наседавшими танками противника и его пехотой вели также подразделения 1168-го стрелкового полка подполковника А. И. Серина. Уже были отражены две яростные атаки, но гитлеровцы все подвозили на автомашинах новые подкрепления и с ходу бросали их в бой. Ожесточенные огневые схватки часто переходили в рукопашные. Отважно дрались все воины полка — стрелки, пулеметчики, саперы, минометчики, противотанкисты. Не ряды их таяли.

1) Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. — М., 1977

На побережье Рижского залива фашистов громили батальоны 1164-го стрелкового полка Героя Советского Союза подполковника М. П. Сыдыко. Отразив две неприятельские атаки, предпринятые из района Капчури, они тут же вступили в бой с вражеским морским десантом, высадившимся с барж.

«Свои позиции мы сдерживали в течение нескольких часов...» — пишет в своих воспоминаниях автоматчик этого полка Владимир Ильич Шувалкин. — Однако обстановка резко изменилась после того, как противник высадил из многочисленных кораблей и барж огромный десант. Действия десанта поддержал с моря огнем своих орудий пресловутый крейсер «Принц Евгений». Силы оказались далеко не равными. И если говорить откровенно, от полного разгрома, уничтожения многих из нас, воинов полка, спасла... тамошняя лесисто-болотистая местность, которую мы до этого так проклинали и куда не рискнули сунуться вояки Гитлера».

Объективности ради, скажем о следующем. Накануне описываемых событий — 18 августа — из нашей дивизии были стозваны приданные ей ранее два легких пушечных артполка и полк РС БМ-13. Больше того, сложилось так, что именно в 4 часа 30 минут 20 августа, то есть за несколько часов до наступательных действий врага, убит в полном составе в распоряжение командира 1-го гвардейского стрелкового корпуса наш 266-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион.¹⁾ Правда, к 11 часам он возвратился (без потерянных в бою под Капузе нескольких орудий), но в отражении первых ожесточенных танковых атак противника на нашем участке фронта не принимал участия.

Враг наседал со всех сторон, не считался с потерями. В нескольких местах уже была перерезана немецкими танками и бронетранспортерами дорога Елгава — Тукумс. Как доложили разведчики на командный пункт командира дивизии, большая колонна вражеских танков, прорвавшаяся из Тукумса через позиции 417-й стрелковой дивизии, двигалась теперь к Сморгдегскрогу. А ведь в нем находились штабы 346-й дивизии, 915-го артполка, дивизионный медсанбат. Обстановка для нас с каждым часом осложнялась, становилась все тревожнее. И когда наконец поступил приказ на отход, — дивизия уже находилась в окружении, все ее части и подразделения, включая тыловые, вели бои. Оторваться от противника теперь было не так-то просто.

«...Навсегда мне запомнился тот роковой день: 20 августа 1944 года. — читаем на страницах воспоминаний полковника в отставке К. И. Рыбакова: в то время он был майором, начальником штаба артиллерии дивизии. — Ровно в 12 часов генерал Д. И. Станкевский срочно собрал у себя на командном пункте командиров полков, отдельных подразделений, офицеров штаба, политотдела и отдал устный приказ на выход из

¹⁾ ЦАМО, ф. 1065, ов. 1, д. 1, л. 14.

окружения. Всему личному составу стрелковых подразделений в полной боевой экипировке с личным и групповым вооружением следовало организованно выходить лесом через болотистую низменность Тырелю-Пурвс, что в трех километрах южнее города Кемери. В этой основной колонне находились командование дивизии, штаб. А во вторую колонну включалось все, что было на колесах: подразделения 915-го артполка, 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, а также 303-я отдельная зенитно-артиллерийская батарея, автотранспорт тыла, стрелковых полков. Здесь руководство возлагалось на командира артполка А. В. Веревкина и штаб командующего артиллерией дивизии. Колонне надлежало продвигаться со всеми мерами боевого охранения по грунтовым дорогам вдоль лесных опушек и болота Тырелю-Пурвс и выйти к Елгаве, куда был намечен конечный пеший путь и стрелковым подразделениям... Отдавая приказ, генерал Станкевский обратил наше внимание на то, что воинам-краснознаменцам выпало держать, возможно, самое серьезное, самое ответственное испытание, и вместе с начальником политотдела он верит: среди них в предстоящие часы, дни не объявится ни одного труса, паникера».

Нам, авторам этого повествования, самим пришлось находиться в той обстановке и скрывать не будем: горько, обидно, тревожно было услышать весть: «Мы окружены». Не по наслышке, а по собственному опыту знали какую реакцию нередко вызвала у наших бойцов подобная весть в начальный период войны. Но время уже было другое. Да и люди в военной форме стали совсем иными. Шел на исход 1944 год, советские войска грозной поступью приблизились туда, откуда фашистские агрессоры принесли беды и несчастья на нашу землю. Поэтому это неприятное известие теперь не могло оказать ни на кого из нас такого психологического воздействия, как когда-то. Скорее наоборот, весть об окружении вызвала у бойцов и командиров дивизии неумемную ярость, стремление еще беспощаднее бить наглого, хотя и опасного в своей агонии врага. Это подтвердили дальнейшие события.

Самое срочное и неотложное решение, принятое командиром дивизии, состояло в том, чтобы остановить, задержать танковую колонну противника, двигавшуюся из Тукумса к Смердэгскрогсу — к тылам дивизии. Выполнение этой задачи командир 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона майора В. Е. Осипов возложил на батарею капитана М. Г. Панасенко. Ее орудийные расчеты тут же направились к развилке, где дорога расходилась на Тукумс, Кемери, Елгаву. И вот командир гольсового орудия сержант коммунист Николай Банько подавал сигнал: «Слышу гул танков противника». А своему расчету он командовал: «К бою!» Но из белесой пелены тумана, лягзая гусеницами, уже вырвался вражеский «тигр». В следующие секунды произошло то, чего никто не ожидал: водитель артиллерийского тягача рядовой Анатолий Мокрынский направил с ходу свою машину навстречу «тигру», стрел-

мясь тем самым прикрыть боевых товарищей. Грянул выстрел из танка — и тягач застыл на месте с развороченным мотором, разбитой кабиной. Анатолий погиб. Но за эти десятки секунд расчет сержанта Банько успел развернуть, зарядить орудие и с очень близкого расстояния ударить по машине с черными крестами на бортах. «Тигр» запылал. В жестокий, неравный бой с колонной немецких танков вступила вся батарея. Сдерживая бешенный натиск врага, артиллеристы стояли насмерть. Пять «тигров» уже горели посредине дороги, шестой с перебитой гусеницей накренился у кювета, уткнувшись в асфальт хоботом пушки. Но поредел и ряды батарейцев. Три орудия вышли из строя, изуродованные попаданиями вражеских снарядов; на их станинах, у покосившихся колес лежали павшие герои-пушкари. Сержант Банько, устало размазывая плиткой гарь и пот на лице, с болью и отчаянием смотрел на умолкших боевых побратимов Карпова, Аншурова, Сафонова, Неведсва. С ними он прошел многие сотни фронтовых верст, первым в своем дивизионе форсировал Сиваш. В минуты затишья делился с ними сокровенным, вслух мечтал о грядущем дне Победы. И вот осколки вражеских снарядов оборвали их жизни.

Батарея капитана М. Г. Панасенко достойно справилась с поставленной перед ней серьезной боевой задачей. Стойкостью, героизмом и кровью воинов-противотанкистов были отсечены у врага такие нужные всем в дивизии полтора часа времени. Вскоре в бой с танковой колонной противника вступили подразделения прикрытия тыла дивизии, а также стрелковый батальон капитана Ф. П. Сокола из 1164-го стрелкового полка.

Тем временем роты, батальоны и полки подтягивались по лесам и перелескам к болотистой низменности Тырелю-Пурвс. Не все, к сожалению, ладилось. Так, оказалось, что в 1164-м стрелковом полку нарушилась связь со 2-м стрелковым батальоном, занимавшим оборону севернее города Кемери. Командир полка подполковник М. П. Сыдько отдал старшему лейтенанту М. М. Паншину, агитатору полка, приказание: во что бы то ни стало пробиться с батальоном и вывести его из вражеского окружения. Справиться с этим офицеру-политработнику, выпускнику Военно-политической академии имени В. И. Ленина, помогли смелость, находчивость, большой фронтовой опыт.

Наконец, все стрелковые подразделения дивизии сосредоточились в назначенном месте, откуда и началась для них дорога в «ад». Это был невероятно тяжелый, изнурительный переход через гиблые болота. Люди, повозки, орудия на конной тяге, полевые кухни — все это вязло в густой тине. Под колеса то и дело приходилось подкладывать наскоро сделанные плоты, а также бревна, связки веток. В довершение ко всему начался непрерывный обстрел этих мест дальнобойными орудиями врага. К трем часам ночи — было уже 21 августа — колонна преодолела болота и вышла в лес севернее Сармаса. Теперь предстояло, пожалуй, са-

мое важное: прорываться через позиции противника в направлении Баяса. Генерал Станкевский провел с командирами частей и отдельных подразделений короткое совещание. После уточнения обстановки, всем были распределены задачи в предстоящих действиях.

И вот плотными толпами, оцетинившимися стрелковым оружием, устремились воины-дебальцевцы на прорыв. Впереди по-прежнему шли полковые и дивизионные разведчики со своими командирами. Надо ли говорить о том, что испытывал каждый из нас? Давали о себе знать и усталость, и нервное напряжение. И чего скрывать: каждого не покидала мысль о том, что с минуты на минуту может встретить свой смертный час. Лишь короткие, как винтовочный выстрел, команды, шепотом отдаваемые командирами, выводили людей из оцепенения: «Вперед!.. Вперед!...»

В тот момент, когда наши разведчики столкнулись с фашистами, в небо взвились осветительные ракеты, ударили, заливаясь, несколько немецких пулеметов. Но уже ничто не могло сдержать выстраданный, непреходящий порыв наших воинов. Ведя на ходу ответный ураганный огонь, они заставили умолкнуть немецких пулеметчиков. Через брешь в форсированном темпе проходили подразделение за подразделением, на рысях проезжали повозки, нагруженные до отказа. Однако и гитлеровцы не дремали. Определив место прорыва, они открыли с флангов стрельбу по нашей колонне. А когда подтянули подкрепления, то и вовсе закрыли брешь в своих боевых порядках. Горько было слышать о том, что некоторые наши подразделения, отрезанные от основной колонны, вынуждены были вернуться обратно — в болотистую низменность Тырелю-Пурвс.

Между тем в рядах пехотинцев, преодолевших как немецкий, так и свой передний край, многие со вздохом облегчения заявляли, что, мол, прошли они сквозь огонь, воду и медные трубы, и — представьте себе: остались живы!

А как же обошлась судьба со второй колонной, в которой собралось больше ста нагруженных автомашин и тягачей с орудиями? Она вытянулась для совершения марша во второй половине дня 20 августа и к его исходу прошла около 20 километров. На рассвете 21 августа колонна возобновила движение по проселочным и лесным дорогам, но на подходе к одному из хуторов была обстреляна ружейным огнем. Воины головной походной заставы и боевого охранения вступили в бой с гитлеровцами и вблизи их из хутора: около десяти из них остались лежать на дороге. Обходя трупы, машины миновали хутор и в дальнейшем достигли с твердым покрытием. Но тут снова были обстреляны из засады, на этот раз не только ружейным и пулеметным огнем, но и орудийным — из танка. Загорелась шедшая в голове колонны машина с зенитной установкой. Командир 1-й батареи капитан И. П. Фетисов, находившийся в головной походной заставе, развернул 76-мм пушку и открыл огонь по танку. Тот был выведен из строя. По команде подполковника А. В. В-

ревкина в бой вступили все солдаты и офицеры, находившиеся в машинах, тягачах. Фашистов удалось частично уничтожить, а остальных отбросить. Но и у нас были потери: четверо убитых, больше десяти раненых, среди них и капитан Фетисов.

Оценив обстановку, офицеры А. В. Веревкин, К. И. Рыбаков, В. Е. Осипов совместно приняли решение: подтянуть колонну к шоссе Тукумс — Елгава, дожидаться ночи и с зажженными фарами на предельной скорости идти к Елгаве — на прорыв к своим войскам. Решение, несомненно, было рискованным. Это понимали все трое. Но знали они и то, что на войне нередко складывалась непредвиденная сложная обстановка, и тогда риск, граничащий с дерзостью, быстрота и решительность действий играли решающую роль в достижении поставленной цели. Следовало отдать должное и одному из инициаторов такого решения: опытному, находчивому командиру 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона майору В. Е. Осипову. Он же теперь возглавил головную походную заставу, прокладывающую путь всей колонне.

Больше двух часов продолжался этот отчаянно дерзкий ночной марш свыше сотни автомобилей и артиллерийских тягачей с орудиями. Включенные фары ослепляли всех, кто попадался на шоссе. Должно быть, находясь в неведении, вражеские посты не рискнули открыть по колонне огонь, хотя несколько раз и предпринимали попытки остановить головные машины. К счастью, и через передний край противника южнее Елгавы удалось прорваться без боя; гитлеровцы, надо полагать, спешили или же с просонья не могли сообразить что происходит.

Все подразделения и части дивизии, вышедшие из окружения, занимали позиции северо-западнее Елгавы, в районе Тушти — во втором эшелоне 10-го стрелкового корпуса. Люди приводили себя в порядок, чистили оружие, боевую технику. В части поступало пополнение, всоружение.

Однако всех и каждого в дивизии очень беспокоила судьба тех солдат и офицеров, которые не смогли прорваться из окружения с основной колонной. Что с ними? Живы ли?

Здесь нам впору обратиться к страничкам воспоминаний старшего лейтенанта саратовца Григория Львовича Гинзбурга — начальника артснабжения 1166-го стрелкового полка:

«...Всех, кто оказался в окружении в районе болота Тырелю-Пурас, объединило неистребимое стремление к отпору. Держались мы порознь: отделениями, взводами — этого требовали условия маскировки. Быстро приспособились к новым условиям, появились общие заботы, начала работать походная кухня. Меню неизменное: маленькие кусочки отварной конины — без хлеба, без соли. Врачи, медсестры помогали раненым и больным чем только могли. На перевязках ободряли нас: смотрите, мол, какие замечательные условия — кругом лес, настоящий курорт, дышите кислородом. Но разведка приносила печальные вести: вокруг болота немецкая вооруженная охрана со сторожевыми собаками. Однажды в пол-

день мы услышали из репродукторов врага музыку любимой песни. Но «Катюша», которая звенела и радовала в землянках, отогревала душу в походах, облеглачала нерадостные раздумья о долгой разлуке с родными, теперь вызывала не радость — тревогу. После «музыкального вступления» немцы «любезно», на русском языке, зазывали нас к столу, приготовленному на 100 персон. И хотя сами-то находились накануне своей гибели, сообщали о «новом приказе» фюрера сохранить пленным не только жизнь, но и звание, награды. Но услащенный призыв к предательству успеха не имел, советские воины предпочитали гибель немецкому плену... Противник мог в любой момент начать прочесывание этих мест, и тогда — конец».

Судьба наших однополчан, оказавшихся в беде, как мы узнали позже, беспокоила и командующего 1-м Прибалтийским фронтом, хотя, казалось, забот у него было великое множество, и каких забот! Но вот строки из мемуаров Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна: «...К началу сентября в тылу противника к северо-западу от Елгавы оставалась лишь часть сил 346-й стрелковой дивизии (800—900 человек), так как ее главные силы пробились через вражеское кольцо. Я приказал Я. Г. Крейзеру направить в район окружения смелого, решительного и предприимчивого офицера 346-й стрелковой дивизии, чтобы организовать прорыв окруженных на Елгаву. Выбор пал на заместителя командира 1164-го стрелкового полка майора Павла Семеновича Бублия.»¹⁾

Нельзя сказать, что до этого имя майора Бублия было неизвестно воинам-дебальцевцам. Он не раз отличался в боях и об этом рассказывала дивизионная газета. Стройный, подтянутый, с щегольскими усами, он запомнился многим еще и тем, что никогда не расставался с клинком, служившим верную службу в рукопашных схватках с гитлеровцами. В Красную Армию Павел Бублий, комсомолец, молодой слесарь железнодорожных мастерских под Харьковом, пришел еще в довоенные годы. В должности помощника командира стрелкового взвода участвовал в боях с белофинами, заслужил свою первую боевую медаль. Под Сталинградом возглавил стрелковый батальон, стал коммунистом. Там же был удостоен ордена Красного Знамени.

Но всеобщая и признанная всеми известность пришла к Павлу Семеновичу Бублию теперь, когда он во главе группы в 12 человек блестяще выполнил это серьезное, ответственное задание, когда, по его словам, каждому из них, тринадцати, потребовалось собрать свою волю и силы в кулак; проявить в полной мере смелость, расторопность. Вот имена этих отважных людей: старший лейтенант Василий Ермаков — командир взвода управления командующего артиллерией дивизии; младший лейтенант Алексей Климов — командир взвода в 414-й отдельной разведроты; сержант Михаил Семко — командир отделения в этой же роте; рядовые Иван Таценко, Иван Мямин, Николай Ильин, Павел Мяс-

¹⁾ Баграмян И. Х. Так мы шли к победе, М., 1977, с. 421.

ких, Григорий Курзин — разведчики этой роты. Вшли в группу также: рядовой Егор Антонов — радист роты связи; сержант Дмитрий Трапезников — начальник радиостанции отдельной разведроты; старший сержант Георгий Мельников — командир отделения в 473-м отдельном саперном батальоне и автоматчик рядовой Петр Баулин.

В ночь на 2 сентября группа майора Бублия просочилась через передний край противника и за двое суток собрала в районе Тырелю-Пурво свыше 700 однопольчан. Были сформированы одиннадцать временных рот, в которых насчитывалось 52 офицера, 79 сержантов. Затем в течение двух ночей «окруженцы» весьма организованно, поротно, неся сорок раненых и больных, со скоротечными боями, чаще всего рукопашными, прошли тридцать очень трудных километров к линии фронта и сноватаки с рукопашным боем прорвались к своим. Вынесли и всех раненых, больных.

На следующий день, 6 сентября 1944 года, в дивизию приехали командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии И. Х. Баграмян и командующий 51-й армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер. Беседа с солдатами и офицерами они интересовались их настроением, спрашивали о пережитом.

— Вижу, что из серьезного испытания люди дивизии вышли молодцами. Рад за вас! — сказал генерал армии.

За выполнение боевого задания особой важности все двенадцать офицеров, сержантов и солдат были награждены орденами Красного Знамени, а майору Павлу Семеновичу Бублию присвоено Звание Героя Советского Союза.¹⁾

По-разному сложилась судьба тех, кто прорывался из окружения в одиночку. Не всем посчастливилось добраться к своим. Горькая участь ожидала всех, кто очутился в плену. Но для разведчика из дивизионной разведроты рядового Александра Яковлевича Вивденко, кавалера ордена Славы III-й степени, обстоятельства сложились вовсе невыносимые: в фашистском лагере для военнопленных у него распухла, почернела раненая нога; пришлось с помощью самодеятельных хирургов отрезать ее обыкновенным ножом. Мужественно, стоически перенесет разведчик все невзгоды, лишения, унижения. Нелегко придется ему и тогда, когда после войны вернется на костылях в родную Горловку. Однако на своих ежегодных встречах однопольчане-дебальцевцы каждый раз будут видеть его оптимистом, «человеком фронтовой закалки».

Во второй половине сентября — начале октября 1944 года части нашей дивизии, находясь во втором эшелоне, готовились к новым боям.

Следовало считаться с тем, что советская власть в прибалтийских республиках установилась лишь незадолго до начала войны. Оставили тут о себе недобрую память с их лживыми антисоветскими проповедями

¹⁾ Герой Советского Союза. М., 1987, т. 1, стр. 210.

губбельсовские сатрапы и их местные фашистские прихвостни. С учетом всего этого наши армейские пропагандисты, политработники, агитаторы, рядовые коммунисты разъясняли жителям освобожденных сел и городов внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства, рассказывали о выдающихся победах Красной Армии, разоблачали буржуазных националистов и их подрывные действия. Все это помогало укреплять связи советских воинов с местным населением.

В тоже время обстоятельства потребовали со всей серьезностью заняться воспитанием у каждого стрелка, связиста, сапера, минсметчика, артиллериста высокой бдительности, добросовестного отношения к несению караульной службы, боевого охранения. Ведь гитлеровская военная разведка весьма рьяно засылала к нам своих агентов, диверсантов: благо лесистая местность, болота облегчали их проникновение. Однажды командир саперного отделения старший сержант Иван Савва заметил в густом перелеске мужчину в гражданской одежде, с чайником в руках. Савва окликнул незнакомца для выяснения личности, но тот, отпрянув в сторону, поспешил скрыться в зарослях. Такое поведение гражданского человека в районе расположения войск показалось Савве подозрительным, и он, догнав мужчину, потребовал предъявить документы, но в ответ услышал ругань, угрозы. Высокий, сильный, смолоду друживший со спортом, Савва в мгновение ока заставил неизвестного подчиниться и отконвоировал его прямехонько к начальнику особого отдела дивизии. В своих предположениях бдительный старший сержант не ошибся: задержанный оказался вражеским диверсантом.

К сожалению, несколько наших оружейных и минометных расчетов, огневые позиции которых находились в глухих перелесках, пострадали от внезапного нападения вражеских диверсантов. Потребовалось принять дополнительные меры, усилить охранение, внушить людям: враг не дремлет!

В течение июля, августа и сентября 1944 года по инициативе командиров, политработников дивизии было отправлено 275 писем родителям воинов, отличившихся в боях. Обычно такие письма — их было принято называть благодарственными — предварительно зачитывались личному составу отделения, взвода, а то и роты. Письма с фронта... Написанные командирами, политработниками или же самими воинами, они были желанными весточками в семье каждого фронтовика. А как дороги были для нас, фронтовиков, письма из тыла, от родных и близких знакомых и незнакомых людей! Сколько теплых улыбок появлялось на лицах уставших солдат, когда полевая почта приносила им незатейливые подарки, поступавшие из разных городов и сел всей нашей страны: кисеты для махорки, носовые платки, варежки, носки.

Время сменяло один за другим свои дни. Война откатывалась все дальше на запад, достигла она уже и территории фашистского «рейха». Для разгрома вражеской группировки в Прибалтике Ставка привлекла войска Ленинградского, трех Прибалтийских фронтов и Краснознамен-

ный Балтийский флот. Общее руководство действиями фронтов осуществлял представитель Ставки Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Мощной артиллерийской канонадой и ударами авиации три Прибалтийских фронта 14 сентября возобновили наступление, а 17 сентября в него включились войска Ленинградского фронта. К 26 сентября была очищена от фашистских захватчиков вся материковая Эстония. К этому времени армии 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов отбросили врага на оборонительный рубеж, прикрывавший Ригу с севера и востока. В ожесточенных боях немецкая группа армий «Север» понесла тяжелые потери. Однако расчленив группировку врага в Прибалтике советским войскам все же не удалось. Чтобы решить эту задачу, Советское командование приказало войскам 1-го Прибалтийского фронта нанести удар из района Шяуляя на Клайпеду, выйти на побережье Балтийского моря и отрезать противнику пути отхода в Восточную Пруссию. В этих целях за короткое время были перегруппированы почти все силы фронта на новое направление и скрытно сосредоточены для удара. 5 октября танковые соединения фронта перешли в наступление: началась операция, ко-торой предназначено было войти в историю Великой Отечественной войны под названием Мемельской (город Клайпеда носил название Мемель). Удар для противника оказался неожиданным, оборона его была прорвана. В сражение вошли новые танковые части, а затем для наращивания усилий и наша 51-я армия — второй эшелон фронта.

Вместе с другими соединениями, частями получила приказ на наступление и 346-я стрелковая дивизия генерал-майора Д. И. Станкевского, по-прежнему входившая в 1-й гвардейский стрелковый корпус. Утром 7 октября она форсировала в районе Тришкяй-Стскмяны северо-западнее Шяуляя реку Вервичай и тут же столкнулась с противником. Бои были быстротечными; гитлеровцы, оказывая слабое сопротивление, стремились, как видно, поскорее отойти на подготовленные к обороне рубежи. К исходу 8 октября части дивизии продвинулись до 35 километров, освободили десятки сел, хуторов, форсировали реку Вардува южнее Седа, что в Мажейкяйском районе, перерезали в этой лесисто-болотистой местности шоссейные дороги Седа — Тельшай и Седа — Вардува.

Вечером 8 октября небо Москвы озарилось салютами в честь войск 1-го Прибалтийского фронта, прорвавшими оборону врага.

На следующий день пехотинцы 1168-го стрелкового полка и артиллеристам 5-й батареи лейтенанта Виталия Михайловича Седлецкого выпало сражаться под Тельшаем. Вместе с передовым отрядом 1-го гвардейского корпуса они приняли участие в овладении этим городом. Боевая удача ожидала здесь инициативного, находчивого майора Андрея Михайловича Снежко — командира 2-го стрелкового батальона. Со своими бойцами он зашел в тыл немецкого подразделения, державшего оборону, и навалился на гитлеровцев, что говорится, как снег на голову. Около двадцати фашистов сдались в плен; были захвачены в исправном

состоянии автомашины, доверху нагруженные имуществом, продовольствием. Майор Снижко стал в Тельшае кавалером ордена Александра Невского.

Напористо, отважно действовали и артиллеристы, поддержавшие 2-й стрелковый батальон. Расчет сержанта М. Г. Горелова уничтожил две вражеских огневых точки, прижал огнем к земле и частично истребил немецких солдат соседнего подразделения, пытавшихся оказать сопротивление. Старший радиотелеграфист батареи сержант Е. Ф. Егоров, находявшийся с радиостанцией среди пехотинцев, не только оперативно передавал огневикам данные, но и сумел пленить четырех гитлеровцев. За это был награжден орденом Красной Звезды.

В течение 9 октября продолжали успешно наступать и другие полки дивизии; ими было очищено от оккупантов также местечко Моседис Скуодосского района.

Шестой день наступления войск 1-го Прибалтийского фронта — 10 октября — стал решающим: его ударные подвижные силы прорвались на побережье Балтийского моря севернее и южнее Клайпеды (Мемеля) и блокировали город-порт с суши. Вражеская группа армий «Север» второй раз была отрезана от Восточной Пруссии, и теперь, как увидим, окончательно, навсегда.

В этот день батальоны нашего 1166-го стрелкового полка в боевом содружестве с артиллеристами овладели станцией Скуодос, а 1164-й стрелковый полк вырвался к станции Иеча, охватил ее со стороны леса и железнодорожных путей. Фашисты встретили наступающих массированным огнем, а вскоре сами предприняли в нескольких местах контратаки. Ожесточенные перестрелки то тут, то там переходили в рукопашные схватки. Неожиданно группа немцев прорвалась к пристанционной будке, откуда командир полка подполковник М. П. Сыдько руководил боем. Михаил Петрович подал всем находившимся рядом с ним людям — посыльным, радисту, телефонистам, трем автоматчикам — команду «В ружье!» и сам первым встретил врагов меткими выстрелами из пистолета. Поддержавшие его длинными свинцовыми очередями автоматчики, довершили дело: все гитлеровцы были расстреляны.

Бой не утихал в течение всей второй половины дня. Немцам удалось вклиниться в боевой порядок наших стрелковых батальонов, потеснить их. Прорвались фашисты и к наблюдательно-командному пункту капитана И. С. Ефимова — командира 2-й батареи 915-го артполка, приданной пехотинцам подполковника М. П. Сыдько. Так уж случилось, что в эти критические минуты офицер коммунист Исай Сергеевич Ефимов остался один на один с полевым телефонным аппаратом, связывавшим его с огневыми позициями своей батареи. Тот час же услышали батарейцы решительный приказ своего командира: «Огонь на меня!» В следующие минуты сплошная стена разрывов вздыбилась там, откуда донеслись последние слова мужественного тридцатилетнего капитана. За смерть команди-

ра-героя батарейцы расплатились сполна, уничтожив огневыми налетами десятки гитлеровцев.

В боях за Иечу приняли участие также артиллеристы батареи старшего лейтенанта В. И. Золдырева. Орудийные расчеты сержантов А. Баскова, И. Огыреева, В. Маркова выкатывали свои пушки на прямую наводку, в упор расстреливали поднимавшихся в контратаки немецких автоматчиков.

Серьезное испытание ожидало на исходе этого дня капитана И. А. Андрейчука — заместителя командира 1-го батальона по политической части. Контратака противника застала его в одном из стрелковых взводов. Численное превосходство врага было очевидным. Взвод оказался в окружении. Андрейчук, оценив ситуацию, поднял бойцов в атаку и повел их на прорыв. Воодушевленные им бойцы прорвались через вражеское кольцо, но сам капитан остался в расположении противника: тяжело раненный, он упал в густом кустарнике. К счастью, фашисты его не заметили. Едва стусились сумерки, на розыски капитана через перелески поползли солдаты-комсомольцы М. Скороходов и Г. Макогонов. Не сразу удалось им найти тот самый кустарник, что укрыл капитана. В течение нескольких часов они блуждали в поисках своего замполита. Вернулись смертельно уставшие, исцарапанные ветками, в изодранной одежде, но не один — принесли на себе истекавшего кровью капитана. Его жизнь была спасена.

Спротивление фашистов на железнодорожной станции Иеча в конце-концов завершилось для них полным разгромом, лишь немногим оставалось убежать живыми.

Получив на то соответствующий приказ командования, 1-й гвардейский стрелковый корпус в составе 257-й, 267-й и 346-й дивизий 11 октября круто повернул на север свое дальнейшее продвижение, имея задачу: выйти на реку Барта, форсировать ее и стремительным ударом овладеть важным портом и крупным городом Латвийской ССР — Либава (Либава).

Темп наступления наших войск резко снизился. Спротивление противника возросло час от часа. Как станет известно в дальнейшем, гитлеровское командование срочно перебрасывало сюда подкрепления из-под Риги, с ходу бросало их в бой.

Утром 16 октября после короткой артиллерийской и авиационной подготовки все наши части одновременно предприняли атаку. Продвигаться за весь день удалось всего на 3—4 километра.

А на следующий день — 17 октября — враг ответил сильными контратаками. Стойко дрались батальоны 1166-го стрелкового полка, сдерживая натиск фашистов вдоль лесной дороги, тянувшейся к реке Барта. Врагу был поставлен прочный заслон. Героями ожесточенных схваток стали многие стрелки, пулеметчики, бронебойщики, минометчики.

Можно было увидеть на самой передовой и невысокого шустрого паренька в военной форме. Свои обязанности он, связной штаба полка красноармеец-доброволец Вася Герасименко выполнял с мальчишеским азартом. Получив письменное или устное приказание в штабе, он, очертя голову, мчался сквозь огонь, чтобы без промедления доставить его по назначению — в батальоны, роты. В свои юные годы паренек был награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». На войну он убежал на второй день после того, как ушел на фронт отец — Антон Трофимович. Василий в эти дни еще не знал, что их с отцом военные дороги пролегли рядышком, что оба они воевали в одной и той же 51-й армии, возможно, даже бывали в одних и тех же селах, хуторах. Свидетелься им, к сожалению, так и не привелось. Только весной 1945 года Василий узнает, что военный водитель Антон Трофимович Герасименко пал смертью героя в бою под Шяуляем. На могилу отца он, майор запаса Василий Антонович Герасименко, приедет уже в послевоенное время вместе с матерью, братом и сестрой.

Был в 1166-м стрелковом полку еще один «сыночек»: худенький подросток Алеша Лубягов. «Приблудился» он к штабному взводу управления под Ельней и оказался... родным братом замполита полка майора Георгия Федоровича Лубягова. В военную пору дети быстро выросли, вот и Алеша очень скоро научился наравне со взрослыми исправно выполнять обязанности связного, разведчика. Вместе со своим взводом Алеша прорывался из вражеского окружения через болото Тырел-о-Пурвис, как и его старшие товарищи, участвовал в отражении атак фашистов. Старший брат находился тогда в другой колонне и серьезно переволновался за него. Но в конце концов юный боец вернулся живым и невредимым. В дальнейшем Алексею Лубягову предстояло стать курсантом военного училища, а после его окончания — офицером.

За каждый хуторок на хурляндской лесистой земле, за каждую высотку наши воины вели ожесточенные бои. К тому же непрерывные осенние дожди и усилившаяся распутица очень затрудняли передвижение автомашин, артиллерии, подвоз боеприпасов. Если с 7 по 15 октября части дивизии продвинулись на 80—90 километров, то с 16 по 22 октября, то есть ко дню завершения Мемельской наступательной операции — на 5—6 километров. Противник в течение последних дней непрерывно контратаковал наши части, не допуская их к реке Барта.

В один из тех огненных дней осколком вражеского снаряда был сражен подполковник Алексей Васильевич Веревкин, командир 915-го артиллерийского полка. Уроженец деревни Ивановка Липовецкого района Курской области, он в предвоенные годы окончил артиллерийское училище, стал кадровым командиром. Через многие испытания провел он своих пушкарей по дорогам войны — от донских степей до Курлянского полуострова. Не посчастливилось мужественному тридцативосьмилетнему офицеру-огневику дожить до светлого дня Победы, о которой он так мечтал. Похоронили его в латвийском поселке Ленкимае.

На должность командира полка заступил майор К. А. Шакур. В те же дни вся дивизия узнала о подвиге комсомольца рядового Ивана Пустоварова, разведчика 1166-го стрелкового полка. Фашисты схватили его в тылу своих позиций при выполнении им боевого задания. Тяжело раненный в перестрелке, Пустоваров часто терял сознание, но едва приходил в себя, его начинали допрашивать: кто он, из какой части. Его истязали. Но мужественно перенося страшную боль, он не сказал врагам ни слова. Взбешенно стойкостью советского солдата, гитлеровцы надругались над ним, изувечили, искололи ножами лицо, грудь. Истерзанное тело героя, своего боевого товарища, подобрали наши воины, наступавшие на этом участке. Были захвачены и несколько немецких раненых солдат, рассказавших о том, что произошло.

25 октября 1944 года дивизионная газета опубликовала материал о бесчеловечной расправе фашистских вандалов над отважным нашим разведчиком Иваном Максимовичем Пустоваровым. Ему, сыну воронежского шахтера, награжденному тремя орденами Красной Звезды и медалью «За отвагу», было всего 20 лет. Он сражался и погиб как верный сын Родины, пламенный советский патриот. «За твою жизнь, дорогой побратим Иван, мы отправим на тот свет не меньше ста гитлеровских вояк-извергов!» — поклялись на его могиле командир разведвзвода младший лейтенант Сергей Ленев и все бойцы-разведчики. Свою клятву они сдержат.

Возобновив наступление утром 27 октября, части дивизии в течение трех суток продвинулись на 5—6 километров, вышли на берег реки Барта. Однако путь на Лиепаяк был прочно перекрыт противником.

В наших войсках подводились итоги не только Мемельской, но и всей Прибалтийской стратегической операции. Ее результатом явилось освобождение от немецко-фашистских захватчиков Эстонии, Литвы, значительной части Латвии. Вражеская группа армий «Север» потерпела тяжелое поражение: 26 ее дивизий были разгромлены, три из них полностью уничтожены. Оставшиеся силы группы — около 33 соединений — оказались изолированными и зажатыми в Курляндии между Тукумсом и Лиепайей (Либавой), три — блокированными в Клайпеде (Мемеле). В период боев за Прибалтику — с июля до октября 1944 года — в столице нашей Родины Москве 18 раз гремели салюты в честь сражавшихся здесь советских войск.

Свой вклад в достижение тех результатов внесли и воины 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии. Ими было освобождено 105 населенных пунктов Шяуляйского, Тельшайского, Скуодасского районов, уничтожено и захвачено в плен более 1000 гитлеровцев; в качестве трофеев захвачены десятки бронетранспортеров, много боевой техники, стрелкового вооружения¹⁾.

¹⁾ ЦАМО, фонд 346-й с. д., оп. 73229, д. 2, л. 18.

С воодушевлением все наши солдаты и офицеры встретили, по-фронтовому отпраздновали 27-ю годовщину Октября. В частях и подразделениях были проведены торжественные собрания, митинги. Многие командиры и политработники находились на переднем крае — в окопах, траншеях, землянках, где в индивидуальных и групповых беседах информировали людей о всех текущих событиях. А десяткам пехотинцев, артиллеристов, связистов, саперов, выделенных от каждой части, предоставилась возможность побывать на концерте ансамбля народных песен и танцев Армении, приехавшего на наш фронт.

В середине ноября из Москвы пришла радостная весть: за высокое воинское мастерство, массовый героизм личного состава, проявленные в боях, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 31 октября 1944 года наградил все три стрелковых полка дивизии: 1168-й Краснознаменный и 1164-й — орденами Суворова 3-й степени, 1166-й — орденом Кутузова 3-й степени.

Ордена и медали были вручены 670 воинам-дебальцевцам, отличившимся в боях от Шяуляя до реки Барта¹⁾.

Между тем в частях и подразделениях шла подготовка к новым боям. «Добить фашистского зверя, зажатого в прибалтийских клещах!» — этот призыв, не сходявший со страниц газет, четко отображал боевую задачу советских воинов, находившихся в Курляндии. Каждый из нас понимал: хоть победа близка, достанется она не легко.

На совещании офицерского состава дивизии генерал-майор Д. И. Станкевский обратил внимание на то, что передовые позиции двух наших полков — 1164-го и 1166-го — представляли собою выступ, обращенный вершиной к противнику, укрепившемуся на правом берегу Барты. Не исключено, что гитлеровцы попытаются срезать его. Больше того, генерал сказал, что дислокация дивизии у Барты представлялась ему аналогичной той, когда она находилась в «коридоре» под Тукумсом и оказалась в окружении. Где гарантия того, что и теперь гитлеровские войска не попытаются прорваться через наш боевой порядок к Клайпеде и дальше в Восточную Пруссию?! «Говорю обо всем этом не для того, чтобы устроить кого-то, — резюмировал комдив свое выступление, — а лишь с одной целью: всем нам надо быть начеку, смотреть в оба, ни днем, ни ночью не давать врагу покоя, спуску!».

Что ж, у наших пехотинцев, находившихся на переднем крае, всего в каких-то двухстах метрах от копошившихся в своих окопах фашистских вояк, — не было ни выходных, ни отпусков, ни даже перерывов на прием пищи. На протяжении всех 24 часов, составлявших сутки, слышался говор дегтяревских пулеметов, треск автоматов ППШ, гулкие винтовочные выстрелы.

¹⁾ ЦАМО, фонд 346-й с. д., оп. 73229, л. 3, л. 137: <http://www.vostokphoto.ru>

Однако, в те ноябрьские дни «именинниками» стали вовсе не певицы, достойно представлявшие «царицу полей», а поклонники «бога войны»: артиллеристы, минометчики. На то была веская причина. Впервые в нашей стране отмечался День артиллерии, родословной которого стало 19 ноября 1942 года, когда залпы сотен «катюш» и нескольких десятков тысяч орудий возвестили о начале Сталинградской битвы.

Редакция «дивизионки» предоставила несколько номеров газеты для рассказов о людях и делах этой огненной воинской профессии, причем в официальных документах именно так и указывалось: такой-то огневой взвод, такая-то огневая батарея. Наши пушкари и впрямь щедро «награждали» фашистов разящим, испепеляющим огоньком. Примеров тому было великое множество. Во время отражения вражеской контратаки в районе западнее Слоки командир орудия сержант Б. Е. Бердышев один оставался у пушки и управлялся за всех номеров расчета. А последние в это же время разили врагов из личного оружия. Бердышев сделал тогда 170 выстрелов. Был подбит тяжелый немецкий танк, истреблены десятки гитлеровцев, которые четырежды поднимались в атаку и каждый раз попадали под удары шрапнели. Орудийный номер рядовой Сугат Музаметжанов, раненный в обе ноги, из положения лежа расстреливал автоматными очередями приближавшихся к огневой позиции фашистов, счет их довел до 12. Оба огневики — сержант Бердышев и его подчиненный рядовой Музаметжанов были награждены орденами Славы 2-й степени.

Таких же наград удостоились тогда командир орудия сержант Г. Н. Степанюк и его наводчик рядовой М. Е. Никульников. В течение лишь одного дня напряженных боев в Прибалтике они выстрелили по врагам 286 снарядов, подбив немецкий танк, 3 автомашины, 5 мотоциклов и истребив десятки гитлеровцев.

Прославленные огневики нашей дивизии Степанюк, Бердышев, Марков, Огырев, Басков, как и многие их боевые побратимы учились на лучшем из полигонов, которые только могли быть — на полях Отечественной войны. Они сдавали экзамены, сравнивая с землей доты и дзоты противника, расчищая путь нашим стрелкам, круша фашистскую броню. Война привила им качества, которые так нужны артиллеристу — отвагу и дисциплинированность, точность в работе и хладнокровие, выносливость и самоотверженность.

Обо всем этом и говорилось в наших частях и подразделениях в памятный день 19 ноября 1944 года. Помощник начальника политотдела капитан Ф. Вишняков вручил комсомольские билеты десяткам артиллеристам и минометчикам, отличившихся в боях, среди них рядовым А. Громову, И. Иванову, Ю. Байкалову, С. Харину. Почетная грамота ЦК ВЛКСМ по праву досталась комсору артиллерийского подразделения рядовому А. Шереметьеву — кавалеру ордена Красной звезды и медали «За отвагу». Командир отделения старший сержант Н. Астойян в честь праздника начертил схему боевого пути своей артиллерийской части, показав места ожесточенных схваток с врагом.

«Каждому солдату, каждому офицеру должно быть воздано по его сегодняшним фронтовым заслугам, и воздано именно сегодня, по свежим следам, ибо если начнем откладывать дело на завтра-послезавтра, то и вовсе можем забыть о нем в сутолоке быстротечных событий» — таким было требование начальника политотдела дивизии, заместителя командира по политической части полковника А. С. Пантюхова. Он строго спрашивал с тех, кто затягивал оформление наградных документов, политдонесений, кто вовсе забывал — то ли по халатности, то ли по другим причинам — отметить отличившихся в боях, представить их к награждению.

Хочется сказать и о следующем. В один из тех октябрьских дней полковник Пантюхов обратил внимание на опубликованную в дивизионной газете заметку, утверждавшую, что, мол, на войне у пехотинца, тем более пехотного разведчика, срок службы недолог; если не убит уже в первом же бою или поиске за «языком», то ранят обязательно. Встретившись с сотрудниками редакции, Андрей Спиридонович заметил с огорчением: «Зачем же сгущать краски? Будучи на вашем месте, я бы рядом с этой заметкой напечатал бы воспоминания нашего дивизионного разведчика Андрея Андреевича Страха».

Действительно, его фронтовая биография расходилась с тем, что утверждалось в заметке. «Ошеломил фашиста внезапностью и дерзостью, делай то, что враг считает невозможным, не совершай ошибок — враг не простит их тебе!» — так поучал старший сержант Страх других, так прежде всего поступал сам. Об этом касноречиво свидетельствовал его боевой счет: десятки раз ходил он в Прибалтике во вражеский стан за «языками» и всегда возвращался не с пустыми руками. Одним из первых в дивизии Страх был награжден только что учрежденным тогда орденом Славы 3-й степени. В дальнейшем получил также ордена Славы 2-й степени, Красного Знамени.

Упрек полковника Пантюхова, разумеется, журналисты приняли к сведению. Начиная с 11 декабря в дивизионной газете были напечатаны несколько корреспонденций старшего сержанта Андрея Страха, делившегося своим боевым и жизненным опытом.

Уместно сказать, что по отношению к самому себе полковник Пантюхов всегда, во всем оставался более чем скромным. Вся война прошел в одном и том же звании. Вовсе не нуждался в том, чтобы кто-либо идеализировал его фигуру, заслуги, поведение. И тут следует вспомнить об одном фронтовом эпизоде, свидетелем которого явился один из авторов настоящего очерка — сотрудник дивизионной газеты.

В тот осенний дождливый день 1944 года полковник Пантюхов находился в стрелковой роте лейтенанта Анатолия Гущина, боевая позиция которой, как и всего 1166-го стрелкового полка, пролегла через перелесок у реки Барта. Андрей Спиридонович вручил партийные билеты и кандидатские карточки бойцам, принятым накануне в партию, беседовал с ними. Обстоятельный разговор состоялся у него с парторгом роты сержантом

жантом Николаем Марченко, а также с командиром роты коммунистом лейтенантом Гузиным. Время отсчитывало свое, наступил вечер. Пришлось ночевать там же, в окопе переднего края. А на рассвете совсем рядом послышался треск немецких автоматов, потом — и взрывы гранат. Нестройными, ломающимися цепями на позицию роты шли гитлеровцы из устремившегося сюда вражеского разведотряда. Встреченные пулеметным огнем, многие из них залегли у самого окопа. Лишь где-то слева фашистам удалось просочиться. Автоматный стук донесся теперь из глубины перелеска. Отбиваясь на два фронта, бойцы роты вместе со своим командиром видели, как отважно, с пистолетом в руках сражается рядом с ними начальник политотдела дивизии. И сами дрались яростно, стойко. На помощь им пришли пехотинцы соседних подразделений. Немецкий разведотряд был полностью разгромлен.

Возвращаясь в штаб дивизии, полковник Пантюхов неожиданно сказал находившемуся вместе с ним сотруднику дивизионной газеты:

— Полагаю, что не стоит распространяться о том, что мы с тобой попали в такой переplet, сошлись лоб в лоб с гитлеровцами. Пусть это останется между нами, хвалиться перед другими незачем.

Наше командование настойчиво требовало держать противника в постоянном напряжении, воспретить врагу переброску войск из Курляндии в Германию. Соединения и части 51-й армии во взаимодействии с соседями в ноябре—декабре 1944 года повсюду отбросили врага на правый берег реки Барта, взяли под надежный контроль шоссе и железные дороги, связывающие Лиепая с Клайпедой. Противник в свою очередь, как это и следовало ожидать, дено и ночью вознамеривался прорваться к Клайпедо и дальше в Восточную Пруссию. Станет известно в дальнейшем, что с этой целью южнее Лиепай сосредоточилась многочисленная вражеская группировка: 121, 87, 29, 32-я пехотные, 4-я танковая дивизии, моторизованная дивизия СС «Нордланд» и ряд других частей).

В наступление фашисты перешли 22 декабря 1944 года. В 10 часов утра началась артиллерийская и авиационная подготовка, через 45 минут по обороне 1166-го стрелкового полка нашей дивизии два фланговых удара нанесла 87-я немецкая пехотная дивизия, подержанная 25 танками, 15 штурмовыми орудиями. Форсировав на понтонах реку Барта, фашисты вклинились на стыке с левым соседом — частями 257-й стрелковой дивизии в боевые порядки стрелковых батальонов полка. Истекая кровью, отбивались наши пехотинцы от врагов: оружия не выпускали из рук даже тяжело раненные. В рукопашной схватке с группой фашистов геройской смертью погиб командир 1-го стрелкового батальона майор А. Е. Сорокин. Он прошел сквозь огонь многих боев, всегда и во всем был для своих подчиненных человеком, которого принято считать совестью коллектива. Через несколько дней майору Сорокину предстояло ехать в Москву на учебу. Но судьба распорядилась по-своему.

¹⁾ ЦАМО, ф. 407, оп. 9837, л. 795, л. 471.

Или: С. М. Саркисьян, «51-я армия», М., 1983, стр. 274.

С трудом сдерживая превосходящие силы врага, сильно поредевшие батальоны 1166-го стрелкового полка вынуждены были отойти к рубежам обороны 1168-го полка, где бои вспыхнули с новой силой. Навалились фашисты и на третий наш полк — 1164-й, потеснили и его. Противник овладел населенными пунктами Бумбули, Седери. Спруды, срезал оборонительные рубежи дивизии, которые выступом уходили в его сторону. Положение создавалось серьезное. В районе боев находились вместе с командиром дивизии генералом Д. И. Станкевским также командир корпуса генерал И. И. Миссан, начальник политотдела корпуса полковник И. С. Выборных, принимавшие энергичные меры к отражению бешеного натиска противника.

Продолжал он наносить удары и в течение 23 декабря, 24-го...

«...Это была уже пятая или шестая атака немцев, предпринятая против 2-го стрелкового батальона, державшего оборону у шоссе, — отмечает в своих рукописных воспоминаниях Иван Паисиевич Ивлиев, в то время старший сержант, командир взвода и парторг роты связи 1168-го стрелкового полка. — Командир батальона майор Андрей Михайлович Снежко, вглядываясь через бинокль в приближающуюся вражескую колонну, отдал привычные распоряжения командирам стрелковых рот, а также командирам приданных и поддерживающих подразделений. Теперь в «дело» вступили минометчики капитана Григория Шейко. Они вели огонь в хорошем темпе, мины ложились метко, в гущу гитлеровских войск, прячущихся за своими танками. Дружно вступили в бой и все расчеты полковой 76-миллиметровой батареи капитана Григория Батаева, поставив огненную преграду перед наступающим противником.

На наших позициях тоже плотно рвались вражеские снаряды, свистали и докали, впиваясь в стволы деревьев, пули. Как всегда, неожиданно и в самый неподходящий момент прервалась телефонная связь КП батальона со всеми стрелковыми ротами. Не отрывая от глаз бинокль, майор Снежко приказал начальнику связи батальона лейтенанту Стегареву немедленно устранить повреждение. Прозвучала короткая команда, и три бойца-связиста с переговорными трубками в руках и автоматами за плечами ушли на линию, каждый по своему направлению — к «своей» стрелковой роте. Смерть витала над их головами, но не страшась, они делали свое дело и связь была восстановлена.

Бой то утихал, то возобновлялся с новой силой. Его перелетели пульсировали и во всех наших телефонных «нитках». С горечью и болью узнали мы о гибели братьев-пулеметчиков Александра и Василия Лабазовых, огневую позицию которых накрыл залп вражеского шестиствольного миномета.

...Уже много часов бушевал огонь. Линия нашей обороны жила, держалась! Перед позициями батальона догорали остовы четырех немецких танков; славно поработали артиллеристы капитана Батаева!

Невероятно трудным для нас выдался третий день боев — 24 декабря. По-видимому, фашистское командование, взбешенное предыдущими неудачами, решило взять реванш и бросило в бой все силы, какими только располагало тут. Я обеспечивал в этот день связь между батальоном и орудийными расчетами 915-го артополка, и стал свидетелем их беспримерного поединка с немецкими танками. Вместе с пушкарями Батаева они в этот день вывели из строя девять вражеских машин. И артиллеристы, и стрелки дрались геройски, презирая смерть.

Под пулями и разрывами снарядов на КП майора Снихко добрались с рацией и комплектом питания к ней командир радиовзвода лейтенант Константин Павлов и ординарец начальника связи полка рядовой Михаил Алексеев. Рацию тут же развернули, установили связь со штабом.

Не считаясь с потерями, гитлеровцы атаковали то в одном месте, то в другом. Им удалось вклиниться в расположение 6-й стрелковой роты. Упал смертельно раненный пулеметчик сержант Нуриев — высокий, широкоплечий, огромной силы человек. Его заменил находившийся поблизости начальник штаба батальона лейтенант Крамаров. И вновь, в который уже раз, немцы натолкнулись на смертоносный свинец. В следующие минуты погиб бесстрашно сражавшийся командир этой роты старший лейтенант Николай Нестеренко. Узнав об этом, майор Снихко собрал на своем КП всех, кто был способен держать оружие, и поспешил в 6-ю роту. С поднятым над головой пистолетом он ринулся в атаку на врагов. В едином порыве за ним побежали все, кто был на рубеже. Бойцы сражались люто, яростно, беспощадно мстили за смерть своего командира, за погибших друзей. Боевые порядки роты были восстановлены на всем участке».

Так же стойко, мужественно дрались все воины дивизии, отражая в течение трех дней яростный натиск противника. Сдержав его, полки закрепились на рубеже: Циммери — Земели — Беранти.

Приближался к финишной черте 1944 год. 29 декабря попрощался с личным составом 346-й стрелковой дивизии генерал-майор Дмитрий Иванович Станкевский. Свыше двух лет находился он на посту командира дивизии, нес на своих плечах ответственность за тысячи и тысячи вверенных ему людей, деля с ними пополам все — и радость побед, и ни с чем не сравнимую горечь утрат. Орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого II-й степени были отмечены его боевые заслуги. Теперь он был назначен заместителем командира 28-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии. В составе войск 1-го Белорусского фронта генералу Станкевскому предстояло принять участие в Берлинской наступательной операции, в ходе которой он вступит в командование 79-й гвардейской стрелковой дивизией этого же гвардейского корпуса, встретит долгожданный день Победы у стен поверженного рейхстага.

31 декабря 1944 года в командование 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизией вступил генерал-майор Николай Михайлович Мищенко.

Новый, 1945 год во всех наших частях и подразделениях люди встретили с большим подъемом, каждый понимал, чувствовал, что недалек уже День Победы, что война идет к концу. Бывалые разведчики из дивизионной разведроты нарисовали на листе фанеры карикатурное изображение Гитлера и ночью выставили его перед вражескими позициями. Надпись, сделанная на карикатуре по-немецки, гласила: «Трепещи, кровавый Адольф, наступил и для тебя 41-й год!».

Но впереди еще предстояли бои — уже завершающие бои — и каждый тоже чувствовал, понимал: перед самой Победой он может встретить свой смертный час.

21 января 51-я армия во взаимодействии с 3-м гвардейским мехкорпусом и 6-й гвардейской армией вновь перешла в наступление на Лиепайском направлении. Начались упорные бои. На атаки советских войск гитлеровцы отвечали яростными контратаками.

Сломив сильное сопротивление противника на реке Барта, части 346-й дивизии в течение 30 января форсировали ее, выбили фашистов из трех траншей и вышли к шоссе (на дороге в районе Гранти, Вили¹⁾). Продвинулись они еще на несколько километров и 1 февраля. В середине этого дня противник силою двух танков, четырех самоходно-артиллерийских установок и до двух рот пехоты нанес удар по батальонам 1168-го стрелкового полка. Враг не прошел, был отброшен назад, потеряв половину своих боевых машин.

Хлынули цепи немецких пехотинцев и на позиции 3-й стрелковой роты 1166-го стрелкового полка. В эти жаркие минуты в траншее появился старшина роты коммунист Иван Илгачев, он принес в железном термосе обед для своих бойцов. Вскоре на его глазах был убит пулеметчик, «максим» умолк. Илгачев, отличный стрелок из всех видов оружия, мгновенно прикинул к прицелу. Станковый пулемет хлестнул по врагам свинцовыми струями. Осколком немецкой мины Илгачева ранило в руку и плечо, но он продолжал косить фашистов, еще одно ранение — и рука повисла как плеть. Тогда Илгачев извлек из ниши противотанковую гранату и, подняв ее над головой, шагнул навстречу наседавшим гитлеровцам. Рядом с ним плечом к плечу встали комсомольцы Петр Смакотин, Анатолий Суворов, Александр Максимов, Григорий Пименов, Владимир Перегонцев... Кто-то из них запел «Интернационал» и его поддержали остальные: «Это есть наш последний, и решительный бой!» Брошенная Илгачевым граната разорвалась в гуще остолбеневших фашистов, всех их до единого настигла суровая расплата.

Только в течение одного дня — 1 февраля 1945 года — воинами дивизии было истреблено около 150 немецких солдат и офицеров.

¹⁾ ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 103, л. 81.

Командир дивизии генерал Н. М. Мищенко объявил благодарность орудийным расчетам 2-го дивизиона 915-го артполка, которые эффективным, сосредоточенным огнем поддерживали действия пехотинцев, заставили замолчать три артиллерийские батареи противника — они были подавлены.

Объективности ради, следует сказать и о неприглядном факте: был отстранен от командования артполком майор К. Т. Шакур¹). Кое-кто из офицеров, правда, взывал проявить к нему снисходительность, закрыть глаза на его «грехи». Но начальник политотдела полковник А. С. Пантюхов был неумолим, суров: «Нет, нет и нет! Человеку, прикладывающемуся к рюмке и заглядывающемуся на девушек — своих подчиненных, — не место на таком посту и вообще в нашей дивизии!».

Артполк принял гвардии майор Иван Николаевич Гончаров, получивший назначение на должность его командира.

В начале февраля 1945 года Ставка объединила 1-й и 2-й Прибалтийские фронты в один — 2-й Прибалтийский, в дальнейшем подчинив его войска командующему Ленинградским фронтом Маршалу Советского Союза Л. А. Говорову, который готовил новое наступление и приступил к оперативному перестроению войск, накоплению сил и средств. Вместе с соединениями 51-й армии осуществила перегруппировку и 346-я дивизия. Теперь ее части наряду с другими приняли участие в штурме вражеских позиций под Приекуле. Упорные бои там шли 20 февраля, 21-го и в первой половине 23-го — в день 27-й годовщины Красной Армии.

Сражались воины-дебальцевцы, как и всегда, отважно, мужественно, напористо. Артиллерийская батарея старшего лейтенанта Ю. В. Белинского, поддерживая пехотинцев, уничтожила в эти дни немецкую самоходную установку «фердинанд», десятки пулеметов с их прислужгой, истребила и рассеяла многих гитлеровцев, предпринимавших контратаки²). За успешные боевые действия в районе Приекуле орденами командира дивизии генерал-майора Н. М. Мищенко награждены командир артиллерийской батареи старший лейтенант Ю. В. Белинский.

В первой половине дня 23 февраля соединения и части 51-й, 6-й гвардейской армий и 19-го танкового корпуса комбинированным ударом овладели городом Приекуле.

Этот день остался памятным для воинов 346-й дивизии еще и другим событием: все ее части были выведены из боя и направлены к новому месту дислокации по маршруту: Илакява, Тришкяй, Векшняй. В последнем из этих населенных пунктов они задержались до 4 марта, а за-

¹) ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 103, л. 3.

²) ЦАМО, ф. 1665, оп. 1, д. 103, л. 50.

тем, совершив марш в район Каунаса, поступили в распоряжение 2-го Белорусского фронта.

Возглавлял теперь дивизию полковник Константин Федорович Шеин. Она пополнялась личным составом, боевой техникой, вооружением. Боевая учеба, учения проводились не только в светлое, дневное время, но и ночное. 24 апреля началась погрузка частей дивизии в железнодорожные эшелоны, маршрут которых пролегал от станции Каунас к Инстенбургу (Черняховску), Торну (Польша). Разгружались воины-дебальцевцы на станциях, примыкавших к границе между Польшей и Германией.

Дивизия вошла в состав 70-й армии. Вновь сменился и комдив, им стал генерал-майор Владимир Константинович Горбачев. Продвигаясь во втором эшелоне за наступающими войсками армии, полки 346-й дивизии переправлялись по понтонному мосту через Одер, провели одну ночь в Штеттине; в последующие дни несколько задержались в районе городка Трампке (Германия) и затем сосредоточились южнее Шверина, северозападнее Хагенова и Грабова. Там-то во-всю и развернулись тактические учения на тему: «Высадка частей морским десантом во взаимодействии с авиацией и военно-морскими силами». В артиллерийских частях вместе с тем отработывалась тема: «Стрельба по надводным целям прямой наводкой, сосредоточение огня по подвижным надводным целям». В дальнейшем воинам-дебальцевцам стало известно: по замыслу командующего 2-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского 346-я стрелковая дивизия должна была высадиться на остров Рюген и очистить его от немецко-фашистских войск. Но время и происходившие события внесли коррективы в эти планы. Кончился апрель, настал незабываемый май 1945 года. Фашистская Германия капитулировала, Знамя Победы взвилось над рейхстагом.

Начиная с 9 мая — первого дня мира — в частях и подразделениях дивизии проходили собрания, митинги, на которых то и дело звучало ликующее слово «победа», гремело русское «Ура!». Солдаты, сержанты, офицеры выражали свою искреннюю радость по поводу того, что теперь, выдержав тяжелейшие испытания войны, можно перейти к мирному труду, взяться за возрождение народного хозяйства. Они, оставшиеся в живых, всегда будут помнить о том, что во имя этой великой Победы ты-сячи и тысячи их боевых друзей отдали жизни.

В те дни командованием, офицерами штаба были подведены и записаны в исторический формуляр дивизии итоги боевых действий за время войны. Они явились впечатляющими. Фронтовой путь 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии составил почти 7.000 километров, из них около двух тысяч личный состав преодолел с боями в жесточайших схватках с противником. В этих боях и сражениях истреблено около 50 000 гитлеровских солдат и офицеров, почти 5 000 взяты в плен. На боевом счету частей и подразделений дивизии — около 300 уничто-

женных или захваченных как трофеи вражеских танков и штурмовых орудий, до 720 орудий и минометов разного калибра, свыше 3 000 автомашин, тягачей, тракторов и бронетранспортеров, 40 самолетов, 76 паровозов и 1253 железнодорожных вагонов, до двух миллионов снарядов, мин, авиабомб, около 30 складов с боевой техникой, снаряжением, военным имуществом.

За доблесть и героизм на полях сражений Великой Отечественной войны 7339 воинов-дебальцевцев награждены орденами и медалями, восемь стали Героями Советского Союза, один — полным кавалером солдатского ордена Славы. Девять раз личному составу дивизии объявлялась благодарность в приказах Верховного Главнокомандующего.

* * *

К концу мая 1945 года части дивизии разместились в районе немецкого города Варен. Наши люди не оставляло праздничное настроение; не только с письмами, почти ежедневно уходившими на Родину, но и со всеми своими надеждами, планами они мысленно уносились в родные места, грезили о встречах с близкими. К великой горечи, произошло тогда и ЧП. Кто-то из ветеранов дивизии, наверное, снова упрекнет нас, авторов, а надо ли вспоминать о нем, тем более, что случилось это уже под «самый занавес» — перед расформированием дивизии? Но, думается, каждому из нас, фронтовиков, лишним было бы следоваг девизу Александра Твардовского: «Одна неправда нам в убыток! И только правда ко двору!».

Виновником чрезвычайного происшествия явился человек, о котором никто никогда не слышал худого слова. Наоборот, у двадцатидевятилетнего старшего лейтенанта Василия Ивановича Ермакова, уроженца города Миллерово, что в Ростовской области, была отличнейшая фронтовая биография. Воевать ему привелось в должностях командира взвода управления в штабе артиллерии дивизии, в дальнейшем — начальника разведки 1-го арtdивизиона 915-го арtpолка, начальника штаба этого дивизиона. В боях проявлял мужество, бесстрашие. В Прибалтике вместе с майором П. С. Бублием вывел из окружения большую группу воинов-дебальцевцев. Побывавший тогда в дивизии командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии И. Х. Баграмян согласился с тем, что к званию Героя Советского Союза следует представить кроме майора Бублия и его, старшего лейтенанта Ермакова. Соответствующие документы были оформлены, миновали все инстанции и теперь находились в Москве. Но никто иной, как сам Ермаков, своим преступно-неблагоразумным поступком заставил теперь, в конце мая 1945 года, восстребовать их обратно, да и вообще перечеркнул он, добытое в поте лица и крови, все свое фронтовое прошлое. В тот злополучный день алкоголь затуманил его рассудок, разыграла ревность; пустил в ход личное оружие, лишил жизни связистку, тяжело ранил двумя выстрелами самого себя¹⁾.

¹⁾ ЦАМО, ф. 915, а. п., оп. 214920, д. 2, л. 23; — дублет в архиве автора.

Гневным осуждением отозвалось все это в сердцах и душах его однопольчан, с достоинством прошедших сквозь многие суровые испытания четырехлетней войны, не раз смотревшим смерти в глаза. Начальник полтотдела дивизии полковник А. С. Пантюхов именно в тот самый день попросил у врача лекарства от сердечного недомогания; думается, тут была связь с происшедшим.

Между тем события происходили по своим законам, по велению времени. В июле 1945 года пришел приказ на расформирование частей и подразделений 346-й стрелковой дивизии. Штаб ее артиллерии с артиллерийскими подразделениями передавался в состав 46-й стрелковой Лужской орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого дивизии генерал-майора С. Борщева (2-я ударная армия). Для всех остальных предстояла демобилизация, увольнение в запас из рядов Красной Армии.

Трудно описать, каким трогательным, сердечным было расставание между людьми, познавшими ни с чем несравнимую цену фронтового товарищества, побратимства. А какими горделивыми были девушки-солдатки, нашедшие свое трудное, выстраданное личное счастье! Скрепив законным образом бракосочетание, уезжали вместе семьи фронтовиков Матюшовых, Белинских, Бублий, Рыбаковых, Кузьминых.

Люди обменивались адресами, фотоснимками, пожеланиями. Все до единого, как и их сверстники из многомиллионного поколения фронтовиков, были преисполнены одним чувством, одной уверенностью: никогда не померкнет в памяти народной величественный подвиг живых и павших героев Великой Отечественной войны, с честью выполнивших свой патриотический долг перед Отчиной, историей.

7. ПАМЯТЬ И ДОЛГ.

После упразднения и расформирования 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии в первый же послевоенный год ее Знамя, Знамена ее полков, вся документация были переданы в архивы, хранилища, музеи.

Но человеческая память, как известно, не подвластна упразднению, забвению. У памяти свои законы. Она жива людьми, теми, кто не позволяет ей исчезнуть в сменяющихся один одного днях, месяцах, годах, кто передает эстафету беззаветной верности Отчизне, гражданскому долгу от дедов и отцов к сыновьям и внукам — от поколения к поколению.

Свыше 49.000 человек в разные годы и месяцы войны сражались под Знаменами 346-й стрелковой дивизии, пять раз менялся ее личный состав. Ее имя становилось известным и всем родным, близким фронтовиков-дебальцевцев. Оставалось оно и в благодарной памяти жителей тех сотен населенных пунктов — городов и сел, — освобождение которых принесли ее воины.

И потому так активно, заинтересованно принимались группы красных следопытов вместе с ветеранами-фронтовиками за создание школьных музеев, комнат боевой славы, где размещались документальные свиде-

тельства о героических подвигах солдат, сержантов, офицеров дивизий, их послевоенных судьбах.

Примечательно, что первые музеи были созданы в педагогическом училище № 2 города Вольска Саратовской области, где в грозном 41-м году родилась дивизия, и в Доме пионеров города Дебальцево Донецкой области, почетное наименование которого было ей присвоено. Письменные воспоминания воинов-дебальцевцев, газетные вырезки из фронтовых газет, фотоснимки, письма с войны, свидетельства о награждениях — все это экспонируется в сотнях школьных музеев, комнат и уголков боевой славы целого ряда городов и сел Ростовской, Луганской, Донецкой, Днепропетровской, Запорожской, Херсонской областей, Крыма, в освобождении которых участвовали части и подразделения дивизии. Первоначально были созданы такие музеи и уголки также в тех населенных пунктах Прибалтики, которым принесли освобождение воины 346-й. Однако все связи с ними у ветеранов прекратились после того, как республики Прибалтики стали «зарубежьем». И произошло это не по вине ветеранов!

Красные следопыты — народ любознательный, дотошный. Раскопали они «белые пятна» и в боевом пути Дебальцевской дивизии. Где фамилии, адреса воинов 266-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона и дивизионной разведроты, которые все до единого человека сложили головы в кровопролитных августовских боях 41-го года в Подмоскovie? Где искать ответ? Неужели так и не удалось достоверно установить судьбу пропавших тогда безвестно командира дивизии полковника М. А. Суценко и полкового комиссара Т. Г. Попова? Сколько же отцов и матерей не получили с войны весточек о своих сыновьях?

Кто же мог дать компетентные ответы на эти нелегкие вопросы? Скорее всего, полковник А. С. Пантюхов, который в течение почти четырех лет войны бесменно находился на посту сначала комиссара дивизии, в дальнейшем — заместителя ее командира по политчасти и одновременно начальника политотдела. После окончания войны Андрей Спиридонович Пантюхов остался в рядах Советских Вооруженных Сил, был назначен снова на аналогичный пост. Служить ему выпало в хорошо знакомых местах Прибалтики. Отвечая красным следопытам, он сообщил: списки и адреса погибших воинов, к глубокому сожалению, не сохранились. А причина в том, что при нахождении войск в окружении полагалось уничтожать документы; таково было строгое требование военного времени. Судьба же двух человек — полковника Суценко и полкового комиссара Попова — очень печалит и его, словно «незаживающая рана». По его глубокому убеждению, оба они погибли под гусеницами немецких танков. Сообщил Пантюхов также о том, что готовится написать фронтовые воспоминания, собирает материал и как только выйдет в отставку, — сразу же засядет за работу. Но не суждено было Андрею

Спиридоновичу дожить до пенсионного возраста, осуществить задуманное. Жизненный путь боевого комиссара, опытного политработника оборвался рано: в 44 года. Хоронили его в октябре 1951 года на кладбище имени Райниса в Риге.

За годы войны семь раз сменялись командиры дивизии. И так уже вышло, что только одному из них генерал-майору Дмитрию Ивановичу Станкевскому довелось после войны вести переписку и встречаться с однополчанами, с красными следопытами, с трудящимися Покровского района Днепропетровской области, города Дебальцево, где его избрали Почетным гражданином. Он продолжал службу в Советской Армии до марта 1960 года, командовал соединениями в разных военных округах, а перед уходом в отставку — в войсках Уральского военного округа. Находясь в отставке, возглавил военную кафедру Свердловского юридического института. С активной помощью и участием однополчан Дмитрий Иванович Станкевский написал две книги воспоминаний: «Уроки мужества» (издана в 1978 году Средне-Уральским книжным издательством) и «Верность памяти» (издана в 1986 году Политиздатом Украины). Ушел Дмитрий Иванович из жизни в 1988 году в возрасте 85 лет. Именем генерала Станкевского названа в Дебальцево одна из улиц: она находится недалеко от той, которую еще раньше наименовали именем 346-й Дебальцевской дивизии.

По-разному сложились судьбы воинов-фронтовиков дивизии, вернувшись в родные места: к семьям, к мирным делам-заботам.

Примечательно, что многие бывшие бойцы и командиры заступили на трудовую вахту в шахтерском крае — в Донецкой и Луганской областях, в тех местах, где воевала дивизия.

В городе Димитрове, Красноармейского района, на одну и ту же шахту пришли работать прославленные разведчики сержанты запаса Андрей Андреевич Страх и полный кавалер ордена Славы Николай Иванович Ковтун. В дальнейшем Н. И. Ковтуну были присвоены звания Заслуженного шахтера страны, Почетного гражданина города Красноармейска Донецкой области. Умер он в 1989 году.

В родную Горловку к своим прежним горняцким профессиям вернулись командир минометной роты майор запаса Г. М. Шейко, старшина роты В. И. Кротинов, командир отделения связи В. Г. Мостовой.

В поселке Луганском Артемовского района жители тепло встретили сержанта запаса, дивизионного «Теркина» Николая Захаровича Радченко, а в городе Доброполье — отважного дивизионного разведчика Василия Ивановича Зимарина.

Бывший воин дивизионной 430-й роты химической защиты Александр Михайлович Карягин получил новенькие паспорт, военный билет и все полагающиеся «гражданские» документы как житель города Луганска. А в областном центре Донецке прописка и работа ожидали бывшего сына и воспитанника полка Василия Антоновича Герасименко, вернувшегося сюда майором запаса.

В родном городе Макеевке окончил индустриальный техникум офицер запаса Василий Захарович Чульский и стал горным техником, в дальнейшем — мастером производственного обучения. На войну вместе с Василием ушли пять его братьев. Сражались все, не жалея ни крови, ни жизни. Старший брат Федор погиб в 1941 году в бою под Брестом; танкист Павел сложил голову у Петрозаводска; кавалерист Михаил пал смертью храбрых в заснеженном Подмоскowie; пехотинец Семен Чульский был сражен вражеской пулей на поле боя под Станиславом (ныне Ивано-Франковск); не стало и Макара Чульского, его настиг осколок немецкой бомбы под Сальском.

Большая группа фронтовиков Дебальцевской дивизии влилась в рабочий коллектив шахтерского города Антрацита: это и бывший автоматчик Иван Иванович Лакурин, и связист Николай Михайлович Медведев, командир орудия Федор Прокофьевич Архипов, стрелок-санитар Николай Григорьевич Иваненко, связистки Екатерина Митрофановна Павленко, Нина Павловна Гончарова, Вера Никитична Волохова, Ефросиния Федоровна Чернышева... Но, пожалуй, большинство наших девушек-фронтовичек теперь можно было встретить в Лутугино, в том числе Надежду Абрамовну Власенко, Александру Павловну Зубаренко, Любовь Ивановну Переверзеву, Екатерину Терентьевну Удовенко, Веру Андреевну Шелковую. Многие из них поступили работать в одно и тоже шахтоуправление; сказала, должно быть, фронтовая дружба.

Луганская область, город Ровеньки — таким стал адрес бывшего начальника разведки артиллерийского дивизиона старшего лейтенанта Николая Евстафьевича Кузьмина и его жены фронтовой связистки Веры Васильевны Кузьминой. Долгое время Николай Евстафьевич работал на шахте проходчиком, удостоился почетного звания Заслуженный шахтер. Горько говорить, но в результате аварии на шахте фронтовик лишился здоровья, стал инвалидом.

Есть ветераны Дебальцевской дивизии и в селе Червоная Поляна, Антрацитовского района, за которое разгорелся жаркий, памятный всем бой. Это фронтовой артиллерист Максим Гордеевич Тищенко, пехотинец Анатолий Николаевич Коробкин.

Нельзя не назвать и Красного Луча. Это родной город Владимира Ильича Шувькина, бойца-автоматчика 1164-го стрелкового полка, отличившегося в боях в родных местах, а также в Крыму, Прибалтике. После войны он стал здесь директором средней школы.

Благородная профессия учителя ждала в родном городе Енаклево Ивана Никифоровича Чайку, бывшего минометчика, старшину стрелковой роты, участвовавшего в освобождении родного Донбасса, в последующих боях. Уместно назвать и двух побратимов Ивана Никифоровича: Алексея Федоровича Скибу и Петра Филипповича Краснова. Вместе воевали в одном и том же полку, вместе шагали сквозь огонь, суровые испытания. Юному Петру Краснову особенно запомнился штурм Сапун-горы у

Севастополя, где из рёты в живых осталась лишь горстка бойцов, и где он сам первым достиг гребня скалистой горы. В круговороте боев и событий случилось непредвиденное: на него, Краснова, послали... похоронку. Можно было понять горе матери, которая перед этим уже получила известия о гибели в боях мужа, второго сына. Но Петр Краснов остался живым! После войны экстерном окончил техникум, получил красный диплом. Работал в леварном цехе Нижнетагильского металлургического завода, прошел путь от подручного сталевара до начальника участка. А затем — новое место работы: Мариуполь, Донецкой области, «Азовсталь»: Старший разливщик, мастер. 20 лет отдал «Азовстали», а всего — 32 года «горячего» стажа. И как награда: звание Почетный металлург страны.

И по-прежнему они идут по жизни плечом к плечу однополчане-побратимы Чайка, Краснов, Скиба. Последний из них — житель села Красное, Артемовского района.

Воинов-фронтовиков бывшей 346-й Дебальцевской дивизии можно встретить во многих городах и селах Украины, в республиках бывшего Советского Союза.

Герой Советского Союза полковник в отставке Павел Семенович Бублий — житель Харькова. Много сил отдал он воспитанию молодых рабочих завода «Коммунар», где в послевоенные годы возглавил отдел подготовки производства. Он избран Почетным гражданином латвийского города Юрмала, отдал в дар городскому музею свой боевой клинок, с которым побывал во многих жарких схватках. Павел Семенович — также Почетный гражданин города Дебальцево. Харьковчанами являются и бывший начальник штаба дивизии полковник в отставке Федор Петрович Тимченко, отдавший службе в армии 35 лет жизни, и бывшая связистка артиллерийского полка Екатерина Андреевна Белецкая, которую однополчане ласково называли «Наша Катя». Она стала преподавателем немецкого и английского языков в высших учебных заведениях города.

В городе Черкассы на Днепре, как говорится, бросил якорь отважный артиллерист полковник в отставке Иван Александрович Дьяченко. От командира батареи до начальника штаба артиллерии дивизии — таков боевой путь Константина Ивановича Рыбакова. Он — полковник в отставке, живет в Виннице, ведет обширную переписку с фронтовыми товарищами по оружию, с отрядами школьных следопытов, помогает в их заботах. Прописку в Виннице получил также командир батареи майор запаса Юрий Владимирович Белинский.

Около десяти бывших воинов-дебальцевцев — жители столицы Украины, города-героя Киева, в том числе Матвей Максимович Паншин, Василий Яковлевич Бордюгов, Михаил Михайлович Жаворонков.

Большая группа ветеранов дивизии составляет Московскую секцию, которая объединила тех, кто живет в Москве и вокруг нее. В ее составе: А. П. Жаров, А. П. Свешников, А. П. Гуменко, Л. Г. Гуляков, И. Ф. Машнин, С. Е. Морозов, Д. М. Ларин, Г. Н. Степанюк и другие.

А в Санкт-Петербурге ветеранов-дебальцевцев представляет отважный фронтовой командир орудия старший сержант Владимир Александрович Федотенко.

Поддерживают связи ветераны дивизии и с боевыми товарищами, живущими в городе-герое Волгограде: Григорием Александровичем Батаевым, Валентином Яковлевичем Цепляевым и другими.

Свою фронтовую биографию саратовец Иван Фетисов начинал в 915-м артиллерийском полку командиром батареи, старшим лейтенантом. Воевал бесстрашно, стал кавалером орденов Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды. Продолжал служить в армии и после войны. Вернулся Иван Павлович в Саратов полковником запаса. И должность избрал по-прежнему боевую, хлопотливую: стал заместителем начальника строительного управления. Там же, на Саратовщине, где в грозный час родилась наша дивизия, можно встретить и других ее бойцов-фронтовиков: Ивана Паисиевича Ивлиева, Степана Евсеевича Ильина, Григория Афанасьевича Захарова, Григория Алексеича Кулагина.

В городе Барнауле живет фронтовой командир артиллерийского взвода Леонид Александрович Лопатинский, в Армении — командир стрелкового взвода Армаис Бодалович Арутюнян, в Казахстане — мужественный дивизионный разведчик Турдымурат Азимбаев.

В родную Кабардино-Балкарию вернулся после войны майор запаса Хажпаго Мазанович Гатажков, бывший командир дивизионной разведывательной роты, а в дальнейшем — стрелкового батальона 1168-го Краснознаменного стрелкового полка. В течение ряда лет он находился на руководящих должностях, в том числе возглавлял в родном селе Сармаково сыромолочный завод. И очень пригодились ему фронтовая закалка, умение находить пути к умам и сердцам людей. Он был и остается человеком дела. По соседству с ним, в Урванском районе, можно встретить и его земляка фронтового отважного разведчика дивизии Хасанби Ламурзовича Варитлова.

Отважным, мужественным знали в дивизии командира 2-го стрелкового батальона 1168-го Краснознаменного стрелкового полка майора Андрея Михайловича Снизко, который почти всю войну провел на переднем крае. Как же сложилась послевоенная жизнь Андрея Михайловича? Бесстрашный фронтовик избрал для себя самое мирное дело: стал слесарем-сборщиком производственного объединения «Мелодия» в Туле, того самого, где мастера знаменитые тульские гармоники.

В коллективе преподавателей и сотрудников Горьковского политехнического института нашел достойное признание Константин Тихонович Шамаев, в прошлом боевой командир истребительно-противотанкового дивизиона, награжденный двадцатью двумя орденами и медалями, в их числе четырьмя орденами Красного Знамени.

К сожалению, нет возможности рассказать о каждом из них — бывших воинов Дебальцевской дивизии. Коротко скажем еще о тех, достижениями которых на мирном поприще нельзя было не порадоваться в послевоенные годы. Бывалый дивизионный сапер сержант Павел Семёнович Пушкин удостоился званий доктора технических наук, профессора Московского технологического института легкой промышленности. А вот строки из послевоенных биографий пятерых фронтовых артиллеристов: А. И. Настин стал заслуженным врачом Российской республики Почетным гражданином города Сердобска; А. П. Плесовских — кандидатом исторических наук, доцентом Омского сельскохозяйственного института; А. П. Гуменко — кандидатом военных наук, доцентом; А. Т. Марченко — писателем, лауреатом премии имени А. А. Фадеева; М. А. Подзолкин — членом Союза журналистов; собственным корреспондентом областной газеты в Донецке.

Очень важно, что ветераны дивизии объединены организационно и в послевоенное время. Создан и в установленные сроки переизбирается Совет ветеранов бывшей 346-й Дебальцевской дивизии; в его работе в последние годы активно участвуют И. П. Ивлиев, К. И. Рыбаков, А. М. Снижко, В. З. Чульский, В. И. Шувькин, Н. К. Ельцов, П. Ф. Краснов. Многие годы Совет возглавляет А. Е. Докторович.

Несмотря на все затруднения и невзгоды, да к тому же сказывается возраст фронтовиков, ранения, — Совету удается ежегодно организовывать встречи ветеранов. Проходили они и в Вольске, и в Дебальцево, и в целом ряде больших и малых населенных пунктов, через которые пролегал боевой путь дивизии и которым она принесла освобождение от немецко-фашистских захватчиков. Встречи фронтовиков — это не только дань доброй непреходящей традиции и не только насущная потребность ветеранов побыть в кругу братьев по оружию, порадоваться друг другу, почтить память павших героев-однополчан. Встречи фронтовиков, как они убеждаются вновь и вновь, становятся всегда примечательным событием в жизни города, района, в них принимают горячее участие местные жители, прежде всего юные следопыты, школьники. Проводятся «уроки мужества», ветераны выступают с фронтовыми воспоминаниями. По своей сути, это один из признанных и действенных методов передачи славных традиций новым поколениям наших людей.

Время неумолимо. Годы берут свое. Все меньше и меньше остается участников Великой Отечественной войны. Но память об их подвиге, верится, не померкнет! Пусть же этому послужат и страницы настоящего очерка, повествующие о боевых делах наших дорогих однополчан — бойцов и командиров 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии

ГАБРИАДЗЕ Григорий Иванович

БЕЗМЕНОВ Василий Иванович

БУБЛИЙ Павел Семенович

КАЛИНИН Владимир Павлович

ПАВЛЮЧЕНКОВ Игнат Павлович

ПИКАЧЕВ Константин Степанович

СЫДЬКО Михаил Петрович

ТАХТАРОВ Илья Федорович

ПРИСВОЕНО ЗВАНИЕ ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА

Решением местных органов воинам фронтовикам 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии присвоены звания Почетного Гражданина в следующих населенных пунктах:

Генерал-майор СТАНКЕВСКИЙ Д. И. — Покровский район, Днепропетровской области, г. Дебальцево Донецкой области.

Герой Советского Союза,

полковник в отставке БУБЛИЙ П. С. — г. Юрмала, Латвия,
г. Дебальцево, Донецкой обл.

Подполковник в отставке АРУТЮНЯН А. Б. — с. Магазинка, Крым.

Старший сержант БАНЬКО Н. И. — с. Вишневое, Крым.

Майор в отст. БЕЛИНСКИЙ Ю. В. — с. Магазинка, Крым.

Капитан в/о БАТАЕВ Г. А. — г. Углегорск, Донецкой обл.

Лейтенант в/о БОРДЮГОВ В. Я. — с. Строгановка, Херсонская обл.

Старшина БОСИКОВ М. А. — с. Розовка, Донецкая обл.

Подполковник в/о ВИШНЯКОВ Ф. И. — с. Великомихайловка, Днепропетровская обл.

Ефрейтор ВЛАСЕНКО Н. А. — с. Орловка, Донецкая обл.

Рядовой ВАРИТЛОВ Х. Л. — с. Ореховка, Луганская обл.

Лейтенант в/о ВОЗИАНОВ А. Ф. — с. Великомихайловка, Днепропетров-
ская обл.

Полковник в/о ГУМЕНКО А. П. — г. Углегорск, Донецкая обл.

Рядовой ГОРДИН Н. А. — х. Александровский, Ростовская обл.

Сержант ГУЛЯКОВ А. Г. — пос. Штеровка, Луганская обл.

Старший лейтенант в/о ГУНЕР В. М — с. Шелковый Проток, Луганская область.

Полковник в/о ДЬЯЧЕНКО И. А. — с. Новоселовка-Первая, Донецкая обл.
Рядовой ДОЩЕНКО А. М. — с. Фруктовое, Запорожской обл.

Младший лейтенант в/о ДАНИУК М. Е. — г. Петровское, Луганская обл.

Полковник в/о ДОКТОРОВИЧ Л. Е. — с. Великомихайловка, Днепропетровская обл., *с. Дебальцево.*

Лейтенант в/о ЕЛЬЦОВ Н. К. — пос. Штеровка, Луганская обл.

Ст. лейтенант в/о ЖАРОВ А. П. — станица Советская, Ростовская обл.

Полковник в/о ЖЕРЕБЬЯТЕВ А. П. — х. Богатово, Ростовская обл.

Подполковник в/о ЗАБОЛОТНЫЙ Г. П. — с. Красноармейское, Крым.

Старшина ИВЛИЕВ И. П. — с. Ивановка, Луганская обл.

Рядовой ИЛЬЧЕНКО И. Ф. — с. Магазинка, Крым.

Лейтенант в/о ИЗМАЙЛОВ И. Ф. — с. Вишневка, Крым.

Полковник в/о КОЛЬЦОВ А. Н. — с. Ивановка, Луганская обл.

Ст. сержант КОСЫХ А. А. — с. Малониколаевка, Луганская обл.

Лейтенант в/о КОФАН Г. П. — с. Пантелемоновка, Донецкая обл.

Ст. лейтенант в/о КУЛИКОВ А. Д. — станица Советская, Ростовская обл.

Рядовой КАЗАКОВ С. Э. — с. Новоселовка, Донецкая обл.

Старшина КРОТИНОВ В. И. — с. Новое, Запорожская обл.

Ст. сержант ЛАРИН Д. М. — х. Калач-Крутак, Ростовская обл.

Полковник в/о ЛУБЯГОВ Г. Ф. — с. Великомихайловка, Днепропетровская область.

Ст. лейтенант ЛЕНЕВ С. И. — с. Удачное, Запорожская обл.

Рядовой МАТЮШЕВА А. Н. — с. Новое, Запорожская обл.

Мл. сержант МАШЕНКО К. Е. — пос. Чирский, Ростовская обл.

Лейтенант в/о МАШНИН И. Ф. — с. Червоная Поляна, Луганская обл.

Сержант МОСТОВОЙ В. Г. — с. Фруктовое, Запорожская обл.

Сержант НАГОВИЦЫН Ю. М. — х. Богатово, Ростовская обл.

Полковник мед. службы НАСТИН А. И. — г. Сердобск, Пензенская обл.

Капитан в/о ПАНАСЕНКО М. Г. — с. Михайловка, Донецкая обл.

Полковник в/о ПОЛТАРАЦКИЙ И. Д. — с. Великомихайловка, Днепропетровская обл.

Ст. сержант ПУШКИН П. С. — с. Вишневое, Крым.

Полковник в/о РЫБАКОВ К. И. — г. Вольск, Саратовская обл.

Капитан в/о РУДЬ Н. И. — пос. Врубовский, Луганская обл.

Майор в/о СНИЖКО А. М. — с. Новониколаевка, Запорожская обл.,
с. Малониколаевка, Луганская обл.

Старшина СВЕШНИКОВ А. П. — с. Ореховка, Луганская обл.

Старшина СТЕПАНЮК Г. Н. — с. Николаевка, Донецкая обл.

Ст. сержант СТРАХ А. А. — с. Красноармейское, Крым.

г. Авдеевка, Донецкая обл.

Ст. лейтенант в/о СУБОЧЕВ И. П. — с. Красноармейское, Крым.

Полковник в/о ФЕТИСОВ И. П. — с. Великомихайловка, Днепропетров-
ская обл.

Ст. лейтенант ФИЛЬ Г. И. — с. Новое, Запорожская обл.

Ст. сержант ЦЕПЛЯЕВ В. Я. — г. Петровское, Луганская обл.

Капитан в/о ЧУЛЬСКИЙ В. З. — с. Новониколаевка, Запорожская обл.

Полковник в/о ШАМАЕВ К. Т. — г. Морозовск, Ростовская обл.

Капитан в/о ШЕЙКО Г. М. — пос. Очеретино, Донецкая обл.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1. Через суровые испытания	стр. 5
2. От Волги и Дона до реки Миус	стр. 30
3. Донбасс, год 1943-й	стр. 63
4. На огненных мелитопольских рубежах. Даешь Сиваш!	стр. 88
5. Освобождая Крым. Дивизия наша — Краснознаменная!	стр. 107
6. Когда орудия грохотали у моря Балтийского	стр. 133
7. Память и долг	стр. 168
Герои Советского Союза 346-й стрелковой Дебальцевской Краснознаменной дивизии	стр. 175
Присвоено звание Почетного Гражданина	стр. 175

Авторы очерка:

ДОКТОРОВИЧ Леонид Ефимович.

Дом. адрес: 252200 г. Киев-200

Минское шоссе,

д. 10-а, кв. 149.

Дом тел. 432-35-30.

ЗАБОЛОТНЫЙ Григорий Павлович.

Дом. адрес: 252087, г. Киев-87,

ул. Ушинского,

д. 3, кв. 68.

Дом. тел. 272-39-15.

ОБЪЕДИНЕНИЕ

ДОКТОРОВИЧ Леонид Леонидович

Дом адрес: 232007 г. Киев-207

Минское шоссе

д. 10-а, кв. 119

Дом тел. 422-33-30

ЗАПОЛНИТЕ ГРАФИЧЕСКИ

Дом адрес: 232007 г. Киев-207

г. Ушичское

д. 60 кв. 5

Дом тел. 227-33-30

Донецкое управление по печати.

340002, Донецк, пр. Богдана Хмельницкого, 102.

Городская типография. 343810. Дебальцево, ул. Красноармейская, 16.
Сдано в набор 20-06-93 г. Подписано к печати 10-07-93 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Объем 11,25 Тираж 1000 экз. Заказ 2327.

Дополнительные свед. к очерку о 346-й СДКВ:

1. К стр. 20-23, части дивизии сражались в окружении на берегах Миздры: См. книгу Д. Волкогонова "Триумф и трагедия". Приводится официальный документ за подписью И. В. Сталина: "Командующему Запад. фронтом т. Лукову, члену ВС Зап. фронта т. Булганину, зам. ком. Запад. фронта т. Романенко, командующему 61 армией т. Белову, ком. 16 армией т. Баграмяну. 17 августа 42 г. 22 часа 00 мин. По донесениям штаб Зап. фронта 387, 350 и часть 346 с.д. 61 армии продолжают вести бой в обстановке окружения, и, несмотря на необходимые указания Ставки, помощь им до сего времени не оказывается. Войска никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками и всеми возможными силами и средствами стараются до тех пор не стало проситься к ним и спасти их. У советского командования должно быть сильное товарищеское чувство к своим окруженным частям, чем у нем. командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование" /Роман-газета, 317, 1991 г. стр. 59/.
2. К стр. 78. После взятия Дебальцево части дивизии освободили /перед Никитовкой/ село Халанетовку /ныне г. Угледерск/. См. книгу Вал. Лукуца "Гарбаросса" /глава "Через Халанетовку - Гитлер и дуче Муссолини сжигались над картой... дуче: "Халанетовка - это первый и решительный шаг к нашему будущему величию" ..
3. К стр. 157. Октябрь 1944 г. С вдова командирки дивизии сотрудница див. газеты М. Придель, П. Обрусин, Г. Заболотный обратились с письмом к писателю Эренбургу И. Г. /рассказали о делах и людях дивизии, поблагодарили писателя за его выступления в печати против фашистских захватчиков и убийц. Эренбург прислал свою книгу "Линия", изданную в 1944 году, с личностной подписью. /Драгитис у Заболотного/

